

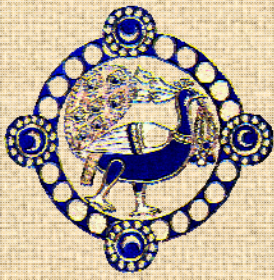
№1 (14) - 2017

ISSN 2181-032X

ЎЗБЕКИСТОН АРХЕОЛОГИЯСИ

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

№ 1 (14)
2017

**Журналга 2010 йилда
асос солинган**

© Ўзбекистон Республикаси
Фанлар академияси
Археология институти

**O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
YA. G'ULOMOV NOMIDAGI ARXEOLOGIYA INSTITUTI**

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА**

O'ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

**МУНДАРИЖА
МАҚОЛАЛАР**

Мирсоатова С.Т. Ўзбекистоннинг тош даври ёдгорликлари хронологиясига доир	3
Мурадова З.А. Буюк Ипак йўлидаги мусикий алоқаларга доир янги иконографик маълумотлар	11
Богомоллов Г.И., Бердимуродов А.Э. Кофирқалъа буллаларида куш тасвирлари	18
Кдырниязов М.-Ш. Хоразмнинг ўрта асрлар маданий тарихи	32
Раджабова Д. Н. Самарқанд ва Санкт-Петербург меъморчилик анъаналарининг тарихий-маънавий боғлиқлиги масаласига доир	37
ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ	
Шайдуллаев А.Ш. Сополли маданияти глиптикасида геометрик тасвирлар	43
Қубатин А.В. Ўзбекистоннинг қадимги туркий руник ёдгорликлари	51
ФАН ТАРИХИ	
Юнусов М.А. Самарқанд музейи коллекциясининг шаклланиши тарихидан	61
Умаров Ш. Ўрта асрлар Кеш воҳасида маданий муҳитнинг ривожланиш тарихи	65
ТАНҚИД ВА ТАҚРИЗ	
Хамидов О. Бокиев А., Шайдуллаев А., Йўлдошева З. Окс цивилизацияси. Тошкент, “Янги нашр”, 2015. - 176 бет.	69
АХБОРОТ	
2016 йил 15-16 сентябрда ЎзР ФА Я. Ғуломов номидаги Археология институтида “Ўзбекистон археологияси Мустақиллик йилларида: ютуқлар ва истикболлар” мавзусида ўтказилган халқаро конференция хусусида	73
ЮБИЛЯРНИ ХОТИРЛАБ	
Шомукармова Ф.Ш. Михаил Евгеньевич Массон ва Ўрта Осиё археологияси	75
ЮБИЛЯРЛАРИМИЗ	
Абдулхамид Анорбоевнинг 70 йиллигига Жамолiddин Мирзаахмедовнинг 70 йиллигига	

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ

- Мирсоатова С.Т.**
О хронологии памятников каменного века Узбекистана 3
- Мурадова З.А.**
Новые иконографические данные о музыкальных связях на Великом Шелковом пути 11
- Богомоллов Г.И., Бердимуратов А.Э.**
Изображения птиц на буллах Кафиркалы 18
- Кдырниязов М.-Ш.**
Культурогенез в средневековом Хорезме 32
- Раджабова Д. Н.**
К вопросу о историко-духовных связях архитектурных традиций Самарканда и Санкт-Петербурга 37

Трибуна молодого исследователя

- Шайдуллаев А.Ш.**
Геометрические образы глиптики культуры Сапалли 43
- Кубатин А.В.**
Древнетюркские рунические памятники Узбекистана 51

История науки

- Юнусов М.А.**
Из истории становления коллекции Самаркандского музея 61
- Умаров Ш.**
История развития культурной среды Кешского оазиса в эпоху средневековья 65

Критика и библиография

- Хамидов О.**
Бокиев А., Шайдуллаев А., Йўлдошева З. Цивилизация Окса . Ташкент, “Янги нашр”, 2015. - 176 стр. 69

Хроника

- О международной конференции «Археология Узбекистана в годы независимости: достижения и перспективы», проведенной в Институте археологии АН РУз им. Я. Гулямова 15-16 сентября 2016 г. 73

Памяти юбиляра

- Шамукарамова Ф.Ш.**
Михаил Евгеньевич Массон и археология Средней Азии 75

Наши юбиляры

- К 70-летию Абдулхамида Анарбаева 93
- К 70-летию Джамалиддина Мирзаахмедова 96

Главный редактор
д.и.н. Темура Ширинович Ширинов

Редакционный совет:

к.и.н. А.Э. Бердимуратов
(председатель)
акад. А.А. Аскарлов
д.и.н. Ванг Цзяньсинь (Китай)
д.и.н. Ф. Грене (Франция)
акад. А.П. Деревянко (Россия)
д.и.н. М.Ш. Кдырниязов
д.и.н. П. Лериш (Франция)
д.и.н. Б.Х. Матбабаев
к.и.н. Ш.Р. Пидаев
акад. Э.В. Ртвеладзе
д.и.н. Р.Х. Сулейманов
д.и.н. У. Такао (Япония)
к.и.н. Г. Ходжаниязов

Редакционная коллегия:

к.и.н. А.А. Анарбаев
к.и.н. Т.Дж. Аннаев
к.и.н. Г.И. Богомоллов
к.и.н. Ф.А. Максудов
к.и.н. Д.К. Мирзаахмедов
к.и.н. М.Х. Пардаев
(Ответственный секретарь)
к.и.н. А.А. Раимкулов
к.и.н. М.А. Реутова
к.и.н. В.Д. Рузанов
с.н.с. М.М. Саидов
(Ответственный за выпуск)
к.и.н. Б.К. Сайфуллаев
к.и.н. С.С. Суюнов
к.и.н. М.М. Хужаназаров

На обложке:

Логотип Института
археологии АН РУз.

Адрес редакции:

140151, Самарканд,
ул. акад. В. Абдуллаева, 3
Телефон: (8-366) 232-12-90

Журнал зарегистрирован
в Агентстве печати и
информации
Республики Узбекистан
Удостоверение № 0592

Сдано в набор 24.02.2017
Подписано в печать 16.03.2017

Формат 60x84 ¹/₈

Усл. печ. л. 11,60

Тираж 200 экз. Заказ 400

Отпечатано в Институте
археологии АН РУз
140151, Самарканд,
ул. акад. В. Абдуллаева, 3

МАҚОЛАЛАР

СТАТЬИ

ARTICLES

УДК: 902.01 (7.031.1)

ЎЗБЕКИСТОННИНГ ТОШ ДАВРИ ЁДГОРЛИКЛАРИ
ХРОНОЛОГИЯСИГА ДОИР

© 2017. С. Т. Мирсоатова

Фаргона Давлат университети

Калит сўзлар: хронология, тош даври, Селунгур, Кўлбулоқ, Қўтирбулоқ, палеолит, Ангиллак, Кўкаёз, Самарқанд макони, мезолит, Обишир маданияти, Қўшилиш, Мачай, неолит, Сазагон маданияти, Марказий Фарғона маданияти, Калтаминор маданияти, Устюрт, Қизилқум, Очилгор.

В данной статье изучен один из самых актуальных, и вместе с тем один из самых спорных вопросов первобытной археологии Узбекистана – вопрос периодизации. Сделан научный анализ временных рамок памятников на основе материалов археологических исследований, составлена периодическая таблица каменного века.

ABOUT CHRONOLOGY OF MONUMENTS OF THE STONE AGE OF UZBEKISTAN

S. T. Mirsoatova

This article studied one of the most important and one of the most controversial issues of prehistoric archeology of Uzbekistan – the issue of periodization. It is a scientific analysis of periodization of monuments on the basis of archeological research materials compiled the periodic table of the Stone Age.

Юртимиз инсониятнинг энг қадимги ўчоқларидан бири ҳисобланади. Ибтидоий одамларнинг қадимги манзилгоҳлари Ўзбекистоннинг турли ҳудудларидан топилган ва тадқиқ этилган. Олимларнинг узоқ йиллик изланишлари давомида ушбу ёдгорликларнинг пайдо бўлиши ва шаклланиши ўрганилган бўлса-да, бу ёдгорликларни даврлаштириш масаласи долзарб ва мунозаралидир. Ўрта Осиё ҳудудидаги энг қадимги ёдгорлик Селунгур ғори қатламлари Тошкентдаги кимё институти лабораториясида калий-аргон усули билан текширилиб, 1,5 млн. йиллар билан саналанган. Бироқ бир гуруҳ хорижлик тадқиқотчилар ҳеч қандай етарлича асосларсиз унинг қадимийлигига шубҳа билан қарамоқдалар (Ranov, 1993. P. 6). Уларнинг фикрича, Селунгурнинг санаси 250-300 минг йилдан ошмайди. Улар ушбу хронологиянинг ёшартирилишига сабаб қилиб ёдгорлик индустрияси тип-варақаларининг тўлиқ таснифи ишлаб чиқилмаганлигини кўрсатадилар. Тошкентдаги Кўлбулоқ манзилгоҳининг №3 қазишмасидаги 19 м чуқурликда аниқланган 22 та қуйи маданий қатламлари шубҳасиз илк палеолит даврига оиддир. Бироқ ушбу қатламлардан олинган тош буюмларнинг тип-варақалари ишлаб чиқилмаган ҳамда қатламлари бўйича абсолют саналар амалга оширилмаган. Бу материаллар тахминан 550 минг йиллар билан белгиланган. Аммо уларнинг геологик ҳолати масаласида мунозаралар мавжуд (Касымов, 1973. С. 71). Кўлбулоқнинг қуйи қатламлари материалларини илк палеолитга хослиги шубҳа уйғотмайди.

Бундан ташқари, фақат типологик жиҳатдан илк палеолит даври индустриялари кўринишига эга Чашма, Сўх (Исламов, 1988. С. 13; Исламов, 1992. С. 50), Бўкантоғ, Оролбўйи ва бошқа йиғма материаллар ҳам аниқланган.

Ўрта палеолит даврига оид юртимиздаги ёдгорликларнинг катта қисми очик типда бўлиб, плейстоцен даврининг иқлим шароитлари таъсирида маданий қатламлари аралашиб кетган ва шу сабабли муайян абсолют саналаш ишларини амалга оширишнинг иложи йўқ. Бундай комплекслар фақатгина техник-типологик усуллар ёрдамида нисбий саналаниши мумкин. Бундай ёдгорликлардан Зарафшон водийсидаги Қўтирбулоқ манзилгоҳи ўрта плейстоценнинг ўрталари билан даврлаштирилган эди (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. С. 16). Бироқ 1990 йилда ёдгорликнинг маданий горизонтларидан олинган уран услубига оид таҳлиллар унинг санасини 32 минг йиллар билан белгилади (Shimchak, 2000. P. 135). Ушбу далилга, албатта, ишониш қийин ва бу Қўтирбулоқ қатламларининг аралашиб кетганлигини яна бир бор тасдиқлайди. Бундан ташқари, қатламларнинг аралашиб кетганлигини тўпلامда майда тош пайрахаларнинг камлиги, тош буюмларнинг табиий таъсирлар туфайли емирилганлиги ва ўйиб-кертиб ишланган қуролларнинг кўплиги каби ҳолатлар ҳам исботлайди (Сайфуллаев, 2008. С. 9-12). Шунга ўхшаш манзараларни Ўзбекистоннинг ўрта палеолитга оид бошқа очик типдаги манзилгоҳларида ҳам кузатиш мумкин. Ўзбекистондаги ўрта палеолитга оид ғор манзилгоҳлари нисбатан яхши ўрганилган бўлишига қарамасдан, уларнинг аксарият қисмида абсолют саналаш ишлари амалга оширилмаган, фақатгина геологик жиҳатдангина даврлаштирилган. Масалан, Тешиктош ғори қатламлари ўрта плейстоценга ёки ўрта палеолит даврига оид, деб талқин қилинган. Аммо ўрта палеолит даври ёки ўрта плейстоцен геологик босқичи бир неча ўн минг йилликларни ўз ичига олади. Бу ҳол тош асри археология ёдгорликларини аниқ даврлаштиришда, ибтидоий тарихни ёзишда ва талқин қилишда қатор муаммоларни келтириб чиқаради. Тошкент вилоятидаги Обираҳмат ғори нисбатан яхши ўрганилган ва унинг қатламларидан бир неча абсолют саналар олинган. Бу маълумотларга кўра ёдгорликнинг энг қадимги санаси 87 минг йил билан қуйи санаси эса 36 минг йиллар билан даврланади (Деревянко, Исламов, и др., 1999. С. 44; Деревянко, Исламов, и др. 2001. С. 76; Деревянко, Исламов, и др., 2002. С. 25). Бу маконнинг ёши ўртача 50 минг йил қилиб белгиланган. Шунинг учун биз ушбу илмий ишимизда юртимизда ўрта палеолит даврининг бошланишини, шу пайтгача таъкидлаб келинганидан фарқли ўлароқ, сўнгги неандерталлар билан боғлиқ равишда 60-50 минг йиллар муқаддам бошланган, деган талқинни илгари сураимиз. Негаки, Ўзбекистондаги ўрта палеолит даврига оид ёдгорликлардан, асосан, неандертал типдаги одамларнинг топилиши ва бундан 60 минг йиллар муқаддам уларнинг Ғарбий Европа ва Осиё худудларига келиб қолганликлари ҳақидаги фактик маълумотлар шундан далолат беради (Jobere, 2001. P. 36). Ўтган асрнинг охириги ўн йилликларигача Ўзбекистон худудда сўнгги палеолитга оид саноклигина ёдгорликлар мавжуд деб ҳисобланарди. Булар Самарқанд сўнгги палеолит даври маданияти ёдгорликлари ҳамда Кўлбулоқнинг юқори учта маданий горизонтлари материаллари эди. Кейинги йилларда олиб борилган тадқиқотлар натижасида бу давр ёдгорликларининг кўп сонли эканлиги аниқланиб, Ангиллак (Сулейманов, Майкл, 2003. С. 17-23), Додекадим (Деревянко, Исламов, Кривошапкин, 2006. С. 23), пункт №23 (Бруне, Хужаназаров, Сайфуллаев, 2005. С. 28-42) ва Кўкаёз 1, 2, 3 (Сайфуллаев, Қурбонбоев, 2008. С. 33) каби сўнгги палеолитга оид янги ёдгорликлар очилди. Зарафшон водийсидаги мусте даврига хос деб келинган Зирабулоқ манзилгоҳи қайтадан ўрганилиб, унинг тўлиқ юқори палеолитга тегишлилиги исботланди (Сайфуллаев, 2003. С. 62). Таъкидлаш керакки, Ўзбеки-

1-жадвал

Ўзбекистон палеолити ёдгорликларининг даврий маданий жадвали

Ёдгорликлар	Саналар	Маданиятлар
Селунгур	1, 5 млн. йил	Осиёча ашел
Кўлбулоқнинг қуйи қатламлари	550 минг йил	Микок
Тешиктош, Амир Темур, Обирахмат (C ¹⁴), Палтов, Қўтирбулоқ, Такаликсой, Гўрдара	70-50 минг йиллар	Обирахмат
Қўтирбулоқ, Кўлбулоқнинг ўрта қатламлари ва бошқалар	60-50 минг йиллар	Тишсимон мустье
Ангиллак	43000-27000 минг йиллар (C ¹⁴ бўйича)	Граветти
Зирабулоқ	22000-19000 минг йиллар	Солютре
Самарқанд сўнгги палеолит ёдгорликлари (Самарқанд макони, Сиёбча, Хўжамазгил,)	20-15 минг йиллар	Мадлен
Кўлбулоқнинг юқори (I-III) қатламлари	18000-12000	Мадлен

2-жадвал

Ўзбекистон мезолити ёдгорликларининг даврий маданий жадвали

Ёдгорликлар	Саналар (минг йиллик)	Маданиятлар
Тошкўмир	XI (IX?)	Обишир маданиятининг илк босқичи
Обишир I-V (2 пункт, Мадёр, Аччиқкўл, Янгикадам 21, Замбар 2 ва бошқалар)	IX (VIII?) - VII	Обишир маданиятининг ўрта босқичи
Марказий Фарғона мезолити (3, 5, 16 пунктлари, Сариксув, Бахробод ва бошқалар)	VII	Обишир маданиятининг сўнгги босқичи
Кўшилиш	X-IX	Обишир маданиятининг Тошкент варианты
Айритом, Термиз материаллари	IX-VII	Сурхондарё маданияти
Мачай	7550±110 йиллар	Сурхондарё маданияти
Сазағон 1 макони	VIII? -VII	Сазағон маданияти
Очилғор макони	IX-VII	
Устюрт. Ривожланган мезолит: (Айдабол 16 ва 25)	VIII-VII	?
Устюрт. Сўнгги мезолит ва илк неолит: (Айдабола 2, 4, 7, 9, 10, 11, 20, 21, 22, 23, Актойлак 1, Чурунг 3, Актобе 2.	VII-VI	?

Ўзбекистон неолити ёдгорликларининг даврий маданий жадвали

Маданиятларнинг номи	Санаси (минг йиллик)	Ёдгорликлар
Калтаминор	VI-II	Қават 5, Куняк 1, Жонбос 31
Илк босқич	VI-V	
Ўрта босқич	IV-III	Қават 7, Дингилжа 6, Қўрғошин Г ва Д, Тожиқазғон ба, Қирққиз 1, Жонбос 4 (юқори қатлами), Жонбос 32
Сўнгни босқич	III-II	Жонбос 5 ва 11, Маъмур 3 ва 4, Байрамқазғон 4, Тожиқазғон 2, 3, 6, 8, 10, 14, Қурали 1, Барактом 10, Дингилжа 6
Марказий Фарғона	II	Марказий Фарғона ёдгорликлари
Сазағон	VIII- III (?)	
Ўрта босқич	VIII? - V	Сазағон 2
Сўнгни босқич	VI – III (?)	Тепакул 3, Жангал 1

стондаги сўнгни палеолит даври ёдгорликлари даставвал шу даврнинг бошлари билан саналанган эди. Масалан, Самарқанд макони қатламлари радиокарбон услуб билан 38 минг йиллар билан саналанган ва бу Д.Н. Левнинг ёдгорлик материалларини 40 минг йил билан, яъни сўнгни палеолитнинг бошларига оид деган фикрига тўлиқ мос келарди (Лев, 1967. С. 97). Бироқ бу сана ўша даврда тўлиқ асосланмаган. Кейинги тадқиқотлар маконнинг санасини 20-15 минг йиллар, яъни юқори палеолитнинг иккинчи ярми доирасида белгилади (Ранов, 1972. С. 176). Тошкент вилоятидаги Кўлбулоқнинг юқори (I-III) қатламлари материаллари ҳам сўнгни палеолитнинг бошларига тегишли ва у узлуксиз равишда қуйидаги мусте даври қатламларидан ўсиб чиққан, деган фикр илгари сурилган эди (Джуракулов, 1990. С. 30). Лекин кейинги тадқиқотлар бу материалларнинг сўнгни палеолитнинг охирларига оид эканлигини кўрсатди (Касымов, 1990. С. 35). Қашқадарёдаги Ангиллак ҳамда Тошкент вилоятидаги Додекадим маконларининг индустрияси ҳам сўнгни палеолитнинг сўнгни босқичларига хос белгиларга эга.

Шундай қилиб, Ўзбекистондаги палеолит даври ёдгорликларидан олинган материаллар ва улар ҳақидаги мавжуд адабиётларни таҳлилий тадқиқ қилиш натижасида ушбу давр хронологияси ҳақида қуйидагича хулосага келиш мумкин. Ўзбекистон ҳудудида илк палеолит 1,5 млн. йиллар муқаддам бошланган бўлиб, жуда узоқ вақт давом этган. Бироқ ўрта палеолит даври ҳозирги маълумотларга кўра бундан ўртача 70-50 минг йиллар муқаддам юртимизга неандертал типидagi гоминидларнинг кириб келиши билан бошланган. Одамнинг навбатдаги типи - хомо сапиенс сапиенс эса ватанимиз ҳудудларини сўнгни палеолит даврида ўзлаштириб, шу даврнинг иккинчи ярмида кенг тараккий топган ва афтидан, кейинги мезолит даври маданиятларининг шаклланиши учун замин ҳозирлаган.

Мезолит даври ёдгорликлари моддий маданият намуналарининг гувоҳлик беришича, бу давр Ўзбекистонда эр. ав. XI-VII минг йилликларни қамраб олади. Аммо дунё таснифида ўрта тош асри эрамыздан аввалги 12 минг йилликлардан

бошланади. Куйида биз Ўзбекистон мезолит даври ёдгорликларининг маданий даврий жадвалини тузиб чиқдик (жадвал №2). Унга кўра айтиш мумкинки, Ўзбекистон ҳудудлари илк мезолит давридаёқ ибтидоий қабилалар томонидан ўзлаштирилган. Энг аввало юртимизнинг шимоли-шарқий ҳудудлари, яъни Фарғона (Обишир маданияти) ҳамда Тошкент воҳалари (Кўшилиш) ўзлаштирилган. Кейинчалик мезолит даврининг ўрталаридан бошлаб Зарафшон дарёси водийси Чорбақти маконлари (Сазағон 1) ва Сурхондарё (Айритом, Эски Термиз, Мачай), Устюрт ва Қизилкум ҳудудлари ўзлаштирилган.

Ўзбекистон ҳудудида Калтаминор, Марказий Фарғона, Сазағон ва Устюрт ёдгорликлари неолит жамоалари маданиятига тегишлидир. Улардан энг қадимгилари Калтаминор маданияти ёдгорликларидир. Куйида бу маданиятларнинг хронологик жадвалини таклиф қиламиз (жадвал №3).

А.В. Виноградов томонидан Калтаминор маданияти ёдгорликлари нисбий хронологик жиҳатдан учта босқичга ажратилади (Виноградов, 1968. С. 142). Унга кўра, биринчи (илк) босқичга Жонбос 4 нинг куйи қатламларидан ташқари Қават 5, Куняк 1 ҳамда Жонбос 31 ёдгорликларини киритиш мумкин. Ушбу ёдгорликларнинг материалларини хронологик фарқи бўлса ҳам улар бир-бирига жуда ўхшаш. Эҳтимол, Қават 5 ва Куняк 1 манзилгоҳлари Жонбос 4 билан таққосланганда уларни илк неолит даври доирасидаги сўнгги босқичларга оид дейиш мумкин.

Иккинчи (ўрта) босқичга Оқчадарёдаги Қават 7 маконини ҳамда Жанубий делта ва Оқчадарё коридоридаги Дингилжа 6, Қўрғошин Г, Д, Тожиқазғон ба, Қирқиз 1, Жонбос 4 нинг юқори қатлами ва Жонбос 32 топилмажойларини киритиш мумкин. Бу ёдгорликларнинг моддий маданияти биринчи босқичдан сезиларли даражада фарқ қилади. Ушбу ёдгорликлар сопол идишларида чизилган, ўйма ва босма нақшлар асосий ўрин эгаллайди. У ерда нақшлар жуда кам бўлиб, “юрувчи тож” (тишсимон “беланчак”) ҳамда равон “беланчак” типидagi нақшлар умуман учрамайди.

Учинчи (сўнгги) босқич ёдгорликлари сони ва тарқалган ҳудудлари жиҳатидан энг йирик бўлса-да, уларда топилмалар сони кўп эмас. Уларга Жонбос 5 ва 11, Мамур гуруҳи ёдгорликлари Мамур 3 ва 4, Байрамқазғон гуруҳидан Байрамқазғон 4, Оқчадарё коридори ва Шимолий делтадан Тожиқазғон 2, 3, 6, 8, 10, 14, Курали 1, Барактом 10 ҳамда Жингилди 6 ёдгорликлари киради. Ушбу гуруҳ ёдгорликларига оид сопол буюмларда “беланчак”, тишсимон нақшлар, майда геометрик композициялар, ўйма, босма ва тўғри чизикли чизма нақшлар учрайди.

Сазағон 1 ва 2 ёдгорликларининг санаси борасида турлича фикрлар мавжуд. Айрим тадқиқотчилар уларни неолит даврига (Лев, 1970. С. 30; Лев, 1972. С. 15; Холюшкина, 1972. С. 11; Джуракулов, 1972. С. 58; Джуракулов, 1986. С. 109), бошқалари мезолит-неолит даврларига (Джуракулов, Мамедов, 1986. С. 74, 77), учинчилари эса мезолит даврига хос (Коробкова, 1975. С. 23; Коробкова, 1977. С. 112; Холюшкина, Холюшкин, 1979. С. 18-19) деб талқин қиладилар. Айтиш жоизки, тадқиқотчиларнинг биронтаси ҳам ушбу ёдгорликларни бир даврга хос, дейишмаган. Аслида, уларнинг фарқи индустрия ва типологияда ҳам эмас, балки улар ўртасидаги нисбатдадир. Шундай бўлса-да, Сазағон 1 макони нисбатан қадимийроқ, деб ҳисобланган.

Кейинги йилларда Сазағонсойнинг геологик жиҳатдан яхши ўрганилиши ва Жангал 1 ҳамда Тепакул 3 ёдгорликларининг топилиши Сазағон материаллари

санасини аниқлашда аниқликлар киритишга имкон яратади. С.А. Несмеяновнинг тадқиқотларига кўра, террасалар кўрсатишича, Сазағон 1 ёдгорлигининг санаси эр. ав. VIII-VII минг йиллардан ошмайди. Бироқ Э.Д. Мамедов олиб борган геологик изланишлар Сазағон водийси ва унга туташ террасаларнинг ҳамда шу қатламлардаги материалларнинг санасини плейстоцен даврининг охири ва голоцен даврининг бошлари билан боғлиқ эканлигини кўрсатади (Несмеянов, 1972. С. 2). Бу хулосалар ҳозирда археологик материаллар билан ўз исботини топмоқда. Тош индустриясининг характериға кўра Сазағон 1, Сазағон 2, Жангал 1 ёдгорликлари материаллари даврий кетма-кетликда жойлашади (Джуракулов, Мамедов, 1986. С. 84, 87).

Сазағон 1 ёдгорлиги материаллари сўнгги мезолит даврига оид, деб ҳисобланган бўлса, бу ернинг бошқа ёдгорликлари кейинги изланишлар натижасида бироз ўзгача талқин қилинади. Сазағон 1 ва 2 ёдгорликлари тош индустрияси типологик жиҳатдан илгари такқосланиб хулоса чиқарилган эди. Бироқ кейинги тадқиқотда Сазағон 2 маконидан неолит даврига оид сопол буюмларнинг топилиши ҳақдаги фикрларни қайта мулоҳаза қилиш зарурлигини кўрсатади.

Марказий Фарғона материалларининг санаси тахминан аниқланиши мумкин. Шу нарса аниқки, эр. ав. 2-минг йилликнинг иккинчи ярми ва 1 минг йилликнинг биринчи чорагида, яъни Чуст маданияти ҳукм сурган даврда чакмоқтошли тош қуроллар ясалмаган.

Шундай қилиб, Ўзбекистон ҳудудлари бундан 1,5 млн. йиллар муқаддам, илк палеолит даврининг бошлариданок гоминидлар томонидан ўзлаштирилган (Селунгур). Бироқ илк палеолитга оид ундан кейинги ёдгорликларнинг ёши (Кўлбулок, Жарсой, Бўкантов ва х.) 500 минг йилдан ошмайди. Демак, бугунги кунда илк палеолитнинг бошлари билан ўрталари орасида жуда катта даврий бўшлиқ мавжуд. Балки, кейинги тадқиқотлар бу масалада янгиликлар топилиб қолар. Ўрта палеолит даври эса, Европада бўлгани каби 100 минг йиллар билан эмас, балки бундан 70-50 минг йиллар муқаддам юртимизга неандертал типидаги одамларининг кириб келиши билан бошланган, дейишимиз мумкин.

Сўнгги палеолит даври Евроосиёда бундан 35 минг йиллар муқаддам бошланганлигига қарамасдан, ҳозирги маълумотларга кўра, замонавий типдаги одамлар юртимизга бундан 25 минг йиллар бурун кириб келган ва шунга мос равишда Ўзбекистонда сўнгги палеолит унинг иккинчи ярмидан бошланган дейиш мумкин. Лекин шуни айтиш мумкинки, сўнгги палеолитнинг охирларида яшаган ибтидоий қабилалар юртимиздаги кейинги мезолит даври тараққиётига ўсиб ўтадилар.

Мезолит даври ёдгорликлари ҳам ўзига хослиги билан ажралиб туради. Бу давр бошқа ҳудудларда эр. ав. 12 минг йилликдан бошланса, Ўзбекистонда ушбу даврга оид энг қадимги маконлар 11 минг йиллар билан белгиланган. Яна бир хусусият шундан иборатки, Ўзбекистондаги барча неолит даври ёдгорликлари маконлари остида ёки ёнида уларнинг пайдо бўлишига олиб келган мезолит даври қатламлари ёки ёдгорликлари мавжуд. Масалан, Марказий Фарғона неолити маҳаллий Обишир мезолит маданияти, Сазағон маданияти ўша ердаги Сазағон 1, Очилғор макони мезолит макони асосида, Қалтаминор маданияти маҳаллий мезолит даври асосида шаклланган.

Шундай қилиб, айтиш мумкинки, сўнги палеолит давридан бошлаб юртимизда шаклланган маданиятлар маҳаллий илдизларга эга бўлиб, кўшни худудларда яшаган жамоалар билан доимий маданий алоқада шаклланганлар.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Бруне Ф., Хужаназаров М.М., Сайфуллаев Б.К.* Палеолитические находки из Букантау // Отчет о работе Узбекско-французского археологического отряда за 2004 г. Самарканд, 2005.
- Виноградов А.В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.
- Деревянко А.П., Исламов У.И., Кривошапкин А.И.* Местонахождения Додекатым на Чирчике // Археологические исследования в Узбекистане за 2010-2011 гг. Ташкент, 2006.
- Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Алимов К., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б.К.* Исследования грота Оби Рахмат (Республика Узбекистан) в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999.
- Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Алимов К., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б.К.* Новые данные о палеолитических индустриях пещеры Пальтау (Республика Узбекистан) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. Новосибирск, 2002.
- Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б.К.* Ранний верхний палеолит Узбекистана: Индустрия грота Оби Рахмат (по материалам слоев 2-14) // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (8). Новосибирск, 2001.
- Джуракулов М.Д.* Каменный век долины реки Зарафшана // Автореф... док. ист. наук. Самарканд, 1990.
- Джуракулов М.Д.* Некоторые итоги археологических исследований СамГУ в 1970 г. // Труды СамГУ, новая серия, вып. 218. Самарканд, 1972.
- Джуракулов М.Д.* Новые открытия археологов СамГУ // Древние цивилизации Востока (Материалы II советско-американского симпозиума), Ташкент, 1986.
- Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д.* Геология археологических памятников Зарафшана. Ташкент, 1986.
- Исламов У.И.* Итоги и перспективы изучения пещерной стоянки Сель-Унгур // Проблемы взаимосвязи общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А.* Комплексные исследования древнепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур // Раннепалеолитические комплексы Евразии. Новосибирск, 1992.
- Касымов М.Р.* Палеолит Средней Азии и Южного Казахстана // Автореф... док. ист. наук. Новосибирск, 1990.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
- Коробкова Г.Ф.* Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии // СА. Вып. 3. М, 1975.
- Коробкова Г.Ф.* Мезолит Средней Азии и его особенности // КСИА. Вып. 149. М, 1977.
- Коробкова Г.Ф.* Трасологические исследования каменного инвентаря Самаркандской стоянки (по материалам 1958-1960) // МИА. №185. М, 1972.
- Лев Д.Н.* Из истории изучения первобытной археологии Самарканда // Труды СамГУ Новая серия. Вып. 182. Самарканд, 1970.
- Лев Д.Н.* Итоги работы археологического отряда СамГУ им. А. Навои в 1966 г. // Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 218. Самарканд, 1972.

- Лев Д.Н.** Некоторые итоги археологических исследований СамГУ в 1965 г. Труды // СамГУ. Новая серия. Вып. 166. Самарканд, 1967.
- Несмеянов С.А.** О геологическом положении стоянки Сазаган 1 // Рукопись. Архив кабинета археологии исторического факультета СамГУ. Самарканд, 1972.
- Ранов В.А.** Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. № 16. М, 1975.
- Сайфуллаев Б.К.** Бифасы палеолита Узбекистана // Археологические исследования в Узбекистане за 2007 г. Ташкент, 2008.
- Сайфуллаев Б.К.** Палеолит долины реки Зарафшана и Северо-восточных Кызылкумов // Автореф... док. ист. наук. Самарканд, 2003.
- Сайфуллаев Б.К., Курбонбоев И.М.** Қизилкумдаги палеолит даври устахоналарини ўрганишга доир (Есен 2, Қорақудук, Шахпахти, Қўкаёз 1, 2 ва 3 материаллари асосида) // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.
- Сулейманов Р.Х., Майкл Г.** Грот Ангиллак на территории Кашкадарьинской области // Археологические исследования в Узбекистане за 2002 г. Ташкент, 2003.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.** Древнекаменный век долины реки Зарафшана. Ташкент, 1980.
- Холюшкина В.А.** Неолитическая стоянка Сазаган // ТД XXXI студентской конференции (исторические науки). Самарканд, 1972.
- Холюшкина В.А., Холюшкин Ю.П.** К вопросу о характере развития мезолитической индустрии Сазаган // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.
- Jobere J.** Mousterienne en Europe. Paris, 2001.
- Ranov V.A.** Decouverte des civilisations d'Asie Centrale // Les dossiers d'Archeologie №185. Septembre 1993. Paris, 1993.
- Shimchak K. et al.** Kuterbulak Revisited. A middle Paleolithic Site in Zeravshan River valley, Uzbekistan // Central Asia - Prohistoric Studies, vol. 1. Poznan, 2000.

УДК: 902 (903)

НОВЫЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О МУЗЫКАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

© 2017. З.А. Мурадова

Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: древность, раннее средневековье, музыкальные инструменты, иконография, Великий Шелковый путь, транскультурные связи.

Мақолада XX аср ўрталари – XXI аср бошларида Ўзбекистон ва Хитой ҳудудларида топилган муסיқий чолғуларнинг тасвирлари таҳлил этилган. Олинган янги маълумотлар қадимги ва илк ўрта асрларга оид муסיқий созлар ҳамда уларнинг Буюк ипак йўли орқали маданиятлараро тарқалиши хусусидаги тасаввурларимизни кенгайтиради ва тўлдиради.

NEW ICONOGRAPHIC DATA ABOUT MUSICAL CONTACTS ON THE GREAT SILK ROAD

Z.A. Muradova

In this article the iconography of musical instruments found in the mid. XX – beg. XXI century on the territory of Uzbekistan and China is examined. New data expands and supplements the idea (conception) about ancient and Early Medieval instruments and its transculture spreading across the Great Silk Road.

Исторические связи музыкальных культур на Великом Шелковом пути – поистине неисчерпаемая тема. Все новые импульсы к ее развитию дают вводимые в научный оборот археологические находки, которые не только дополняют сложившиеся взгляды, но иногда служат основанием для их пересмотра и уточнения. Очевидным образом это касается и вопроса транскультурного распространения музыкальных инструментов в древности и средневековье, в той или иной степени освещенного в трудах узбекских и зарубежных специалистов, среди которых почетное место принадлежит монографии Т.С. Вызго «Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки» (Вызго, 1980). Прочно войдя в «сокровищницу фундаментальных работ о материальной культуре народов Средней Азии»¹, эта книга продолжает оставаться одним из ключевых источников и методологических ориентиров в изучении музыкальной иконографии Узбекистана и сопредельных стран, а также интегративных процессов в сфере музыкального инструментария.

Артефакты, о которых пойдет речь, были найдены в сер. XX – нач. XXI века на территории Узбекистана и Китая. Часть из них – терракоты из Кампыртепа (2000 г.), Дальверзинтепа (2003 г.) и Старого Термеза (2007 г.) – были опубликованы в предыдущих работах автора (Мурадова, 2014. С. 135-137, ил. 10-12а; Мурадова, 2016. С. 53, 213, ил. 1-1а). Другие – одна из плит погребального ложа An Jia (Сиань, 2000) и фрагменты экспонатов из Miho Museum (Япония) – привлекаются с целью анализа изображенных инструментов и расширения сведений об их территориальной распространенности и путях миграции².

Короткие щипковые лютни I-III в. н.э. из Кампыртепа и Старого Термеза имеют большой круглый резонатор, отогнутую назад головку, 4 струны и примыкают к хронологически близкому (I в. до н.э. – III в. н.э.) афрасиабскому типу (ил. 1-3). Ви-

зуальное (вследствие использования разных матриц) несходство всех трех фигурок и места обнаружения новых артефактов служат доказательством того, что ареал бытования данного типа лютен не ограничивался Согдом, как предполагалось ранее (Вызго, 1980. С. 18), но включал и древнюю Бактрию.

Еще одно новое изображение лютни из Дальверзинтепа имеет типологическое сходство с ранее найденной там же терракотой (Вызго, 1980. С. 38) и струнным инструментом из Канки (ОНУ, 1974. С. 45-46; Вызго, 1980. С. 56-57; Малькеева, 1991. С. 46-47). Все инструменты имеют грушевидный корпус (у канкинского «экземпляра» он крупнее), две струны³, короткую шейку и игровое устройство в виде удлинённой палочки с заостренным верхним концом (илл. 4-6).

Похожее, но большее по размерам устройство демонстрируют изображения длинной и короткой лютни из Хантепа (Lunina, Stoliarova, 1993. P. 57, fig. 7), Гунсяна (Малькеева, 1990. С. 49, рис. 6, Д) и Пенджикента (Karomatov, Meškeris, Vyzgo, 1987. Abb. 82) (илл. 7-9).

Инструменты с подобной деталью представлены и на рельефе плиты погребального ложа *сабао*⁴ An Jia из Сианя (Байпаков, 2010. С. 53, 179, цвет. табл. II), в руках согдийских музыкантов на монументе Chang-te-fu, Хунань (Meshkeris, 2000. Fig. 3, 7), у фигурок китайских лютнисток из музея Михо (Miho Museum, 1997. P. 260, fig. 127) и на позднесредневековой среднеазиатской миниатюре (Бочкарева, 1964, ф. 45) (илл. 10-13).

На всех перечисленных изображениях игровые палочки имеют форму заостренного кверху либо круглого в поперечном сечении стержня. Судя по способу их удержания – поперек струн пальцами огибающей резонатор либо расположенной вдоль инструмента правой руки – они использовались для фрикционной игры, которая могла сочетаться с плекторной. Применение такого устройства представляется одним из способов инструментальной передачи мелодического, распевно-протяженного звучания, принципиально не достижимого щипковой или плекторной игрой.

Появление подобной лютни в раннесредневековой иконографии Согда и Бактрии специалисты объясняли активным воздействием «музыкальной культуры Восточного Туркестана на искусство Средней Азии» (Малькеева, 1990. С. 204-205), обратным движением «того потока, который в первые века н.э. хлынул из Согда на Восток» (Вызго, 1980. С. 53). Не оспаривая этого вывода в целом, отметим, что датировка находок из Дальверзинтепа (I-III вв.) и Канки (IV-V вв.) дает основание предполагать местное происхождение фрикционных (протосмычковых) лютен еще в период среднеазиатской античности (подробнее об этом см.: Мурадова, 2016. С. 53-58, 213-215). По крайней мере, в отношении лютни из Канки, замечено, что подобный инструмент мог сопровождать упоминаемый в китайских хрониках эпохи Тан «Западный скачущий танец» – *хутенью* (Малькеева, 1990. С. 46).

Ряд инструментов, характерных для среднеазиатского региона в древности и раннем средневековье, демонстрирует и экспонат начала эпохи Тан (618-907 гг.) из Miho Museum (Miho Museum, 1997. P. 260, fig. 127), представляющий собой ансамбль из 12 женских керамических фигурок (Мурадова, 1916. С. 54-57). В руках музыкантш – фрикционные лютни с короткой шейкой, малая угловая арфа и тарелки-получаши в редко встречающемся объемном изображении.

У лютни деталью-определителем (илл. 12) является круто отогнутая назад головка, которая, по мнению специалистов, отличала именно среднеазиатские лютни, то-

Илл. 1. Щипковая лютня. I-II вв. Кампыртепа, 2000

Илл. 2. Щипковая лютня. II-III вв. Ст. Термез, 2007

Илл. 3. Щипковая лютня. I в. до н.э. – III в. Афрасиаб

Илл. 4. Фрикционная лютня II-III вв. Дальверзинтепа, 2003

Илл. 5. Лютня из Бактрии I-II вв. Дальверзинтепа

Илл. 6. «Шашская» лютня IV-V вв. Канка

Илл. 7. Фрикционная лютня VI—нач. VII вв. Хантепа

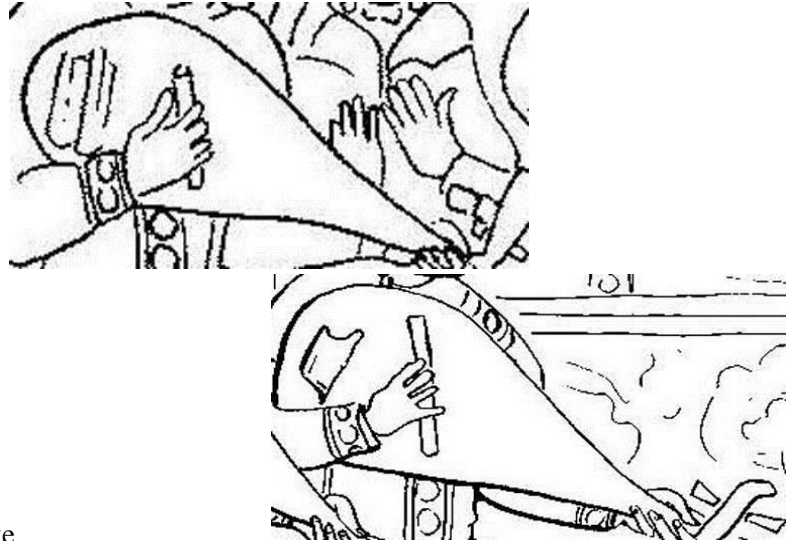
Илл. 8. Лютнистка VI в. Гунсян

Илл. 9. Лютнистка VI-VII вв. Пенджикент

Илл. 10. Исполнитель на лютне.
VI в. Сиань (Чанъань), 2000

Илл. 11. Согдийские лютнисты. VI в. Хунань

Илл. 12. Женские фигурки с лютнями. Нач. VII в.
Хунань, Miho Museum (Япония)

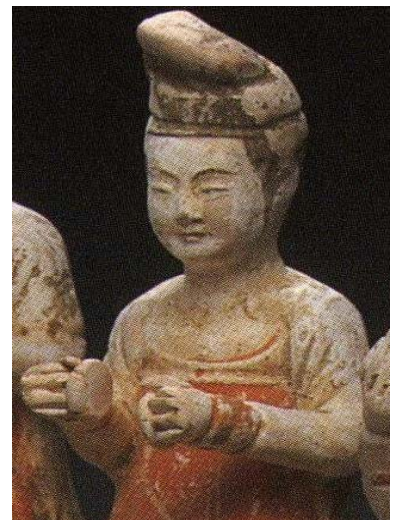
Илл. 13. Гиджакообразный
инструмент. Среднеазиатская
миниатюра. XVII в. н.э.

Илл. 14. Арфистка.
Нач. VII в. Хунань

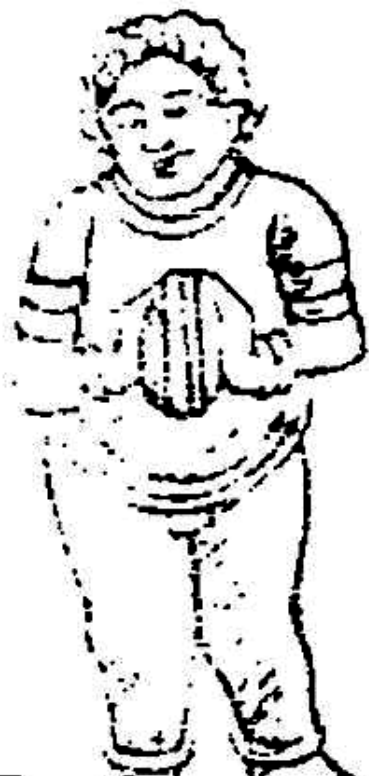
Илл. 15. Согдийско-
бактрийская арфа. VI в.
Сиань (Чанъань) 2000.

Илл. 16. Тарелки-получаши.
Нач. VII в. Хунань

Илл. 17. Сценка на сосуде VI в. Хэнань

Илл. 18. Музыкант с тарелками II-I в. до н.э. Гандхара

Илл. 19. Тарелки-получаши VI-VII в. Сев. Китай.

гда как у восточно-туркестанских ее аналогов (ил. 12а) «по-видимому, этой детали не было или ...она не была для них обязательной» (Вызго, 1980. С. 54).

Малая угловая арфа (ил. 14) не имеет струн, но хорошо просматривается вертикальный, слегка расширенный к изогнутому верхнему концу резонатор и штифт для упора под горизонтальной планкой. По оценкам специалистов, указанные элементы относятся к атрибутивным признакам арф среднеазиатского, в частности, согдийско-бактрийского происхождения (Вызго, 1980. С. 22, 55, 57, рис. 32, илл. 4; Малькеева, 1990. С. 52, рис. 9). Эти признаки наглядно демонстрирует арфа, изображенная, как считается, в руках согдийского *сабао* An Jia на рельефе одной из плит его погребального ложа (Байпаков, 2010. С. 53, 179, цвет. табл. II) (ил. 16).

Тарелки представляют собой две полусферические чаши с крепежными ремешками (ил. 15). Ударные части выполнены в виде объемных дисков, выступающих за край удерживаемых скругленными пальцами чаш, ремешки пропущены между большими пальцами и охватывают кисти музыкантши. Древние прототипы этого инструмента встречаются на гандхарских рельефах II-I в. до н.э., ритонах Нисы (II в. до н.э.), Айртамском фризе (II в. н.э.). Известно и терракотовое изображение мужского торса из Афрасиаба (V-VII вв.) с тарелками в виде дисков, прилепленных к рукам исполнителя (Вызго, 1980. С. 50, илл. 14). Эта находка вкупе с изображением музыканта со связанными ремнями тарелками на винном сосуде VI в. из Хэнани (ил. 17) подтверждает вывод Т.С. Вызго о двух разновидностях этого инструмента – получаш и дисков (Вызго, 1980. С. 33). Однако предположение ученого об их гендерном различии (получаши – женский инструмент, диски – мужской) (Вызго, 1980. С. 33) опровергается явно мужским обликом и костюмом персонажа из Гандхары (Krishnamurthy, 1973. P. 57) и среднеазиатского музыканта на мраморной панели VI-VII вв. из Музея Михо (Miho Museum, 1997. P. 254, fig. J) с тарелками-получашами в руках (илл. 18-19). В Китае данный инструмент был известен как *тунба* (медные тарелки) и входил в состав бухарского (Аньго) и самаркандского (Канго) отделов, то есть ансамблей (Рифтин, 1960. С. 126).

Таким образом, рассмотренные инструменты подтверждают сведения китайских хроник о составах ан-

самблей Аньго и Канго, в числе которых упомянуты арфа-кунхоу, лютяня-*nuná*, тарелки-*тунба* (Рифтин, 1960. С. 126).

Привлеченные находки позволили дополнить, расширить и уточнить сведения о среднеазиатском инструментарии эпохи древности и раннего средневековья. В частности, они наглядно подтвердили предположение немецкого музыковеда В. Бахманна об использовании в Средней Азии «смычковой дуги, другими словами – трения палкой» (Бахманн, 1990. С. 125-127), с одним, однако, принципиальным уточнением. Фрикционные палочки на изображениях являют собой не «смычковую дугу» (возможно, здесь – погрешность перевода), а *прямую трость*, которая, по нашему мнению, впоследствии трансформировалась в прямой смычок со свободно подвязанным волосным пучком.

Справедливо и утверждение ученого о том, что «чрезмерно длинная или чересчур короткая» форма «смычковой дуги», визуально различимая на изображениях, отражает «поиски ее целесообразной величины» (Бахманн, 1990. С. 126) на ранних стадиях выработки способов смычковой игры. Одним из таковых может считаться фрикционный способ, выделенный Р. Л. Садоковым в качестве самостоятельного (Садоков, 1973. С. 145).

Новые данные о среднеазиатских инструментах, интегрированных Китаем, стали еще одним убедительным свидетельством активного взаимодействия музыкальных культур на трассах Великого Шелкового пути.

Примечания

¹ Из письма д. иск., проф., чл.-корр. АН Казахстана В.Г. Ерзаковича к Т.С. Вызго от 11.02.1981. Используется с любезного разрешения О.В. Фраёновой – внучки и владельца личного архива Т.С. Вызго.

² Автор признателен коллегам по Институту искусствознания АН РУз – к.и.н. А.Н. Горину и м.н.с. Е.В. Поторочиной, выполнившим сканирование использованных в данной статье изображений, (ил. 10, 12-12а, 14-16, 19).

³ В более ранней публикации лютяня у сидячей фигурки (ил. 4) была ошибочно определена нами как трехструнная (Мурадова, 2014. С. 136).

⁴ *Сабао* (от согд. *сартапао*, *сартпав*) – должность чиновника, как правило, среднеазиатского происхождения, ведавшего в Китае делами выходцев из государств Средней Азии. *Сабао* An Jia (Аньцзя, Ань Цзе) был, как предполагается, уроженцем Бухары (Байпаков, 2010. С. 52; Ильясов, 2012. С.114-115).

Использованная литература:

Байпаков К.М. Западнотюркский и тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы, 2010.

Бахманн В. Истоки игры на струнных смычковых инструментах Средней Азии // Борбад и художественные традиции народов Центральной Азии: история и современность: Сборник тезисов Международного симпозиума. Душанбе, 1990.

Бочкарева О.А. Фотоальбом «Музыкальные инструменты в изобразительном искусстве» (материалы для «Атласа узбекских музыкальных инструментов»). Библиотека Института искусствознания АН РУз, инв. № 523.

Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., 1980

Ильясов Дж. Я. Искусство согдийцев в Китае // Очерки по истории искусств Узбекистана. Древность и средневековье. Ташкент, 2012.

Малькеева А.А. Значение Великого Шелкового пути в расширении музыкальных связей Средней Азии и Дальнего Востока // На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Ташкент, 1990.

- Мурадова З.А.** Музыкальная иконография Узбекистана (на материале новых археологических находок) // Материалы по художественной и духовной культуре Узбекистана. Ташкент, 2014.
- Мурадова З.А.** Новые иконографические данные о фрикционных хордофонах Бакирии (*опечатка редактора – З.М.*) и Согда эпохи древности и раннего средневековья // Согдийский сборник. Выпуск 3: Новейшие исследования по истории и истории культуры Согда в Узбекистане. Saarbrücken (Deutschland): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016.
- Мурадова З.А.** Фигурки музыкантш из Miho Museum как свидетельство транскультурной интеграции на Великом шелковом пути // Культурное наследие: сохраним прошлое во имя будущего: III Рериховские чтения: Материалы научного семинара. Ташкент, 2016.
- Рифтин Б.Л.** Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н.э. – VII в. н.э.) // Проблемы востоковедения, 1960, № 5.
- Садоков Р.Л.** Древние среднеазиатские лютни с фрикционным способом звукоизвлечения // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Karomatov F.M., Meškeris V.A., Vyzgo T.S.** Musikgeschichte in Bildern. Mittelasien. Band II. Leipzig, 1987.
- Krishnamurthy K.** Musical Instruments in the Sculptures of Gandhara School // Journal of the Asiatic Society, v.15 (1-4). Calcutta, 1973.
- Lunina S. B., Stolarova N. P.** Un nouvel ossuaire des environs de Šahr-i-sabz en Sogdiane méridionale // Publié par l'association pour l'avancement des études iraniennes. T. 22, 1993.
- Meshkeris V.A.** The Ancient Roots of Music in the Artistic Legacy of Western China (Reliefs of Chang-te-fu and Middle Asian Parallels) // E. Hickmann, R. Eichmann (Eds.). Studien zur Musikarchäologie 2. Musikarchäologie früher Metallzeiten / Music archaeology of Early Metal Ages. Vorträge des 1. Simposiums der Stude Group on Music archaeology (ICTM) im Kloster Michaelstein, 18.-24. May, 1998 / Papers from the 1st Simposiums of the Stude Group on Music archaeology (ICTM) at Monastery Michaelstein, 18-24 May, 1998. Orient Archäologie 7. Berlin, 2000.
- Miho Museum.** South Wing. Miho Museum: Nissha Printing Co., Ltd, 1997.

УДК:

ИЗОБРАЖЕНИЯ ПТИЦ НА БУЛЛАХ КАФИРКАЛЫ

© 2016. Г.И. Богомолов, А.Э. Бердимуратов

Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: Самаркандский Согд, городище Кафиркала, цитадель, буллы, оттиск, печать, культовые изображения, инкарнация, символ, петух, павлин, орел, утка.

Ҳайвон ва қуш тимсолларининг ривоят ва диний қарашларда акс этиши доим муҳим ўрин тутган. Шунинг учун ҳам, Самарқанд яқинидаги Кофирқалъа ёдгорлигидан топилган буллалар гуруҳига қуш тасвирлари туширилган. Ушбу мақола бу тасвирларнинг таҳлилига бағишланган. Тасвирларнинг асосан қисми алоҳида расмлардан ташиқил топган (хўроз, ўрдак, товус), қолга қисми эса қуш тасвирлари мавжуд бўлган рамзий илоҳий саҳналардан иборатдир. Буларнинг барчаси илк ўрта аср Сугд аҳолисининг қўриқчи ёки фаровонлик ва унумдорлик келтирувчи сифатида қушларни мўжизавий хусусиятларга эга бўлган деган ишончларини акс этади.

DEPICTION ON OF BIRDS ON THE SEALINGS OF KAFIRKALA

G.I. Bogomolov, A.E. Berdimuradov

The symbols of animals and birds in the mythology and religious views played an important role. That's why; a group of sealings from the Kafirkala Site near Samarkand has stamps with bird images. The article is devoted to the analysis of these images. Most of them are represented by separate plots (of a cock, duck, and peacock); the lesser part is carries symbolic sacred scenes, where birds are present. All this reflects the belief of the early medieval population of Soghd, where the birds were thought to have magic features as protectors or providers of wellbeing and fertility.

Раскопки цитадели городища Кафиркала показали, что она представляла собой сильное укрепление, обрамленное мощными пахсовыми стенами с внутрисканальным сводчатым коридором. Внутренняя часть цитадели представляла собой монументальный комплекс дворцово-айванного типа. Его центральной частью был двор, выполнявший функции открытого аудиенц-зала. По его периметру вдоль стен проходил айван с суфами. Из середины зала специальный пандус выводил на широкую платформу, где в центре ее был дополнительно выделен возвышенный участок, на котором устанавливался трон правителя. Дальше к северу располагался ряд помещений, выходившие на платформу. Однако где-то между 712 и 738 гг., о чем свидетельствуют найденные здесь медные монеты самаркандского ихшида Тургара, этот монументальный комплекс был разрушен и сожжен (Mantellini, Berdimuradov, 2005. P. 107-129).

Среди разнообразных предметов, найденных при раскопках за последние годы на цитадели Кафиркала, особое место занимают **буллы**, комочки тонко отмученной пластичной глины, цилиндрической формы или лепешек, с нанесенными на них оттисками печатей. Ими могли запечатывать и хозяйственные объекты – помещения-хранилища или какие-нибудь ёмкости и товары (сосуды, шкатулки, тюки). Они были гарантом сохранности, запечатывая или юридически удостоверяя подлинность документа (договора, письма, важного донесения). Поэтому большинство булл связывают с письменным архивом. Буллы это ценный исторический источник по изучению административного управления, юридической практики и внешних связей

раннесредневекового Согда. Практически все буллы Кафиркалы, собранные в процессе раскопок, происходят из слоя пожара, охватившего внутренний открытый зал приемов в цитадели. К настоящему времени уже собрано почти 600 булл. Это самая крупная коллекция булл не только найденных в Узбекистане, но и во всей Центральной Азии. Размеры булл колеблются по диаметру от 1,5 до 3-х см, по высоте 1-1,5 см. На их оборотной стороне чаще всего вдоль длинной оси проходит продольный желобок – след от шнурка, который крепился к документу или футляру, реже следы каких-то узких полосок. Большинство булл сильно пострадали при пожаре, некоторые обгорели и поэтому имеют черный, закопченный цвет. По сюжетам изображений (как основополагающему признаку) разные типы булл объединяются в несколько групп - серий (Бердимуратов, Мантеллини, Матбабаев, 2007. С. 75). Позже в отдельную серию выделены буллы с зооморфными образами, где небольшую группу составляют буллы с изображениями птиц.

1. Булла с изображением птицы (петуха). [ZoA.10,1¹]. (Рис. 1,1).

Булла в виде плитки овально-листовидной формы. Глина коричневато-серого, темного цвета. Сильно обожжена. От воздействия огня поверхность местами оплавилась. Боковые поверхности оглажены палочкой.

Лицевая сторона. Ближе к вершине торцевой стороны имеется округлое углубление – след шарика-ориентира, указывавшего направление печати. Сама печать маленькая, круглой формы (возможно, даже со сферической поверхностью) нанесена почти в центре поля. Изображение на ее оттиске дано в невысоком рельефе и схематически передает птицу, развернутую влево, с пышным хвостом и гребешком или хохолком на голове. Полудугами показаны длинные перья хвоста. Скорее всего, это изображение петуха, чем павлина. Обратная сторона – слегка вогнута, по ее длинной оси проходит углубленная полоска, видимо край предмета, к которому крепилась булла. Сама поверхность оборотной стороны относительно ровная и покрыта пятнами ошлакованности. Здесь же выход одного из шнурков.

Размеры: Лицевая сторона 3,1x1,8 см, высота плитки – 1 см, размеры самой печати – 1x0,8 см.

2. Булла с изображением птицы (петуха). [ZoA. 10,2]. (Рис. 1,2).

Небольшая булла в виде уплощенного комка глины (плитки) овальной формы (основание – оборотная сторона аморфной формы). Глина коричневато-серого цвета. Обожжена. В центре уплощенной лицевой стороны помещен оттиск миниатюрной почти круглой печати-инталии. Выше него расположено округлое углубление, след от шипа-ориентира печати на краю щитка кольца. Все поле оттиска занимает изображение петуха, типологически очень близкого к предыдущему типу. Птица показана в профиль, стоящей в статичной позе, головой влево. Голова петуха расположена близко к краю ободка, у него округлая грудка. Полудугами показаны длинные перья хвоста. Обратная сторона – слегка вогнута, по ее длинной оси проходит углубленная полоска, видимо край предмета, к которому крепилась булла. Сама поверхность оборотной стороны относительно ровная и покрыта пятнами ошлакованности.

Размеры: Лицевая сторона 2x1,4см. Высота 1 см. Размеры самой печати 0,9x0,7 см.

3. Булла с изображением птицы (петуха). [ZoA. 10,3]. (Рис. 1, 3).

Небольшая булла в виде столбика глины миндалевидной формы. Глина серого цвета. Обожжена.

В центре уплощенной лицевой стороны помещен оттиск миниатюрной почти круглой печати-инталии. Все поле оттиска занимает изображение петуха, типологи-

чески очень близкого к предыдущему типу. Птица показана с боку, стоящей в статичной позе, головой влево. Голова птицы передана схематично, клюв в виде короткой линии слегка отогнут вниз, несколькими линиями показан гребешок, двумя черточками передана «бородка». Двумя полудугами показаны длинные перья хвоста. Со стороны головы к краю лицевой стороны виден след округлого углубления от шипа-ориентира печати на краю щитка кольца.

В торцах столбика видны отверстия выходов шнурка. Обратная сторона – поверхность ее слегка скошена к центру, где по длинной оси проходит углубленная полоса – линия от крепления к краю какого-то предмета.

Размеры: Лицевая сторона 1,7x1,2см. Высота 1 см. Размеры самой печати 0,8x0,7 см.

4. Булла с изображением птицы (петуха). [ZoA. 10,4]. (Рис. 1, 4).

Булла в виде уплощенной пластинки миндалевидной формы. Глина в изломе темно-серого цвета, внешняя поверхность светлого цвета. Сильно обожжена. От воздействия огня поверхность местами отслоилась. В центре лицевой стороны помещен оттиск миниатюрной почти круглой печати-инталии. Все поле оттиска занимает изображение петуха близкого к предыдущему типу. Птица показана с боку, в профиль, стоящей в статичной позе, головой влево, клюв слегка загнут вниз, двумя линиями выделена борода, венчает голову гребешок. Овальной выпуклостью передано крыло. Двумя дугообразными линиями показаны длинные перья хвоста, более короткие перья переданы косыми линиями. Перед ногами и грудью петуха показаны какие-то скобообразные линии. Со стороны головы птицы перед оттиском сохранилось округлое углубление от шипа-ориентира печати на краю щитка кольца.

На оборотной стороне по ее длинной оси проходит углубленный желобок – след крепления буллы к какому-то предмету.

Размеры: лицевая сторона 2,4x1,4см. Размеры самой печати 0,9x0,8 см.

5. Булла с изображением птицы (петуха). [ZoA. 11,1]. (Рис. 2, 1) Небольшая булла в виде глиняной плитки овальной формы. Глина темно-серого цвета. Обожжена. Лицевая сторона уплощена, а в центре ее нанесен оттиск круглой миниатюрной печати-инталии. Все поле оттиска занимает схематическое изображение петуха в профиль. Птица показана как бы в движении, головой направо. Голова птицы передана схематично, но легко узнаваема, круглой формы, клюв в виде короткого треугольника, гребешок передан полудуги с короткими отростками вверх, маленьким полукругом показана «бородка». Шея выделена в виде вытянутого треугольника. Туловище более округлое, чем у предыдущего типа. Ноги короткие, одна как бы приподнята, лапы переданы в виде широкой линии, на одной ноге линия раздвоена, короткой линией показаны шпоры. Хвост – двойной, короткие перья на конце туловища под прямым углом подняты вверх, над ними в виде полудуги с раздвоенным концом показаны длинные перья.

Размеры: лицевая сторона – 2x1,4 см, оттиск самой печати 1x0,8 см

6. Булла с изображением птицы (петуха). [ZoA. 12,1]. (Рис. 2, 2).

Небольшая булла в виде глиняной лепешки овальной формы. Глиняное тесто мелкодисперсионное, красновато-желтовато-серого цвета.

Лицевая сторона несет следы закопченности. Почти в центре лицевой стороны нанесен оттиск небольшой овальной печати-инталии. Почти все поле оттиска занимает изображение петуха в профиль,двигающегося вправо. Изображение дано в слабом рельефе, вероятно, резка линий была неглубокой, и поэтому многие элементы изображения плохо просматриваются. Например, плохо прослеживаются элементы туловища, головы. Но для видового определения птицы важен ряд характер-

ных деталей – специально подчеркнуты крупные, сильные ноги со шпорами, пышный хвост с длинными перьями, концы которых загибаются в стороны, характерен гребешок, венчающий голову птицы в виде полудуги с короткими отростками вверх.

Оборотная сторона уплощена, тоже вытянутой формы, поверхность ее слабо вогнута полудугой к одной из длинных сторон. По длинной оси расположены два выхода шнура, боковые стороны буллы заглажены.

Размеры: Лицевая сторона 2,3x1,5 см. Размеры самой печати 1,2x1 (0,6) см.

7. Булла с изображением птицы [ZoA. 13,1]. (Рис. 2, 3).

Небольшая булла в виде глиняного уплощенного столбика усечено-конической формы. Глина – желтоватого цвета. Тесто тонко отмучено с небольшим включением мелких белых комочков гипса.

Лицевая сторона миндалевидной формы. Почти в центре лицевой стороны нанесен оттиск небольшой круглой печати-инталии с глубокой резкой, в результате изображение получилось объемным. Все поле оттиска занимает изображение птицы, петуха, в профиль. Он показан как бы в движении направо. Выпуклыми горизонтальными линиями показаны сложенные крылья. Голова круглая с крупным круглым глазом в центре. Гребешок – крупный, характерной формы, получился, как бы сдвинут к затылку. Клюв тоже оказался немного сдвинут вниз. Ноги – характерной угловатой формы, лапы переданы горизонтальной линией. Одна из лап сохранилась у ободка печати, другая – выходит за линию оттиска. Хвост – двойной, короткие перья на конце туловища под прямым углом подняты вверх, над ними полудугой показаны длинные перья. Обратная сторона тоже миндалевидной формы, но немного шире лицевой. По длинной оси проходит неглубокая канавка, след крепления комка глины (буллы) к предмету, внутри ее расположены два выхода шнура, боковые стороны буллы заглажены.

Размеры: Лицевая сторона 2,3x1,3 см. Оттиск самой печати диаметром – 0,8 см.

8. Булла с изображением птицы [ZoA. 14,1]. (Рис. 2, 4).

Булла в виде комочка уплощенно-конической формы. Глина в изломе красноватого цвета (но поверхность имеет темно-коричневый налет или цвет). В тесте в качестве отощителя использованы комочки мелко растертого гипса. Булла обожжена (можно даже сказать, прокалена от сильного воздействия огня).

Лицевая сторона. Края её сдавлены, в результате чего она приобрела почти ромбовидную форму. В центре оттиск мелкой округлой печати или геммы. Изображение слабо рельефное, передает облик птицы, в профиль, вправо, с крупной головой и острым хохолком сзади (на затылке). Крылья сложены, хвост короткий, туловище подтрапециевидной формы, шея короткая. Лапы у птицы тоже короткие и не ясно лапы перепончатые или трехпалые, Птица показана как бы в движении (в правую сторону).

Оборотная сторона – округлой формы, остальная поверхность образует как бы приподнятый край. В центре подквадратное углубление, рассечённое посередине желобком то ли шнура, то ли края какого-то предмета. Остальная поверхность как бы приподнята к краю.

Размеры: Лицевая сторона – 2x1,1 см. Обратная сторона – 1,8x1,9 см. Общая высота 1,1 см. Размеры самой печати – 0,8x1 см.

9. Булла с изображением птицы (павлина). [ZOА. 15, 1]. (Рис. 2, 5).

Небольшая булла в виде комка усеченно-конической формы с овальным основанием. Глина красновато-серого цвета. Булла обожжена.

Лицевая сторона широкая, овальная в плане, имеет слегка вогнутую поверхность, в центре которой нанесен оттиск маленькой круглой печати (видимо, со сфе-

рической поверхностью). Изображена птица, развернутая влево. У нее длинная изогнутая шея с маленькой головой, которую венчает хохолок или гребешок. Он передан очень своеобразно в виде веера из трех линий. Клюв короткий, загнут вниз. Одна нога – полусогнута. Крыло приподнято и как бы немного открыто. Скорее всего, это изображение павлина. Со стороны головы павлина к краю оттиска примыкает круглое углубление от шарика – ориентира печати.

Оборотная сторона в плане ромбовидной формы. По длинной оси (от одной вершины до другой) проходит неровный желобок, внутри которого два выхода шнурков. Поверхность оборотной стороны несет следы крепления к коже.

Размеры: Лицевая сторона – 2,5x1,9 см; оборотная сторона каждая из сторон – 1,9 см; сама печать – 1,1x0,9 см.

10. Булла с изображением птицы (павлина). [ZOA. 16, 1]

Небольшая булла в виде таблетки (верхняя и нижняя стороны - овальные в плане). Черепок (глина) темно-серого цвета. Булла переобожжена.

Лицевая сторона – в плане вытянуто-овальной, почти ромбовидной формы. В центре оттиск круглой мелкой печати. К сожалению, булла сильно обгорела, и часть рельефных линий изображения вспучилась, часть откололась. Вероятней всего, здесь изображен павлин с характерно изогнутой длинной шеей и маленькой головкой, наклоненной вниз.

Оборотная сторона. Имеет гладкую, но неровную поверхность, слегка покатуую к одной из сторон. По длинной оси в торцевых сторонах по 2 дырочки выходов шнурков.

Размеры: Л.ст. – 1,7x 1,1 см. Об. ст. 2x1,6 см. Общая высота буллы составляет – 1,3-0,8 см. Сама печать диаметром – 0,8 см.

11. Булла с изображением птицы (утки). [ZOA. 17, 1.]

Небольшая булла в виде уплощенного сверху усечено-конического столбика. Глина темно-серого цвета, тонкой отмучки. Булла обожжена. Боковые поверхности столбика грубовато заглажены.

Лицевая сторона в плане миндалевидной формы, в центре ее по длинной оси буллы нанесен оттиск печати ромбовидной формы. Вероятней всего, это щиток металлического перстня, на котором в технике выемчатой резьбы было нанесено схематическое изображение птицы в профиль, головой влево. Сам оттиск получился в слабом рельефе, многие детали изображения еле просматриваются. У птицы характерная овальная головка с широким плоским клювом, чуть загнутым вверх, шея не длинная. Туловище покрыто тремя выпуклыми косыми линиями.

Оборотная сторона – трапециевидная в плане, немного крупнее лицевой. Почти по длинной оси, ближе к одной из длинных сторон проходит неглубокая канавка-желобок, след крепления к выступу или краю какого-то предмета. На концах желобка находятся выходы тонкого шнурка запечатанного узла. Поверхность оборотной стороны шероховата и покрыта каким-то светлым (соляным) налетом.

Размеры: Лицевая сторона – 1,3x0,7 см, оборотная сторона – 1,5x1,2 см, оттиск печати – 1,2x0,4 см.

К этой же группе примыкают две крупные буллы с сюжетными композициями (сценами).

12. Булла с изображением животных и птиц [ZoA.8,1] (Рис. 3, 1-2).

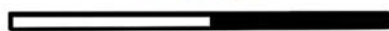
Крупная булла в виде глиняного комка-таблетки, которому придана конусовидная форма с эллипсовидным основанием. На эту ее наиболее широкую часть буллы нанесен оттиск крупной овальной печати. Глина красноватого цвета, тонкодисперсная, но с небольшим включением отдельных мелких камешков кварца. Булла обож-

1

2

3

4

Рис. 1

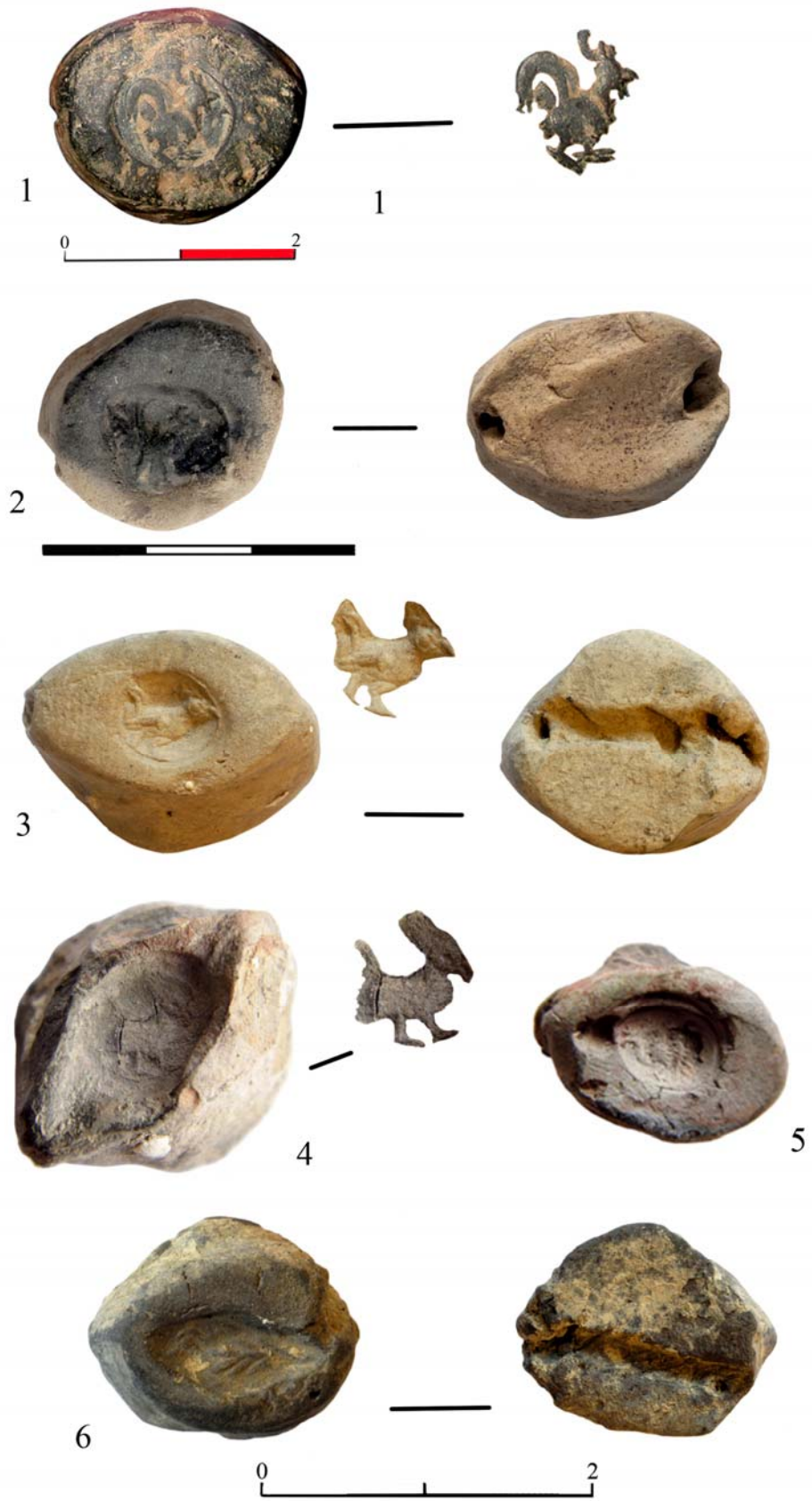

Рис. 2

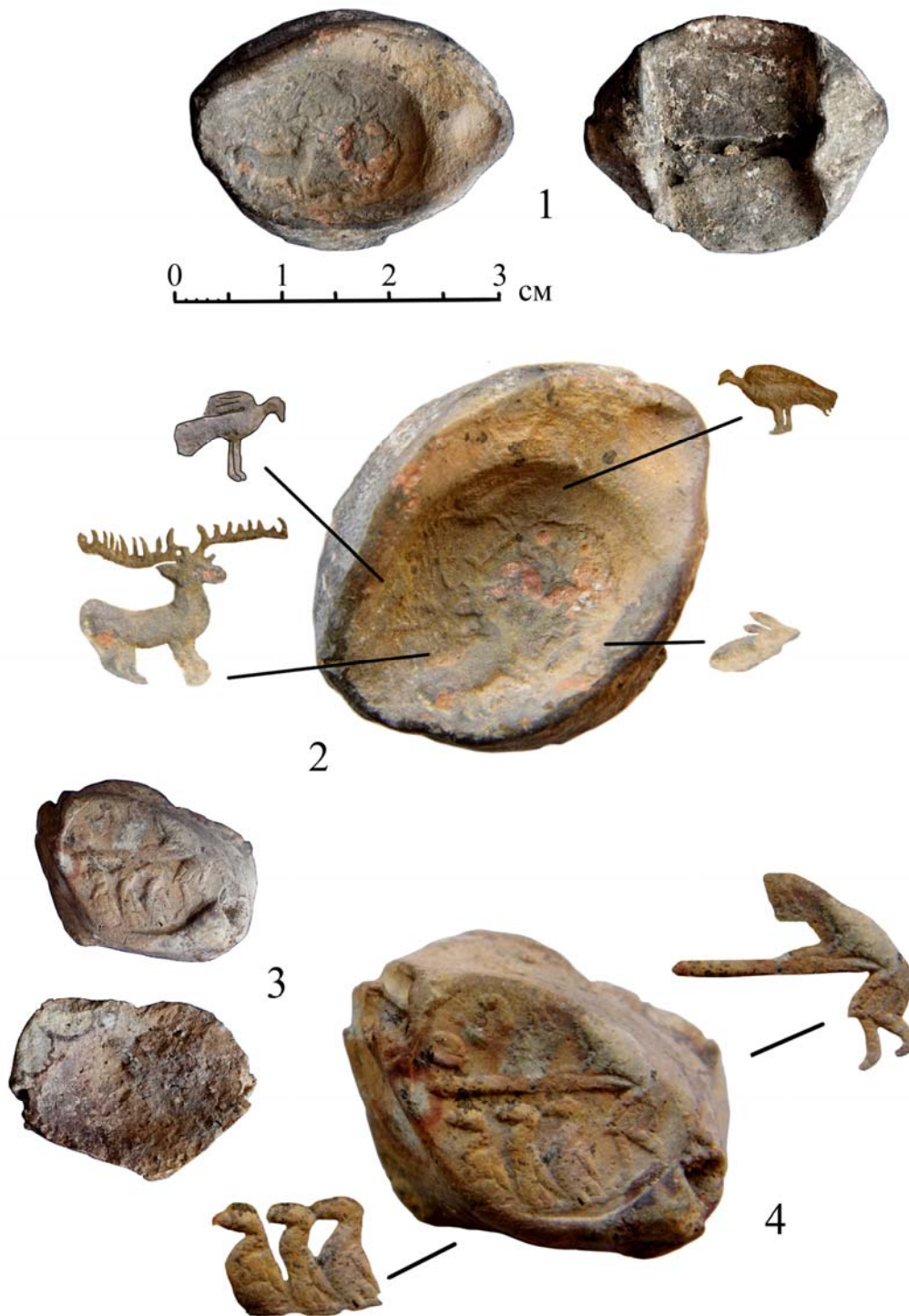

Рис. 3

жена в результате попадания в огонь, поверхность ее имеет какой-то тонкий серый налет. К сожалению, часть оттиска печати (с правой стороны) отслоилась и утрачена.

Лицевая сторона – листовидной (эллипсоидной) формы. На «три часа» у края буллы имеется округлое углубление - след от шарика-ориентира на ободке печати. Композиция сложная – ближе к левому краю показана фигура стоящего в статичной

позе оленя (головой к центру печати). Причем голова в отличие от туловища показана фронтально. Она украшена огромными ветвистыми рогами, на которых с двух сторон зеркально восседают две большие птицы, скорее всего орлы. У одного из них хорошо видно, что крылья приподняты вверх. Перед оленем у его ног изображена пара зайцев или кроликов. Дальше к центру поверхность повреждена. Вполне вероятно, что в целом композиция буллы восходит к архаическому сюжету – мифологической картине мироздания, где олень символизирует древо жизни, соединяющего зоны мироздания. Птицы на его рогах – верхняя зона, зайцы, которые могут жить в норе, символизируют нижнюю зону.

Оборотная сторона. В центре ее (как бы поперек длинной оси) нанесен глубокий оттиск – след крепления буллы к краю какого-то предмета с относительно ровной поверхностью. По длинной оси выходы шнура на торцах.

Размеры: общий размер буллы длина – 3 см, ширина - 2,4 см, печать тоже овальной формы длиной -2,2 см, шириной – 1,8 см. Ширина оттиска на оборотной стороне 2,4x1,6 см.

13. Булла с изображением человека и птиц [АА.22.1] (Рис. 3, 3-4).

Крупная булла в виде глиняного комка, которому придана форма сильно уплощенного столбика. Глина коричневатого-серого цвета. Булла слабо обожжена. Лицевая сторона и основание несколько разнятся по форме (в плане) и размерам.

Лицевая сторона уплощена, ей изначально придана миндалевидная форма, но печать нанесли, немного сместив ее относительно длинной оси лицевой стороны. Кроме того печать-инталия оказалась крупнее подготовленной поверхности и часть ее не поместилась. Техника резьбы объемно-выемчатая. В целом изображение оттиска рельефное, занимает всю поверхность лицевой стороны, передает какую-то сценку. С правой стороны, вдоль края буллы показана фигура мужчины, идущего влево. Он одет в какую-то длиннополую одежду, халат или рубаху, которая доходит ему до колен. Не ней видны вертикальные полосы (складки?). Голова и большая часть торса не сохранились. Персонаж слегка склонился, т.к. в живот ему упирается конец, горизонтально расположенной, длинной и толстой палки, которую он поддерживает руками. Над палкой помещена какая-то неясная фигура, возможно, птица с поднятыми крыльями. Ниже под палкой изображена стайка из трех вытянутых вертикально птиц, вероятней всего, гусей. У них овальное тело, крылья сложены вдоль туловища, изогнутая шея, на которую помещена маленькая головка с треугольным клювом. Возможен и другой вариант, булла изображает клетку, которую несет слугитель (или загон, на перекладину которого опирается мужчина).

Оборотная сторона в плане сердцевидной формы, поверхность ее слегка вогнута, шероховатая, со следами закопченности. По длинной оси выходы шнура на торцах. Поверхность боковых сторон буллы грубовато заглажены, еще до нанесения печати.

Размеры: общий размер буллы длина – 2,3 см, ширина - 1,6 см, печать тоже овальной формы длиной -2 см, шириной – 1,2 см.

Таким образом, анализ материала показал, что в собрании кафиркалинских булл небольшую, но разнообразную группу составляют буллы с изображением птиц. Они не отражают социальный или государственный статус владельцев, а являются их личными печатями. Любопытно, что в одном из самых крупных собраний печатей и булл, в коллекции Аман ур Рахмана булл с птицами очень мало, всего 4 буллы. Все с однотипным изображением орла. Мотивы с уткой, петухом и павлином полностью отсутствуют (Lerner, Sim-Williams, Aman ur Rahman, Falk, 2011. P. 170-171).

В коллекции архива с Кафиркалы количественном плане преобладают оттиски с изображением петуха. Они дают три типа печатей, что указывает на трех разных владельцев и популярность образа.

Изображение петуха широко встречается на предметах декоративно-прикладного искусства Средней Азии эпохи античности и раннего средневековья. Находки изображений петуха из золота и бронзы известны из замка Беркуткала в Хорезме (Толстов, 1948. С. 128, Рис. 73) и в оссуарном могильнике Мерва (Ершов, 1959. С. 179). Подвеска-амулет в виде петушка происходит из раскопок одного из наусов IV-VI вв. на отрогах Кальмакира к югу от Алмалыка (Алимов, Буряков, Гришин, 1979. С. 543). В скальном склепе II Курката среди погребального инвентаря обнаружена бронзовая шпилька, верхушка которой оформлена в виде объемной фигурки петуха. Шпилька высотой 16 см, фигурка была отлита отдельно, а затем припаяна к стержню. Наконец, мотив петуха известен на раннесредневековых печатях и буллах. Практически прямо аналогичны кафиркалинским буллам с изображением петуха (ZoA. 11,1) ряд сасанидских гемм из собраний Государственного Эрмитажа (Борисов, Луконин, 1963. С. 150, №№ 496,494).

Все это показывает особую значимость образа петуха в религиозных представлениях и символики древнего населения Средней Азии. Символика петуха от Европы до Китая теснейшим образом связана с зарей, солнцем, светом. В Вендидаде (фаргард XVIII) говорится о святости петуха. Петух называется «барабаном мира». Он – бдительный страж, охраняет дом праведного зороастрийца, борется с нечистой силой. В зороастризме петух – птица Сроша, божества послушания и дисциплины. Поэтому он даже сам иногда изображается в виде птичечеловека, жреца с петушиным туловищем, исполняющего культовые действия. В Авесте прямо говорится: «Когда Хвархшайта-Солнце появляется из-за гор птица Сроша, блистательная Парадорш² гонит последнего ночного дэва – длиннорукую лентяйку Бушьясту³, которая обволакивает маздаяснийцев дурманом сладкого сна и неги, дабы они спали как можно дольше и не развели вовремя огонь, и не выгнали скот на пастбища» (Срош-яшт) (цит. по Рак, 1998).

В Китае его красный гребешок связывается с закатом и осенью, даже само слово «петух» – омоним «удачной судьбы». Красный петух отводит пожар от дома, а белый – приведения; петухов могут принести в жертву, но из почтения не едят. Петух является символом пяти китайских добродетелей: достоинства в войне, благородства в мирное время, храбрости, надежности и великодушия (считалось, что петух сначала дает поесть курицам, а затем ест сам). Китайцы верили, что петух способен видеть злых духов и может оградить людей от их вредоносного воздействия, поэтому изображение петуха нередко использовали как охранительное средство. Живого петуха или его изображение используют в похоронной обрядности как талисман, отвращающий зло. У многих народов было широко распространено поверье, что ночные призраки вынуждены бежать с первым криком петуха. Этот солнечный защитный символизм, прослеживается и на Ближнем Востоке, и в Средней Азии, и на Кавказе. В Древней Греции петух являлся атрибутом или спутником многих богов, включая Зевса, Аполлона, Аттиса, Персефоны (богов и богинь возрождения), Ареса и Афины (воинственных божеств), Гермеса, как вестника богов, Асклепия (бога врачевания).

Петух не только связан с солнцем, он сам его земной образ, зооморфная трансформация небесного огня солнца, податель плодородия⁴. Поэтому подобно солнцу, петух связан с подземным миром. В Древней Греции он выступал и как хтоническая птица. Черный петух приносился в жертву Гекате, богине луны, повелительни-

це теней, и душам умерших. Он был посвящен Асклепию, как образ целительной смерти-возрождения. Близкие представления существовали в зороастризме, Срош также наделен хтоническими чертами, он – проводник душ умерших. С обычаем помещать изображение петуха на могиле или приносить его в жертву у мазаров связана символика воскресения из мертвых, вечного возрождения жизни. Отголоском этих же представлений является обычай, зафиксированный Наршахи, где жители Бухары перед восходом солнца приносили в жертву Сиявшу петуха (Наршахи, 1897. С.33).

Неслучайно появление на кафиркалинских буллах и образа павлина. Символика изображений павлина тесно переплетается с символикой петуха. Однако в сасанидской и среднеазиатской традициях образы павлина и фазана считались спутниками или зооморфными атрибутами богини Ардвисуры Анахиты. Их образы, как воплощения богини, широко использовались как амулеты несущие и наделявшие плодородием. Именно к этому ряду относится традиция украшать изображениями павлина, фазана, перепелки предметы торевтики (чаши, кувшины, светильники) в Сасанидском Иране и Средней Азии (Тревер, Луконин, 1977. С. 114-115. Рис. 60, 83), серьги и ткани. Причем в последнем случае они помещались в круглые медальоны, картуши которых украшены перлами, дополнительным символом множественности - плодородия.

В кафиркалинском собрании мотив утки пока представлен всего одним типом. Но известна по крайней мере еще одна находка печати с изображением гуся или утки из окрестностей Самарканда (неопубликованные находки из сборов А. Атаходжаева). Согласно мнению некоторых исследователей утка ассоциировалась с Каршиптой («быстролетящий»), божеством в виде утки, образ которого восходит к древнейшим индоевропейским представлениям, об изначальном водном хаосе, из которого бог-демиург в образе утки (или гуся) сотворил мир. В системе образов ведийской религии утка ассоциировалась с богиней, персонифицирующей реку Сарасвати. Возможно, аналогичные представления существовали в отношении зороастрийской Ардвисуры Анахиты, которая первоначально почиталась как мифический пречистый источник, исток реки Ардвиги (Амударья) и др. (Рак, 1998. С. 448, 482). Гусь, утка, в космогонических представлениях и соответствующих мифах нередко выступают как птица хаоса, но вместе с тем и как творец вселенной снесший золотое яйцо – солнце. Согласно другим представлениям утка была птицей, которая достала землю со дна мирового океана. В Китае гусь связан с небом, мужским началом «ян», и рассматривается как талисман, помогающий в любви и браке. Символизм утки, селезня тесно связан с брачным союзом, счастьем и преданностью. Поэтому изображение утки используется как декоративный элемент в убранстве свадебных помещений. В зороастрийской мифологии утка/гусыня – птица, посвященная Ардвисуре Анахите, в иконографии ее символ плодородия. Поэтому нередко утка или гусыня изображались с трилистником в клюве или перед грудью. Например, видимо, как символ Анахиты эта птица помещена в круглый медальон, который занимает центральное место на дне серебряной чаши первой половины VII в. из деревни Пешнигорт Пермской губернии (Тревер, Луконин, 1977. С. 115). Сакральное значение образа утки сохранялось до недавнего времени. Об этом свидетельствуют этнографические наблюдения. Еще в XIX веке в среднеазиатских ханствах многие головные украшения увенчивались утиными перьями (Фахретдинова, 1988. С. 46).

Все это показывает, что символика на буллах очень прозрачная – изображение атрибутов божеств, подателей благ.

Интересны буллы с сюжетной композицией, они также наполнены символикой. Первая из них, булла с изображением животных и птиц [ZoA.8,1] (Рис. 3, 1-2), вовсе не является идиллической картиной, а как отмечалось выше, восходит к архаическому сюжету – мифологической картине мироздания, где олень символизирует древо жизни, соединяющего зоны мироздания. Птицы на его рогах – верхняя зона, зайцы, которые могут жить в норе, символизируют нижнюю зону. Помещение на вершину мирового древа птиц, маркирует верх и противопоставляет их хтоническим животным низа. С мотивом древа жизни тесно связан образ орла (символ солнца, света). В ритуальном плане эта пара птиц на вершине мирового древа воплощала идею плодородия, благополучия, богатства. Птицы выступали здесь в качестве стражей богатства и гарантов правильности совершения ритуала. Заяц – символизм этого животного тесно связан с лунной⁵. Он выступал в качестве символа плодovitости, желания, выведения потомства, ловкости, быстроты и магической силы. В мифах многих народов заяц ассоциировался с лунным и женским циклом воспроизводства. Иногда в мифологических представлениях он воспринимался в качестве жертвенной или спасительной фигуры. Так в буддийской легенде заяц прыгает в огонь чтобы дать пищу голодному Будде – поэтому заяц был помещен на луну. Согласно даосским представлениям заяц на луне в ступке толчет волшебный эликсир бессмертия. Не исключено, что кафиркалинская булла восходит к античным образцам, но в любом случае ее символическое значение восходит к архаическим представлениям с пожеланием наделения благополучием.

Вторая булла с изображением человека и птиц [AA.22.1] (Рис. 3, 3-4). Вероятно, композиция буллы перекликается с известным сюжетом с афрасиабских росписей парадного зала дома согдийского вельможи. Где среди даров, прибывающего ко двору самаркандского царя посольства из Тохаристана, показаны четыре белые птицы с длинными изгибающимися шеями и гусиными головками⁶. Их подгоняет специально выделенный юноша с повязкой закрывающей рот. Богатая одежда указывает на его знатное происхождение. Примечательно, что, судя по отведенному им месту в центре сцены, и то, что сопровождающий их служитель прикрывает нос и рот повязкой-падамом, опасаясь осквернить их дыханием, эти птицы связаны или предназначены для каких-то культовых церемоний.

Правда о характере этих культовых ритуалов остается только гадать. Известно, что гусь считался олицетворением души фараона. Когда фараон вступал на трон, четыре гуся выпускались по разным сторонам света, чтобы возвестить миру об этом событии. Возможно, эти церемонии были обусловлены символикой гуся. Известно, что гусь почитался как солярная птица, его символика была тесно связана с жизнью и возрождением. В связи с этим можно предположить, что здесь изображены жертвенные птицы. В день зимнего солнцестояния гусей приносили в жертву. Гусь символизировал солнце, которое с каждым днем будет светить все больше и дольше, возрождаясь к новой жизни. С другой стороны, гуси, как уже отмечалось, могли восприниматься как священные птицы Анахиты (Наны) и выступать в качестве символа плодородия (благополучия) и брачного союза.

В мифологии и религиозных представлениях символика животных и птиц всегда играла важную роль. В природе, наверное, нет более обширного источника для символов. Уже в большинстве архаических культур существовали устойчивые представления, что они находятся в тесном контакте с природными силами и явлениями и обладают способностью влиять (или воздействовать) на них. Зачастую помимо собственных физических способностей животные и птицы наделялись некими магическими и духовными силами. Клань и племена воспринимали их как пред-

ков-прародителей и почитали в качестве тотемов и покровителей. В архаический период шаманы или жрецы одевались в шкуры либо в одежду с перьями, использовали маски в виде голов животных или птиц. Например, большинство египетских богов изображались в виде животных и символизировали их магические качества. Видимо, уже на ранних этапах в эпоху верхнего палеолита и неолита изображения птиц имели сакральный характер и были связаны с идеей жизнь-смерть (например, изображение коршунов терзающих безглавое тело человека в VII слое Чатал Хююка). По мере развития древних обществ птицы превращаются в неперенный элемент религиозно-мифологической системы и ритуала, обладающий разнообразными функциями. Птицы стали выступать в качестве божеств (и даже божеств-демиургов), их ипостасей или спутниками, ездовыми животными богов, героями или тотемными предками. Многие из божеств сохранили связь со своим первоначальным птичьим образом, например, египетский Гор (сокол), Зевс, Индра (орел), Брахма (гусь), Сарасвати (лебедь), Афина (сова), Плеяды (голуби), Веретрагна (сокол), Срош (петух) и т.д. Кроме того во многих верованиях образы птиц могут выступать как символы божественной сущности, верха, неба, воды, солнца, ветра, духа жизни, души, пророчества, и соответственно быть подателями плодородия, изобилия или вестниками несчастья. Образ птицы-души развит в мифологии Египта, Вавилона, Греции. В некоторых культурах птицы считаются предвестниками болезней – обычно это вороны или грифы. Представление о птицах как человеческих душах распространено по всему миру так же широко, как и мнение, что они воплощенные божества предсказаний, бессмертия и радости. У народов Средней Азии тоже существовали представления о душе, которая представлялась в облике голубя. Благопожелательная символика птиц сохранилась даже значительно позже в декоративном исламском искусстве Средней Азии.

Примечания

- ¹ Для удобства классификации буллы были разбиты на ряд групп. Шифр - **ZoA.10,1** – означает: **Zo** - серию булл, к которой отнесены буллы с зооморфными изображениями, вторая литера **A** – группу булл с полным изображением животных, первая цифра **10** - тип буллы внутри серии, следующая цифра **1** – порядковый номер в выделенном типе.
- ² Парадарш – авест. «Видящая вперед», название петуха.
- ³ Бушьяста – авест. «Лень», дэв лени, призванный вредить праведным зороастрийцам.
- ⁴ Неслучайно у многих народов петух – символ сексуальной потенции.
- ⁵ В зороастрийском Бундахишне говорится, что заяц – глава «быстробегающих» (Зороастрийские тексты, 1997. С. 299). Кроме того отмечается, что существует пять видов зайцев – два вида – пустынный, один – домашний, один – лесной (Зороастрийские тексты, 1997. С. 282). Вообще в Авесте животные классифицируются несколько раз. Согласно одной из них в Яштах (яшт 1, 10) и Виспред животные делятся на пять групп: 1) живущие в воде (urâra); 2) живущие в под землей (urasta от ura-zema); 3) летающие в воздухе (frartaryat); 4) быстро бегающие на свободе по земле (ravaskarat); 5) ходящие на копытах (karahak).
- ⁶ На птицах – согдийские надписи. В.А. Лившиц прочел на трех из них слова «нога» (p'bh) и гусь (such), а на второй птице остатки семистрочной надписи: «...четыре гуся царю Вархуману [из рода] Унаш» (Альбаум, 1975. С. 46-48). По мнению В.А. Шишкина это гуси или лебеди (Шишкин, 1966. С. 16). Сам Л.И. Альбаум предполагал, что здесь изображены страусы, диковинные птицы, которые к тому времени еще водились на юге в Тохаристане и Ираке (Альбаум, 1975. С. 56- 57).

Использованная литература:

Абдуллаев К., Бердимуратов А. Античные сюжеты в раннесредневековой глиптике Согда по буллам городища Кафыркала под Самаркандом // Материалы по античной

культуре Узбекистана. Сб. научных статей к 70-летию Г.А. Кошеленко. Под ред. К. Абдуллаева. Самарканд, 2005. (С. 25-32).

Алимов К., Буряков Ю., Гришин В. Раскопки погребальных сооружений в Ташкентской области // АО 1978 года. М., 1979.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Бердимуродов А., Мантеллини С., Матбабаев Б. Кафиркала – загородная резиденция самаркандских правителей. / Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент – Самарканд. Изд-во ФАН, 2007.

Бердимуродов А.Э. Буллы Кафиркалы как источник изучения культуры раннесредневекового Согда / Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы Международной конференции. Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. Самарканд, 2010.

Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.

Ершов С.А. Некоторые итоги археологического изучения Некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам Али // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм ССР. Ашхабад, 1959.

Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и менок-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунакова. М., 1977.

Наршахи Мухаммад. История Бухары. Пер. с персидского Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.

Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.—М., «Журнал Нева – Летний Сад», 1998.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VIII вв. М., 1977.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

Шишкин В.А. Афрасиаб – сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

Cazzoli Sara, G. Cereti Carlo. Sealings from Kafir Kala: Preliminary report // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archeology. Vol. 11, 1-2. Leiden: Brill, 2005.

Mantellini S., Berdimuradov A. Archaeological explorations in the sogdian fortress of Kafir Kala. // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 11 (1-2), Leiden: Brill, 2005.

Lerner Judith. A, Sim-Williams Nikolas, Aman ur Rahman, Falk Harry. Seals, sealings and tokens from Bactria to Gandhara (4-th to 8-th centery CE) // Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften, 421. Band. Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission, Band 52. Studies in the Aman ur Rahman Collection, Volume 2. Wien, 2011.

УДК: 902 (903.2)

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ

© 2017. М.-Ш. Кдырнийазов

Каракалтакский государственный университет

Ключевые слова: Хорезм, культурогенез, раннее и развитое средневековье, урбанистическая культура.

Мақола ўрта аср Хоразм археологияси культурогенез муаммоларига бағишланиб, илк ва ривожланган ўрта асрлар даври маданий жараёнларининг ўзига хос хусусиятлари қайд этилган. Бунда музуллар босқинига қадар ва ундан кейинги даврдаги урбанистик маданият ривожига алоҳида эътибор қаратилган.

CULTURE GENESIS IN THE MEDIEVAL KHWAREZM

M.-Sh. Kdirniyazov

The article is devoted to cultural genesis of medieval Khorezm. In characterized by cultural processes developed from the early to the developed Middle Ages. Specially marked development of urban culture in the pre- and post-Mongol period.

Изучение истории цивилизации Центральной Азии, в частности, Хорезма, игравшего значительную роль в истории государственности, является одной из важных задач, стоящих перед археологической наукой Узбекистана. И в наши дни проблема изучения цивилизационных процессов древнего и средневекового Хорезма остается одной из актуальных задач. Интерес к истории цивилизации Хорезма был всегда в центре внимания отечественного, зарубежного востоковедения и археологии. Однако в историко-археологической науке Узбекистана и за рубежом, посвященной истории Центральной Азии, цивилизации Хорезма и оценке ее сущности еще не стало объектом специальной, фундаментальной научно-исследовательской работы. Для её изучения имеют значение вопросы культурогенеза археологических культур. Термин «культурогенез», состоящий из двух слов (лат. cultura и гр. genesis), в археологической науке в совокупности употребляется в связи с процессом образования, возникновения и последующего развития материально-культурных и исторических явлений. Этот термин в науке «о древностях» используется и для изучения типов артефактов археологических культур. Однако история цивилизации Хорезма и вопросы культурогенеза в эпоху античности и средневековья, несмотря на их важность и актуальность, до сих пор малоизучен, не обобщен накопленный материал. Реконструкция данных археологии в определенной мере способствует познанию исторических процессов, происходящих в области культурогенеза и цивилизационных процессов Хорезма. В целом, археологический материал имеет большое значение для изучения процессов культурогенеза. В связи с этим здесь мы проанализируем основные моменты культурогенеза средневековой археологии Хорезма.

Хорезм относится к числу цивилизационных центров Центральной Азии в эпоху античности и средневековья. В XX в. в связи с работами Хорезмской археологической экспедиции появились отдельные исследования, статьи, посвященные предварительным результатам изучения древнегородских центров как Дингильдже, Кюзелькыр, Калалыкыр, Кой крылган – кала, Топрак – кала. Благодаря археологическим работам в

годы независимости Республики Узбекистан открыты новые очаги урбанистической цивилизации в Южном Приаралье (Акшахан-кала, Ташкырман). Удревнена хронология некоторых городов: Хивы, Хазараспа и Миздахкана.

В 30-е и в начале 50 гг. XX в., благодаря исследовательским работам ученых Москвы и Ташкента были открыты древние памятники одного из очагов великой цивилизации в Центральной Азии - памятники археологических культур Хорезма. Первые археологические раскопки хорезмийской цивилизации были начаты научной экспедицией, возглавляемой Т.М. Миргиязовым в 1936 г. и Я.Г. Гулямовым, Р. Набиевым в 1937 г. Экспедиция Т.М. Миргиязова на возвышенности Кубатау (около поселка Мангыт в Каракалпакстане) открыла оссуарный могильник. Археологические работы Я.Г. Гулямова открыли несколько поселений городского типа в «землях древнего орошения» (Gulam 1937, b.6; Алпаткина и др., 2010. С. 245). Для своего времени эти открытия явились большим успехом археологической науки и впоследствии «укрепили мнение исследователей в выборе данного района для начала широких археологических работ» (Толстов, 1948. С. 29).

В 1928-1929 гг. исследует развалины Куня-Ургенча А.Ю.Якубовский, в 1934 г. на развалинах средневекового Замахшара работает М.В. Воеводский. Все эти работы, несомненно, явились ценным вкладом при воссоздании истории древнего Хорезма. Однако широкомасштабные исследования всех этапов исторического развития такой историко-культурной области, как древний Хорезм, разнообразие аспектов этих работ и применяемые при этом комплексные методы, наконец их масштаб связаны, в первую очередь, с Хорезмской экспедицией (1937-1992 гг.), возглавлявшийся С.П.Толстовым. Именно ему посчастливилось открыть и ввести в научный оборот большое количество памятников цивилизации Южного Приаралья на основе авто-аэро маршрутов. В ходе полевых работ за эти годы открыто около 400 памятников. Они представляли собой исторические этапы древнехорезмийской цивилизации, охватывая около четырех с половиной тысячелетий (от рубежа IV и III тысячелетий до н.э. - до XIV в. н.э.). Были выявлены памятники неолита (Джанбас-4, Кават 7), античности (Джанбас-кала, Аяз-кала №1,3, Топрак-кала), раннесредневековые домусульманские памятники (Тешик-кала, замки Беркуткалинского оазиса) и городская культура средневековой эпохи (Наринджан баба, Кават-кала). Плодотворным завершением этого этапа исследований была публикация двух монографий С.П. Толстова о Древнем Хорезме, где блестящая эрудиция исследователя помогла решить ряд вопросов, связанных с истоками античной и средневековой эпохи в истории цивилизации Хорезма. Тогда же, на основе первично собранных материалов, С.П. Толстов дал краткую характеристику средневековой культуры Хорезма в монографии «Древний Хорезм» (1948). Хронологию ранне-средневековой эпохи в Южном Приаралье ученый определяет IV-VI вв. (ранний этап: кушано-афригидский) и VI-VIII вв. (афригидская культура или период). В раннесредневековую эпоху в Южном Приаралье начался симбиоз народов, синтез культуры кочевого и оседлого населения, сплав материальной культуры. С другой стороны, в середине I тысячелетия здесь под влиянием мусульманской цивилизации и сдвигов социально-этнических отношении внутри страны, начался новый средневековый этап цивилизационных процессов. Этому способствовали различные факторы. К ним относятся географический и экономический потенциал, этнические связи и другие факторы. Здесь в Южном Приаралье процессы культурогенеза связаны со спонтанной трансформацией местных культурных традиции и культурной интеграцией. После длительного перепада политической, экономической и культурной жизни связанных с распадом античной эпохи, постепенно расширяются процессы урбанизации в дельте Амударьи. Здесь немаловажную роль играли пласты культурного наследия древнехорезмийской цивилизации. Древняя практика использования ирригационных систем, традиция гра-

достроительства и высокие навыки ремесленной промышленности имели немаловажное значение для генезиса и развития новых археологических культур раннесредневековой эпохи.

В IV-V вв. начинает складываться новая раннесредневековая Афригидская культура, резко отличающаяся от культуры хорезмийской античности. Резко меняется и облик сельских жилищ. Увеличившись по площади, некоторые из жилых построек в V-VI вв. окружают одной, реже двумя стенами, часто снабженными башнями. Ворота тоже сильно укрепляются. Изменение облика сельских жилищ было связано, очевидно, с укрупнением обитавших в них больших семей и переменами в их внутреннем строе под воздействием новой этнической среды. Произошли некоторые изменения и в духовной культуре. Постепенно исчезают терракоты в традиционном хорезмийском стиле, появляются скульптурные изображения идолов (Умаи), связанные с тюркским миром. Наряду с этим в культуре Хорезма раннесредневековой эпохи, по-прежнему, наблюдаются связи с историко-культурными регионами Центральной Азии. В жилой и монументальной архитектуре раннесредневекового Хорезма встречаются элементы, характерные для зодчества Согда, Чаша и Северного Тохаристана (четырёх столпные залы Якке-Парсан, росписи дворца Аяз-кала II и др.). Эта же близость наблюдается в керамике и бытовых предметах, украшениях Хорезма.

Кроме того, в эпоху раннего средневековья в Приаральской дельте формируется новая археологическая культура, которая была названа именем области Кердера. Владение возникло в результате передвижения части населения из низовьев Сырдарьи и некоторое время сохраняло свою политическую независимость. В определенной степени, указанные этнические передвижения, происходили и под воздействием факторов экологического порядка. Культура кердерского населения имеет своеобразные признаки. Однако, несмотря на некоторое различие в материальной культуре Кердера, наблюдается сходство с материальной культурой афригидского Хорезма. Изделия, изготовленные керамистами Хорезма и Кердера ничуть не уступают по своим художественным достоинствам керамической продукции таких крупных ремесленных центров Средней Азии, как Самарканд, Бухара и Мерв. В целом, культурогенез археологии Хорезма раннесредневековой эпохи имеет свои особенности. Наряду с этим культура Афригидов и Кердер имеют некоторые сходства с раннесредневековой культурой других регионов Средней Азии. Культурные новшества раннего средневековья Хорезма считаются «завершающим этапом древнехорезмийской цивилизации». Но в культуре Хорезма еще сохраняются некоторые традиционные элементы, которые в последующие эпохи трансформируются и переплетаются с инновационными показателями.

Этот процесс наблюдается и в культурогенезе эпохи развитого средневековья, в Южном Приаральском регионе, охватывая от X-XI вв.—до XIV-XV вв. За это время в регионах Центральной Азии происходит ряд политических событий, связанных с появлением новых феодальных государств в лице Саманидов, Газневидов, Сельжуков, Хорезмшахов—Мамунидов и Ануштегинидов. Остатки былых феодальных уделов в связи с ослаблением господства арабского халифата объединились вокруг новых государственных объединений, со своей правящей династией. Хорезмом начали управлять представили династии Ануштегинидов (1097-1231) опиравшуюся на сильную политическую власть, хорошо вооруженную армию, достижения развитой экономики и культуры. Под его влияние попадают около 400 городов и поселений в Центральной Азии, большинству из которых была присуща высокоразвитая культура. Производительные силы Хорезма переживали интенсивный процесс, выросла роль товарного производства, дальнейшая специализация и стандартизация выпускаемой продукции. Однако завоевание монголами земель Евразии имело негативные последствия. В ходе археологических работ выяснилось, что монголы разоряли не только крупные города При-

аральской зоны урбанистической цивилизации, но и разрушали крепости, замки и рядовые торгово-ремесленные центры. Наряду с этим, надо отметить, что территория на северо-западе оазиса начала возрождаться во второй половине XIII в. На основе данных археологических исследований можно, в целом, охарактеризовать цивилизационные процессы и социально-экономические сдвиги в хорезмском оазисе и территории Южного Приаралья.

За этот многовековой период в Приаральском регионе можно выделить основные этапы урбанистической цивилизации и культурогенеза X-XV вв. Произошли ряд кардинальных событий в культурной жизни не только Хорезма, но и странах Востока и Запада. На огромной территории от Гибралтара до границ Китая образовалась элитарная языковая субкультура на основе арабского алфавита и арабского языка. Это привело к интеграционным процессам в культуре Центральной Азии и мусульманского Востока, весьма заметное в архитектуре, археологических артефактах (керамике, стекле, торевтике, декоративном искусстве) и письменности мусульманского мира. Однако в X-XIII вв. при общей близости культурных прерогативов, общности видов материальных артефактов выделяется археологическая культура хорезмшахской эпохи. Ей в первую очередь, характерна урбанизация, этот процесс в последствии вышел за рамки провинциализма, играл генерирующий роль в культуре кочевников Арало-Каспия, способствовал возникновению культурных комплексов ниже-сырдарьинских городов. Для этого времени как отмечает С.П. Толстов, для городов дельты Сырдарьи характерно полиэтничное население, но с доминирующей ролью хорезмийцев: ремесленников, торговцев, воинов и духовных лиц (1962, с.281). Арало-Каспийский регион был составной частью крупнейшего историко-культурного центра Хорезма и Центральной Азии.

Как показывает анализ материалов средневековых памятников этой территории, они тяготеют к материальной культуре Хорезма. В целом, по данным артефактов из памятников этого региона «здесь, благодаря именно природным условиям на местах, возникают хорезмийские культурно-ремесленные центры, связанные с доходами транзитной торговли и торговли с местным кочевым населением». Этот процесс развивается и в эпуху хорезмско-джучидской культуры. Хорезм тогда способствовал исламизации кочевого мира Арало-Каспийского региона. Почти во всех периферийных городах Хорезма, таких как Ербурун кала (Хан Терсек), Малая Айбуйр кала, Ай Ата, Куланлы, Кияжол, Урга, Аджибай, Курганча, каравансараях Белеули и др. имеются мусульманские могильники, сохранившие элементы языческой, доисламской погребальной обрядности. В целом, в эпоху Золотой Орды Хорезм духовно оказывал огромное влияние на Джучиев улус. Его представители - суфийские шейхи, являвшиеся наставниками ханов, обретают здесь значительную политическую силу. Эти показатели социально-экономических институтов свидетельствуют о взаимодействии в системе цивилизационных отношений в средневековом Хорезме.

В целом, это время наиболее ярких исторических эпох в истории цивилизации средневекового Хорезма. Область на отмеченных исторических этапах средневековья пережила кризисы и развитие. Именно в эти эпохи наблюдается культурная интеграция в ряде регионов Евразии, общность в материальной и духовной жизни. В особенности эта культурная интеграция наблюдается в ремесленном производстве, в частности, в выпуске кашинных изделий. С вхождением ряда юго-западных регионов Евразии в состав государства Великих Хорезмшахов-Ануштегенидов, в Среднюю Азию, в частности, в Хорезм проникают лучшие образцы ремесленных изделия Ближнего и Дальнего Востока. Среди них прежде всего нужно отметить керамические изделия типа люстр и минаи, гран де-ри, фарфор типа селадон и кобальт. Они начали широко распространяться в Центральноазиатском регионе с XII-XIII вв. Наблюдается высокий

уровень строительной техники. Типологические признаки архитектурных памятников Хорезма (II образный портал, пирамидально-коническое и шатровое перекрытие, двух-трех купольные сооружения) ассоциируются, с одной стороны с шедеврами Центральной Азии (Хорасаном, Мавереннахром), Ближним Востоком – IX-XII вв., а с другой, памятниками степной, тюркской цивилизации (например «сельджукский портал», прообразами которых являются Тагискен - IX-VIII вв. до н.э., Баланды 2 - IV в. до н.э.). В результате взаимовлияния с центрами цивилизаций Востока в средневековом Хорезме появляются колоритные виды облицовочных материалов: поливная терракота, мозаика, майолика и высококачественная фаянсовая посуда. Они первоначально были импортной продукцией лидирующих цивилизаций Востока: исламской (600-1000 гг.) и китайской (1000-1500 гг.) цивилизаций. Однако в ходе взаимовлияния и взаимодействия накопленного цивилизационного наследия происходит интеграция культурных достижений. В результате в средневековом Хорезме встречается не только импортная керамика (в том числе и предметы торевтики), но и бракованные фрагменты привозной керамики: псевдолюстра, псевдоминай, псевдоселадон. Подобные находки свидетельствуют, что привозная керамика была для Хорезма этого времени не только дорогим продуктом торговли, но и являлась частью культурного взаимовлияния различных цивилизаций, оказывавших постоянное воздействие на сложение художественных вкусов местных гончаров. Новым является кобальтовая роспись по белому фону. Долгое время родиной кобальта считали Китай. Однако исследователи золотоордынской поливной керамики доказали, что кобальтовая керамика появилась в результате слияния традиций китайских и иранских мастеров (Булатов, 1968, с. 85-109). Керамика подобного типа домонгольским памятникам Хорезма не свойственна. В Хорезме, как и в городах Золотой Орды, кобальтовая посуда, получившая впоследствии название «темуридской», получает распространение в слоях второй половины XIV в. Однако его появление связано с достижениями керамической школы Хорезма (Кдырниязов, 2005, с. 119-120).

Эти показатели материальной культуры подтверждаются увеличением чисел поселений городского типа. Источники в общей сложности упоминают около 40 городов Хорезма в до- и монгольское время (XII-XIV вв.). Но этот список нельзя считать исчерпывающим, т.к. в должной мере не обследованы археологическим путем «погребенные» городские и сельские пункты, которые к настоящему времени перекрыты поздними застройками или кладбищами. Происходит рост территории городов (XII-XIV вв.). Большим городам (от 100 до 1000 га) характерны обширные волости, ремесленное производство и торговля (Кят, Ургенч, Миздахкан). Малые города включают в себя пункты, имеющие площадь меньше 15 га (Бограхан, Джигербенд, Хазарасп и др.). В XIII-XIV вв. возникают предпосылки притока мигрантов в города. На этой почве увеличивается городское население. Расширяются зоны урбанизации в направлении северо-запада и низовьев Сырдарьи, продолжается культурное развитие, обогащение компонентов материальной культуры.

В целом, в средневековую эпоху процесс культурогенеза в Хорезме не прерывается, происходит дальнейшее развитие цивилизационных процессов.

Использованная литература:

- Алпаткина Т.Г., Алимухамедова З.У., Минасянц В.С.* Т.М. Миргиязов и материалы раскопок 1936 г. в Хорезме // Отзвуки великого Хорезма. М., 2010.
- Булатов Н.М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 4.
- Gulam J.* Otmiz izlari (Arxeologik texsirirler) // Guliston. 1937, № 4.
- Кдырниязов М.-Ш.* Темуридская керамика Хорезма // Вестник ККО АН РУз. 2005. № 1-2.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948а.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948б.

УДК: 902. (903.02)

**САМАРҚАНД ВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГ МЕЪМОРЧИЛИК
АНЪАНАЛАРИНИНГ ТАРИХИЙ-МАЪНАВИЙ БОҒЛИҚЛИГИ
МАСАЛАСИГА ДОИР**

© 2017. Д.Н. Раджабова

Самарқанд Давлат университети

Калит сўзлар: *Россия, Бухоро амирлиги, Самарқанд, Санкт-Петербург, архитектура, масжид.*

В статье приводятся архивные данные об истории возведения мусульманской соборной мечети в Санкт-Петербурге, в архитектуре которой прослеживаются мотивы исторических памятников Самарканда XIV-XV веков.

TO A QUESTION OF HISTORICAL SPIRITUAL CONTACTS OF THE ARCHITECTURAL TRADITIONS OF THE SAMARKAND AND ST. PETERSBURG

D.N. Radjabova

The article provides historical data about the history and construction of a Muslim mosque in St. Petersburg, in the architecture of which can be traced motives in Samarkand in 14-15 centuries of historical monuments.

Шуни таъкидлаш лозимки, Россия давлатининг татар хонликлари ҳисобига кенгайган давридан эътиборан ислом дини мамлакат ижтимоий-сиёсий ва маънавий ҳаётининг энг муҳим ва ҳал қилувчи омилларидан бирига айланди. Уларнинг нуфузи Кавказ, Марказий Осиё ҳудудлари босиб олинган, янада ошди. Мусулмонлар асосан ўзларининг тарихий ватанларида истиқомат қилган бўлсаларда, 1918 йилга қадар империя пойтахти бўлган Санкт-Петербургда Россия мусулмонларининг қурултой ва конгресслари мунтазам равишда ўтказилиб келинган. Ислом аҳли учун зарурий бўлган қарорлар қабул қилинган.

Петербургда Пётр I ҳукмронлиги даврида ҳам татар миллатига мансуб мусулмонлар бор эди. Ўшанда ҳатто Нева дарёси атрофида татар слободаси пайдо бўлган эди. Кейинчалик аста-секинлик билан мусулмонларнинг сони кўпайиб борди. 1878 йилда Россия ички ишлар вазирлигининг маълумотларига кўра, Санкт-Петербург губерниясида 4000 мусулмонлар истиқомат қилган (Пончаев, 2010. С.12). Шунга карамай, улар жамоа намозлари учун мўлжалланмаган шахсий уйларда ўз диний амалларини бажаришга, катта диний байрамлар учун эса шаҳарнинг турли қисмларида жойлашган катта биноларни ижарага олишга мажбур бўлиб келганлар.

Шуларни инобатга олиб, 1881 йилнинг 2 апрел куни шаҳар мусулмонлари ички ишлар вазири (министр) Н.П. Игнатъевга Санкт-Петербургда мусулмонлар масжидини барпо этиш учун қўмита ташкил этиш мурожаати билан чиқдилар. “Санкт-Петербург масжидини қуриш қўмитаси”нинг вазифалари қуйидагича белгиланди.

1. Ҳозирда ва бундан кейин йиғиладиган маблағ ҳисобини ўззиммасига олиш;
2. Қурилиш учун қўшимча маблағ топиш имкониятини қидириш;

3. Масжидни куриш учун қулай жой топиш;
4. Ўз вақтида масжиднинг лойиҳаси чизмаси, сметаси ва режаларини тузиш;
5. Масжиднинг қурилиши билан боғлиқ ишларини расмийлаштиришни олиб бориш.

Қурилишга тегишли барча масалаларни 10 кишидан иборат бўлган қўмигага топширилди. Қўмигага раис, ғазначи ва котибни тайинлаш вазифаси ҳам юклатилди.

Қўмитанинг олиб борилган ишлари натижасида масжиднинг қурилишига 750 минг рубл (10 йил ичида) маблағ тўпланиши зарурлиги аниқланди. Шундан кейин ички ишлар министри П.А. Столыпиннинг рухсати билан бутун империя ҳудудида маблағ қабул қилишга розилик билдирилди.

Бу ҳақидаги маълумотлар Россия давлат Тарихий архиви (РГИА)да сақланмоқда (Ф.286, оп.1, д.237; Ф.821, оп.8, д.648; Ф.789, оп.13, д.81; Ф.1293). Бу ишларнинг бошида Ислом динига бағишланган бир неча асарларнинг муаллифи ва шаҳар мусулмонларининг ғоявий раҳнамоси Атоулло Боязитов турган.

Бир неча сабабларга кўра (бу асосан маблағ йиғиш билан боғлиқ эди) мусулмон масжидини барпо этиш учун ҳаракатларнинг ижобий ҳал этилишига 20 йилдан кўпроқ вақт сарфланди.

1906 йилнинг 1 феввалида масжид куришга рухсат берилди ва ташкил этилган Қўмитанинг раиси Абдул Азиз Давлетшин бошчилигида фаол ҳаракатлар бошланди. Давлетшин Россия мусулмон дунёсида машҳур ва ҳурматли одам эди. У бир неча мамлакатларга саёҳат қилган, шу жумладан, ҳукумат томонидан Осие губернияларига ҳам хизмат сафарларига юборилган. Бухоро Амири ва Хива хонининг Санкт-Петербургда ташрифлари вақтида эса доимо уларнинг ёнида бўлиш шарофатиға муяссар бўлган эди. “Юлдуз” газетасида унга “...бир неча Шарқ тилларини билган, маданиятли, обрўли ва тараққиёт тарафдори бўлган, Маккани зиёрат қилган мусулмон”, деб таъриф берилган эди (Пончаев, 2010. С.25).

Бундан ташқари Бухоро амири Саид Абдулаҳадхон ҳам Санкт-Петербургда ташриф буюрган вақтида рус ҳукумати билан бўлган музокараларида бир неча маротаба масжид қурилишига доир масалаларни кўтарган эди. 1906 йилда Қўмига аъзолари масжид қурилишида кўмаклашишни сўраб Бухоро амирига мурожаат қилганларидан сўнг, Амир Саид Абдулаҳад масжид қурилишига мўлжалланган ерни сотиб олиш учун 321 минг рубл маблағ ажратди (Ф. 821, оп. 8, д. 717). Кейинчалик, у масжиднинг қурилишига 500 минг рубл ҳам ҳадя этди (Жигало, Тукиянен. 2007. С. 268).

1907 йилнинг июнь ойида Масжидни куриш Қўмитаси Кронверк проспектида жойлашган 540 кв.саженли ер майдончасини сотиб олишга Санкт-Петербург шаҳар хокими (градоначальник)ка мурожаат этди. 2 июлда П.А. Столыпин ушбу сўровномани қўллаб-қувватлади ва Николай II ер сотиб олишга рухсат берди.

Масжид учун жой танлаб олингандан сўнг, 1907 йилнинг октябр ойида масжид лойиҳалари танлови эълон қилинади. Унинг асосий талаблари – диний байрамларда ташриф буюрадиган мусулмонларнинг кўпайишини ҳисобга олган ҳолда уларнинг намоз ўқиши учун қулай шароит ва имкониятларни яратишдан иборат бўлган (Ф.789, оп. 13, д. 81).

Лойиҳалар 1908 йилнинг 28 октябрига қадар тақдим этилиши лозим эди. Қисқа муддат белгиланганлигиға қарамай, ушбу танловда кўпчилик архитекторлар катнашиш истагини билдирдилар. Жами, 45 лойиҳа танловга тақдим этилди.

Фото 1

Агар бу лойиҳаларнинг номла-нишига эътибор берадиган бўлсак, рус архитекторлари “Тимур” лойиҳасида Гўри Амир мақбараси, “Мамелюк” лойиҳасида Шоҳи Зинда меъморий ёдгорлигига, “Жомъе” ва “Самарқанд” лойиҳа-ларида ҳам Самарқанд меъморий обидаларининг архитектураси асо-сий мавзу бўлган. Бу эса ўша давр-ларда ҳаттоки Россия давлатида ҳам Самарқанднинг маънавий мар-каз сифатида тан олинганлигидан далолат беради. Танловда архитек-тор Н.В. Васильевнинг “Тимур” лойиҳаси ғолиб деб топилди. Бу мураккаб ишни амалга ошириш лойиҳалаш ва қурилишда катта тажрибага эга бўлган, нозик бадий дид эгаси, архитектура акаде-миги, инженер фон Гогенга топ-ширилади ва 1909 йилнинг иккин-

Фото 2

чи апрелида масжид барпо этиш учун барча тайёргарлик ниҳоясига етказилади. Ай-тиш жоизки, Гоген Бухоро Амири учун Санкт-Петербургда катта уй қуриб берган ва айрим маълумотларга кўра, ўша уйдан мусулмонлар масжидигича ер ости йўлаги ҳам барпо этилган. Масжиднинг қурилиши ва безатилишида ўзбек усталарининг кўл меҳнатларидан ҳам фойдаланилган.

Лекин, афсуски, Ички Ишлар Вазيري (министри) П.А. Столыпин томонидан ушбу хайрли ишга тўсиқлар қўйилганлиги сабабли қурилиш ишлари бир оз кечикиброк, яъни 1909 йилнинг август ойида бошланди.

1910 йилнинг 3 феввалида масжиднинг деворларини кўтаришга бағишланган тадбир Бухоро Амирининг тахтга кўтарилишининг 25 йиллигига мослаштирилди. Шу муносабат билан кумушдан тайёрланган тахтачада “Олий ҳазратлари Амир томонидан Санкт-Петербург мусулмонларига тухфа этилган ерда 1910 йил февралнинг 2 санасида Бухоро Амири генерал-адъютант Шайх Абдулахадхон ва бошқа мартабали меҳмонлар иштирокида ушбу масжид барпо этила бошланди” деб ёзиб қўйилди (<https://ru.wikipedia.org>).

Масжид қурилишига бағишланган маросимда Санкт-Петербург имоми охун А.Боязитов: “Қуръонда “Оллоҳ гўзал ва у гўзалликни яхши кўради”, деб айтилган. Бизнинг масжидимиз чиройли бўлади ва шаҳарнинг кўркига кўрк қўшиб, меъморчилигимизнинг шон-шухратига хизмат қилади. Петербургдаги масжидга ўхшаш масжидлар Парижда ҳам, Лондонда ҳам йўқ”, деб таъкидлаган эди.

Кейинги 3 йил давомида қурилиш ишлари олиб борилди. Архитекторлар, қурувчилар маблағ етишмовчилиги, қўшимча кичик ёрдамчи биноларнинг қурилиши, қўшимча ер сотиб олиниши, деворлар, миноралар, пештоқлар, гумбазларни бадий керамика, мозаика билан безатиш каби бир канча қийинчиликларга дуч келдилар (Ф.1102, оп.2, д.197-498). Масжиднинг ичидаги ёруғликни таъминлаш мақсадида унинг деворлари ва устидаги гумбазнинг барабанида қўшимча деразалар ўрнатишди. Бу эса Санкт-Петербург масжидининг айнан ўзига хос кўринишлардан бири эди, чунки мусулмон Шаркида шу каби меъморчилик намуналарида бундай холат кузатилмас эди (фото 1). Масжидда бош кириш эшиги улуғвор рангли

нақшлар билан безатилган. Ён тарафдан кириш эшиги ҳам ўзига хос услубда безатилган, аммо асосий эшикдай тезда кўзга ташланмас, унинг алоҳида аҳамиятга эга эканлигини икки ёнидаги миноралар белгилаган. Бу кириш эшиги аёллар учун мўлжалланган эди. Ундан ташқари, масжиднинг деворлари қорамтир гранит билан безатилганлиги ҳам мусулмон диний меъморчилигига хос эмас эди. Аммо керамика ва майоликадан моҳирона ва ўринли фойдаланилганлиги масжиднинг бошқа диний меъморий бинолар, шу жумладан, Самарқанддаги масжидлар архитектурасидан кескин фарқ қилмаслигини билдиради. Бир неча маротаба мусаввирлар Самарқандга ташриф буюриб, Гўри Амир, Шоҳи Зинда масжидлари нақш безакларидан нусхалар олдилар. Бу каби ҳаракатларнинг барчаси қурилиш ишларини секинлашувига олиб келди, бироқ ишлар тўхтатилмади.

1913 йилда бутун Россия худудида Романовлар уйи (хонадони)нинг 300 йиллиги муносабати билан қурилаётган масжидда 22 февралда Бухоро Амири ва Хива хони иштирокида масжид тарихида биринчи маротаба диний маросим ўтказилди.

Масжид қурилишига оид охириги маълумотлар 1914 йилга тўғри келади (Ф.821, оп.133, д.554). Маблағнинг етишмаслиги ва август ойида бошланган жаҳон уруши масжиднинг қурилишини охиригача етказишга халақит берди. Унинг қурилиши октябрь тўнтаришидан кейин охирига етказилди. Масжиднинг бош кириш жойи пештоқида “1910 йил 3 февралда қурилиши бошланган масжид 1920 йилнинг 30 апрелида тўлиқ барпо этилди”, - деган ёзув бор.

Санкт-Петербург мусулмон масжидининг архитектурасида Ўрта Осиё мусулмон ҳунармандчилигининг ўзига хос изларини сезиш қийин эмас. Масжид гумбази Самарқанддаги Гўри Амир мақбарасининг гумбазини эслатади. Аммо Санкт-Петербург масжидининг гумбази бир оз чўзинчоқ ва учли (фото 2). Кириш эшиги порталининг шакли ва нақшлари Шоҳи Зинда мақбарасидан нусха сифатида олинган. Амир Темур мақбараси деворларига зангори, ҳаво ва оқ рангли сирли кошинлар қопланган, бу кошинлар геометрик шаклда усталик билан терилган бўлиб, уларга арабча хат битилган. Меъмор бир-бирига мос шакллардан фойдаланиб, биноларнинг катта сатҳларини моҳирлик билан бегаган. Худди шу кўринишларни мусулмонлар масжиди меъморчилигида ҳам кузатиш мумкин. Ислом талабларига биноан иккала масжидда ҳам тирик мавжудотларнинг тасвирини учратмаймиз, аммо деворлар орнамент нақшларига бой (Ўзбекистон обидаларадаги битиклар, 2012, 129-135 б).

Гўри Амир Жомеъ масжидининг кириш эшиги бош равоқ панели устидаги тош битикларида сулс хатида Пайғамбарнинг бир неча ҳадиси ёзилган. Шу ёзувларнинг тепасида эса куфий хати билан “Мулк – Оллоҳники”, “Боқийлик – Оллоҳга хос”, “Оллоҳга шукур” деб ёзилган. Санкт-Петербург мусулмонлар масжидининг эшиклари орасидаги вертикал ёзувларда ҳам худди шу сўзларни учратиш мумкин (Тагирджанова, 2014. С. 44-46). Гўри Амир Жомеъ масжидининг пештоқ ёзувларида инсон доимо тоат ибодатда бўлиши, намозни канда қилмаслиги қайта-қайта қайд этилган. Мусулмонлар масжидининг марказий кириш жойи устидаги порталда ҳам тоат-ибодат қилиш ҳақидаги суралар келтирилган (Тагирджанова, 2014. С. 44-46).

Буларнинг барчаси Санкт-Петербургдаги масжид биносининг кўп жиҳатдан Ўрта Осиё, хусусан, Самарқанд меъморчилик анъаналари таъсири остида бунёд қилинганлигидан далолат беради.

Фойдаланилган адабиётлар

Пончаев Р. Д. Соборная мечеть в Санкт-Петербурге. Очерк истории. СПб., 2008.

Тагирджанова А.Н. Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины. СПб., 2014.

Ўзбекистон обидаларидаги битиклар. – 3-китоб, Тошкент, 2012.

Жигало М., Тукиянен И. Самые известные храмы Санкт-Петербурга. - М., Олимп, Острель., АСТ.2007.

Ф.286, оп.1, д.237.

Ф.789, оп.13, д.81.

Ф.821, оп.8, д. 648, 717.

Ф.821, оп.133, д.554.

Ф.1102, оп.2, д.197-498.

<https://ru.wikipedia.org>.

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

YOUNG RESEARCHER
TRIBUNE

УДК: 903 (737.11: 336.746: 671.4)

СОПОЛЛИ МАДАНИЯТИ ГЛИПТИКАСИДА ГЕОМЕТРИК ТАСВИРЛАР

© 2017. А.Ш. Шайдуллаев

Ўзбекистон миллий университети

Калит сузлар: Бактрия, Марғиёна, Қадимги Шарқ, сополли маданияти, глиптика, муҳр, тамға, тумор, геометрик тасвирлар.

В данной статье рассматриваются геометрические изображения на амулетах, штампах и печатях, найденные на памятниках культуры Сапалли. На основе сравнения в аспекте культурных связей и взаимодействий, а также их взаимовлияния уточнена их хронология. Определено историческое значение антропоморфных образов глиптики культуры Сапалли.

GEOMETRIC IMAGES ON GLYPTICS OF SAPALLI CULTURE

A. Shaydullayev

This article discusses the geometric images on amulets, stamps and seals which have been found from sites of Sapalli Culture. On the basis of comparison of cultural relations their chronology is specified. The historic significance of geometric images of the Sapalli Culture glyptics is determined.

Сополли маданиятини том маънода геометриялашган маданият, деб аташ мумкин. Унинг монументал меъморчилик обидалари симметрик қоидалар асосида бунёд этилган бўлса, муҳофаа иншоотларига лабиринт тизими хосдир. Бизнинг кузатувларимизга қараганда Сополлитепа ва Дашли муҳофаа иншоотлари тизими жаҳон халқлари меъморчилигидаги энг қадимги лабиринт тизимидан биридир. Ёзма манбаларда эртақ қаҳрамони Тоссенинг Менотаврни¹ Крит лабиринтида ўлдирганлиги ҳақида маълумотлар бор (Бидерман, 1996. С. 141). Албатта, бу ҳикоя, эртақ. Шундай бўлсада, Крит лабиринти адабиётларда жаҳондаги энг қадимги лабиринт сифатида эътироф этиб келинмоқда (Bord, 1976). Сополли ва Дашли ёдгорликлари мисолида Бактрияда лабиринт тизимининг пайдо бўлиши ва эволюциясини ўрганиш алоҳида илмий мавзу эканлигини эътироф этган ҳолда айтиш мумкинки, Сополли маданиятининг нафақат меъморчилик, балки моддий маданият турларининг деярли барчаси - кулолчилик буюмлари, металлсозлик ашёлари, тошдан ясалган ҳар хил аслаҳалар табиат қонунияти – симметрик қоидалар асосида ясалган.

Сополли маданияти муҳрлари типологияси шуни кўрсатмоқдаки, улар асосан геометрик шаклларда ясалган: мажозий шаклли; цилиндрсимон; хочсимон; тўғритўртбурчак; конуссимон; квадрат; юлдузсимон; тўпбаргсимон; доира; пардевор (перегородчатые) юзали; тўғнагич шаклли муҳрлардир (Шайдуллаев, 2013).

Илмий адабиётларда муҳрларнинг шаклида ҳам илоҳий маъно ва мазмун борлиги хусусида ёзилмоқда (Антонова, 1984. С. 146). Бу фикрни тўлиқ инкор этмоқчи эмасмиз, аммо Сополли маданияти муҳрлари, туморлари ва тамғаларини ясаган усталар энг аввал унинг юзасига тушириладиган ифодага қараб, муҳрлар шаклини ясаган. Муҳрларни ясада ифода бош ролни ўтаганлиги, моҳият шак-

лдан устун эканлиги кузатилади. Юқорида келтириб ўтганимиздек Сополли маданияти муҳрлари шакли бўйича 14 та типга бўлинган, уларнинг орасида цилиндрсимон, тўғритўртбурчак, конуссимон, тўпбаргсимон, тугмасимон, тугнагич каби шакллар символика дунёсида ҳеч қандай мазмун ва моҳиятга эга эмас. Аксинча, хоч, квадрат, доира, юлдузсимон шакллар символиканинг энг асосий белгилари ҳисобланади. Демак, Сополли маданияти муҳрлари шаклан 14 хил бўлиб, шундан 4 таси символик характерга эга, холос.

Асосий эътибор муҳрлар юзасидаги тасвирларга қаратилган. Сополли маданияти ёдгорликларидан стратиграфик аниқлик ва ёпиқ комплекслардан жами 81 та муҳр (тамға, тумор) топилган бўлиб, шундан 51 тасида, яъни 60% ида геометрик шакллар тасвирланган. Улар қуйидаги шаклларда чизилган: 1. Хоч; 2. Свастика²; 3. Филдирак; 4. Гексаграмма³; 5. Етти қиррали юлдуз; 6. Саккизқиррали юлдуз; 7. Ўнқиррали юлдуз; 8. Лабиринт; 9. Ўзаро кесишувчи параллел чизиқлар; 10. Айлана.

Хоч. Икки кесманинг кесишишидан ҳосил бўладиган хоч символлар орасида энг соддаси ва оддийидир. У табиат кенгликларини, кенгликдаги йўналишларни ифодалайди. Икки кесманинг кесишув нуқтаси асосий маънони англатади. Кесмалар марказда кесишган бўлса ҳар хил дуалистик ғояларни, марказдан баландда кесишса инсон тасвирини билдиради ва ҳоказа (Бидерман, 1996. С. 132).

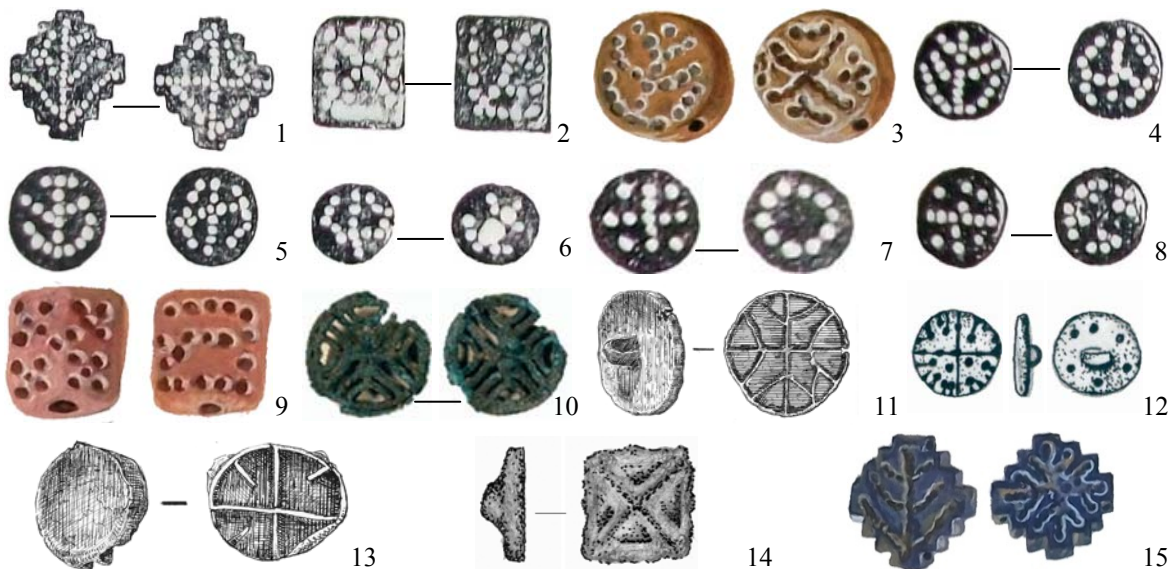
Сополли маданияти ёдгорликларидан топилган 15 та муҳр ва туморда хоч ифодаланган (1-расм). Уларнинг 9 таси икки юзали бўлиб бир томонида хоч, иккинчи томонида эса ўсимлик (1-расм. 1, 2, 3, 4, 5), айлана (1-расм. 7, 8), илон (1-расм. 13), одам (1-расм. 6) тасвирланган. Бешта бир юзали муҳрда хоч тасвири алоҳида тасвирланган (1-расм. 10, 11, 12, 13, 14). Шулардан бири адабиётларда “пардевор” - “перегородчатое” номини олган муҳр бўлиб, бронзадан қуйма усулда ясалган. Улар шакл жиҳатидан бир-бирига айнан ўхшайди ва фақат Бақтрия учун характерлидир. Муҳр думалоқ шаклда бўлиб, марказида хоч жойлашган (1-расм. 10).

Демак, 14 та муҳр ва туморда хоч тасвири бўлиб, бештасида алоҳида, бештасида ўсимликлар, иккита ҳолатда айлана, бир марта илон ва яна бир марта одам билан тасвирланган. Хочнинг ўсимликлар билан ифодаланиши табиийликка хос бўлиб, дунёни, табиатни англаш деб қаралиши керак. Айлана ва хочнинг бирга ифодаланиши эса осмон жисмлари ва табиатни бирга тасаввур этиш, космогоник тушунча йилнинг тенг тўртга, фаслга бўлинишига ишорадир.

Свастика. Хочнинг такомиллашган, геометрик жиҳатдан ривожлантирилган ва тўлдирилган шакли.

Қадимги Шарқ ёдгорликларида, Бақтрия, Марғиёна, Андроново ёдгорликларида кенг тарқалган белги (Аскарлов, Ширинов, 1993; Сариниди, 2002; Кузьмина, 1985; Кузьмина, 1994). Муҳр ва туморлардан ташқари сополларда ҳам кенг тасвирланган. Кейинги пайтда арийларнинг пайдо бўлиши ва тарқалиш географияси ҳам свастика мисолида тикланмоқда (Аскарлов, 1980; Кузьмина, 2009). Сополли маданиятига оид свастикалар ҳам ибтидоийликка оид, энг қадимгиларидан биридир. Шунинг учун ҳам уларнинг тасвирида ягона қонуният сезилмайди. Свастикалар алоҳида, гоҳида эса ўсимлик ва космогоник белгилар билан ҳам ифодаланган (2-расм. 1, 2, 3, 4).

Филдирак. Айлана ёки доиранинг ривожланган шакли, глиптикада арава кашф этилгандан кейин пайдо бўлган ва энг асосий белгилардан бирига айланган. Бронза даврининг деярли ҳамма маданиятларида учрайди. Айлана ичида хочнинг чизилиши йилнинг фаслларга бўлинишини ифодалайди. Филдирак “осмонда

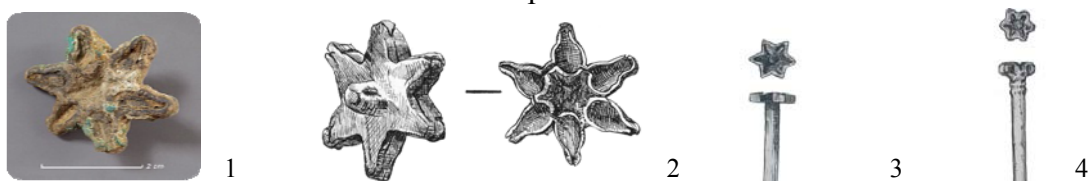
1 - расм

2 - расм

3 - расм

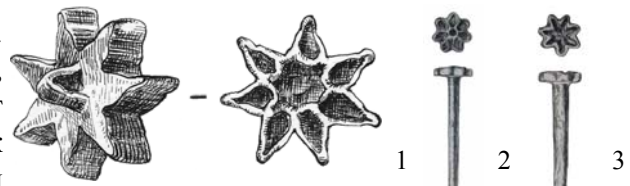

4 - расм

айланиб юрган” куёш символи бўлиб, ҳалқаси куёш-ни, кегайлари эса нурларни англатади.

Ғилдирак шакли меъморчилик, шаҳар қурилиши-да ҳам аҳамият касб этган. XX аср бошларида Эрон ҳудудида бир қатор доира шаклли ёдғорликлар ўрганилгандан сўнг В. Мюллер унга нисбатан “клас-сик ғилдирак шаҳарлар (қаршвар) юрти” деб таъриф беради (Müller, 1961. P. 87). XX аср давомида Марказий Осиёнинг бошқа ҳудудларида ҳам бронза ва илк темир даврига оид доира шаклли ёдғорликлар ўрганилди. Даштли (Сарианиди, 1977. С.

184), Синташта (Зданович, 1997. С. 87), Талашкантепа (Шайдуллаев, 2000. С. 119) каби ёдгорликларнинг очилиши натижасида “ғилдирак шаҳарлар юрти” тушунчаси худудий жиҳатдан кенгайди.

5 - расм

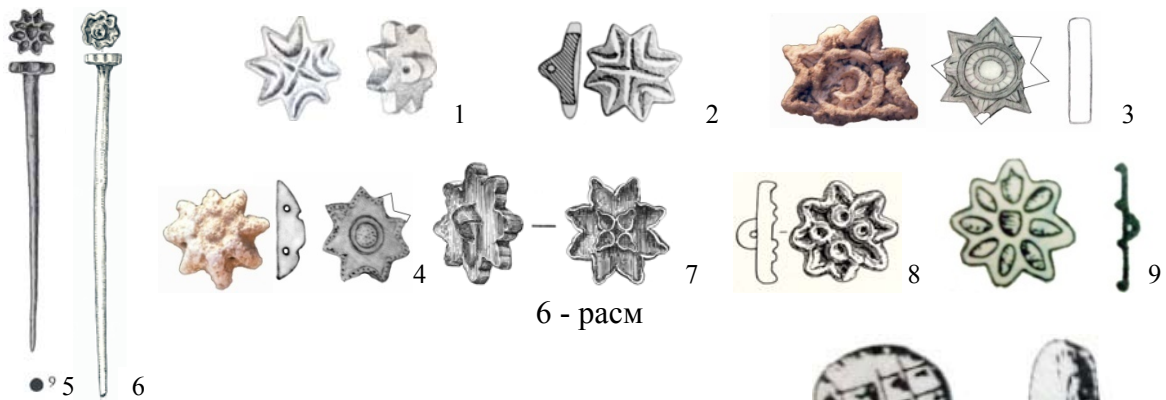
Ғилдирак уч қисмдан – гупчак, кегай ва тўғиндан (ҳалқа) иборат бўлиб⁴, Марказий Осиё халқлари метрополиясига оиддир.

Авеста анъанасига кўра Каршвар (Кишвар) ернинг ўзлаштирилган қисми бўлиб, аниқ чегарага эга бўлган ва етти қисмга бўлинган. Булар шарқда Сава, ғарбда Арзах, иккитаси жанубда – Фрададафш ва Видадафш, иккитаси шимолда – Ворузаршт ва Ворузаршт, марказда эса энг буюги, худудий жиҳатдан олтига кишварга тенг Хванирас жойлашган (Зороастрийские тексты, 1997. С. 40).

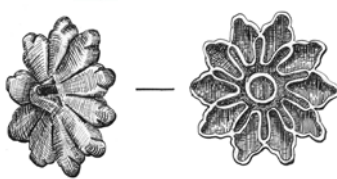
Сополли маданияти моддий маданиятида ғилдирак тасвири кенг тарқалган. Жумладан, сополларда чизилган ғилдирак шакллари пиктографик ёзув сифатида эътироф этишган (Чориев, Шайдуллаев, Аннаев, 2008). Ундан ташқари Жаркўтон ёдгорлигида ғилдиракнинг хлорид тошдан (Хуфф, Шайдуллаев, 1999), Бўстон қабристонида эса лойдан ясалган моделлари топилган (Аванесова, 2000. С. 64).

Сополли маданияти ёдгорликларидан топилган, ғилдирак тасвири туширилган муҳр – туморлар деярли бир хил услубда чизилган бўлиб, марказда нуқтадан иборат бўлган гупчак, муҳр гардиши бўйлаб тўғин (ҳалқа) ва гупчак ҳамда ҳалқани боғлаб турувчи кегайдан иборат (3 расм. 1, 2, 3, 4, 5, 7). Кегайлар сони олтигадан ўнтагача боради, албатта бу ғилдирак тасвирининг кўламига боғлиқ.

Гексограмма. Иккита учбурчакдан ташкил топган, олтиқиррали юлдуз (4-расм). Символика дунёсида учи тепага қарагани осмонот дунёсини, пастга қарагани эса ерга менгзалади, иккинчи маъноси эса учи тепага қараганда аёллар, пастга қарагани эса эркаклар дунёсини англатади.

6 - расм

7 - расм

8 - расм

9 - расм

Сополли маданияти мухрларида тўрт марта гексограмма тасвири аниқланган бўлиб, улар Сополлитепа, Жарқўтон (Аскарлов, 1973; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Аскарлов, Ширинов, 1993; Аскарлов, 1977) ва Тиллабулоқдан топилган мухрлардир (Kai Kaniuth, Martin Gruber, Anna Kurbangaliev, Frances Sachs, Aliser Sajdullaev, Mohsen Makki, Peter Biro, 2010).

Барча олтиқиррали мухр-тамғалар бронзадан ясалган бўлиб, олти сонининг глиптикадаги маъноси мужмалроқ. Энг эътиборлиси Европада “Сулаймоннинг мухри” номини олган гексаграмма бўлиб, иккита учбурчакдан ташкил топган юлдуздир (Бидерман, 1996. С. 301). Қадимги Хитойликлар инсонларнинг танаси (бош, қорин қисм, икки қўл ва оёқ) ва қалбини (севги, қаноат, хурсандчилик, азоб, хасад, жаҳолат) олти қисмдан иборат деб ҳисоблашган (Wilhelm, 1980).

Жуда кўплаб халқларда олтини 3+3 сифатида билишади. Жумладан, Зардуштийликда уч кеча-ю, уч кундуздан сўнг рух танага қайтиб келади деган тушунча мавжуд бўлган. Ундан ташқари, Зардуштийлик анъанасида гаха (гаханбар) байрамлари бўлиб, чорвадор ва деҳқон қабилалар йил давомида олтига байрам ўтказишган. Булар баҳор ярмида, ёз ўртасида, ҳосил байрами, отарларнинг ёзги яйловдан қайтиш кунлари, киш ўртасида ва фравашиларни⁵ меҳмон қилиш байрамларидир. Олти гаханбар, яъни олти давр бир йилни ташкил этган (Бундахишн, 1997. С. 265-311).

Етти қиррали юлдуз (5-расм). Символика дунёсида етти планетани (ой, қуёш, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн), барча жаҳон халқларида ҳафтанинг етти кунини билдиради. Ўрта Осиё халқларида етти сони илоҳийлаштирилган, кўпроқ магия ҳолатлар билан боғлиқ, жумладан “етти кеча-ю, етти кундуз”, “етти кунлик йўл”, “еттилик” каби иборалар ёки маросимлар мавжуд.

Сополли маданиятида етти қиррали юлдуз уч маротаба учраган, холос (5-расм). Сополли ва Жарқўтон ёдгорликларидан топилган бронзадан ясалган мухр ва иккита соч тўғнағичдан иборат (Аскарлов, 1973; 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983).

Саккизқиррали юлдуз. Шумер ва Миср глиптикасида юлдуз симболи сифатида кенг тарқалган пентограмма Сополли маданияти мухрларида, туморларида учрамайди. Пентограмма семит халқларида Иштар худосининг симболи ҳисобланган. Қадимги Шарқ халқларидан фарқли ўлароқ Сополли маданияти ёдгорликларида саккизқиррали юлдуз энг кўп тарқалган.

Сополли маданиятида бошқа сонларга нисбатан саккиз илоҳий бўлганлиги кузатилмоқда. Жумладан, Сополлитепа саккизта лабиринтдан иборат мудофаа тизими ва саккизта кварталдан иборат (Аскарлов, 1973). Жарқўтон эса арқдан ташқари саккизта тепалиқдан (махалла) ташкил топган илк шаҳар (Шайдуллаев, 2009), Жарқўтон олов ибодатхонасида саккизта коридорнинг (қурбонликлар сақланадиган омборхона) мавжудлиги (Аскарлов, Ширинов, 1993), кўплаб мухр ва туморлар ҳам саккизқиррали юлдуз шаклида ясалганлиги (6-расм) шундай хулоса чиқаришга асос бўлади.

Мазкур мухр - туморлар Сополлитепа ва Жарқўтон ёдгорликларида олиб борган тадқиқотлари натижасида топилган (Аскарлов, 1977. С. 209; Хуфф, Шайдуллаев, 1999).

Саккизқиррали мухр - туморларнинг юзасида ҳар хил, бир-бирини такрорламайдиган геометрик белгилар мавжуд. Албатта, бу белгилар саккизқирра юлдуз билан ҳамохангликда ягона мифологик, балчим фалсафий тушунчани англатган.

Саккизқиррали муҳр – туморларни юзасидаги тасвирларга қараб қуйидаги вариантларга бўлиш мумкин:

а. Саккизқиррали, марказида хоч, жуфт қирраларни бирлаштирувчи тўртта ярим ойдан иборат юлдуз (6-расм. 1, 2).

б. Саккизқиррали, марказида бир (6-расм. 4) ва икки қатор (6-расм. 3) айлана бўлган юлдуз.

в. Саккизқиррали, марказида тўртта айлана бўлган юлдуз (6-расм. 8).

г. Саккизқиррали, марказида тўртта (6-расм.7) ва саккизта (6-расм. 9) баргдан ясалган гулчамбарли юлдуз.

Ўнқиррали юлдуз. Сополлитепадан топилган (Аскарлов, 1977), барг шаклида, бронзадан ясалган муҳр. Муҳр юзасида ўн тишли гулчамбар жойлашган (7-расм).

Юлдуз шакли муҳр-туморлар қиррасидан қатъий назар, фақат Сополли маданияти ёдгорликларига характерли бўлиб, ҳаттоки Марғиёна худудига ҳам хос эмас. Бу Сополли маданияти глиптикасининг ўзига хос хусусиятидир.

Лабиринт. Бутун дунёда сирли ҳаёт симболи. Қадимда халқ қаҳрамонларининг лабиринтларда синаб кўрилганлиги ҳақида кўплаб афсоналар тўқилган (Бидерман, 1996. С. 141). Юқорида таъкидлаб ўтганимиздек Сополли маданияти аҳолиси лабиринтни кашф этган ва меъморчилик ансамбллари қуришда моҳирона фойдаланган (Аскарлов, 1973). Албатта, бу муҳрлар ва туморларда ҳам акс этган.

Тиллабулоқ ёдгорлигидан топилган муҳрда айлана шакли лабиринт тасвирланган (Kaniuth, Gruber, Kurbangaliev, Sachs, Sajdullaev, Makki, Biro, 2010). Бир қарашда у илоннинг ғужанак бўлиб турган ҳолатини ҳам эслатади. Аммо, муҳрни лой парчасига ёки пластилинга босиб кўрилганда илондан кўра лабиринт тасвирланганлиги кўринади. Лабиринт муҳр параметридан (гардиш) бошланиб, айлана шаклида марказгача борган. Психологик жиҳатдан лабиринт марказни топишдан иборатдир. Тиллабулоқ муҳрида уч айланали лабиринт ва марказга этакловчи йўл тасвирланган (8-расм).

Ўзаро кесишувчи параллел чизиқлар, квадрат. Геометрияда энг асосий элемент чизиқдир. Унинг ёрдамида барча белгилар ва символлар ясалади. Гоҳида чизиқлар кесмасидан ҳар хил шакллар ясалган. Жарқўтондан топилган лойдан ясалган муҳр юзасига учта параллел чизиқ горизонтал, учта параллел чизиқ вертикал чизилган. Натижада, квадратлар пайдо бўлган (9-расм).

Квадрат шакли муҳрлар кўпроқ Хараппа маданиятига тегишли. Бир марта Жарқўтон ёдгорлигидан бронзадан ясалган, квадрат шакли муҳр топилган (Аскарлов, Ширинов, 1993), иккинчи марта соч тўғнагичнинг боши квадрат шаклида ясалган (Аскарлов, Абдуллаев, 1983). Сополли маданияти глиптикасига квадрат шакли хос эмас.

Айлана. Тумор ва муҳрлар кўп ҳолатда доира (айлана) шаклда ясалган. У энг кенг тарқалган геометрик символ бўлиб, ой ва қуёшни ифодалайди (Бидерман, 1996). Айлана - бошланиши ҳам, тугаши ҳам, йўналиши ҳам бўлмаган тугал шаклдир. Символика дунёсида доирага контраст сифатида квадрат белгиланган. Айлана худо ва осмонга, квадрат эса ер ва инсонга менгзалади.

Сополли маданиятининг тумор ва муҳрлари асосан айлана (доира) шаклида ясалгани билан тасвирда айлана жуда кам учрайди. Соф, яъни алоҳида чизилган айлана бир марта учраган, холос (1-расм. 7). Унда ҳам хоч ифодаланган туморнинг иккинчи тарафида чизилган.

Сополли маданияти глиптикасида айланадан қўшимча кампонент сифатида фойдаланишган. Жумладан, юлдуз шакли мухрларнинг марказида (6-расм. 3, 4, 8, 9; 7-расм), хоч атрофида халқа (1-расм. 5, 11, 12, 13), ҳилдиракнинг тўғини (3-расм. 1, 2, 3, 4) сифатида чизилган.

Сополли маданияти глиптикасидаги геометрик тасвирлар тўғрисидаги мулоҳазаларимизни яқунлар эканмиз, шуни таъкидлаш жоизки барча геометрик мазмундаги тасвирлар маҳаллий характерга эга. Геометрик тасвирларда ривожланган глиптика мактабларининг таъсири сезилмайди. Айниқса, пентограмма⁶ масаласида, яъни Шумер ва Мисрда осмон жисми юлдузни, кейинги пайтларда ғалаба, гоҳида тўқис инсон рамзларини (бош, икки қўл, икки оёқ) англатган беш юлдуз (Соорег, 1978) биз ўрганаётган маданият ёдгорликларида учрамайди. Сополли маданиятига кўпроқ саккизқиррали юлдуз характерлидир. Бронзадан ясалган, юлдуз шакли мухрлар ясаиш техникаси ва шакли бўйича санъат даражасига етган ва сополли варианты кашф этилган.

Хоч энг кўп тарқалган оддий геометрик белги бўлиб, алоҳида тасвирланиши билан бирга ўсимликлар дунёси билан ҳам тасвирланган ва “инсон - табиатнинг ажралмас бир бўлаги” тушунчасини бера олган.

Бронза даврининг буюк кашфиёти бўлган ғилдирак Сополли маданияти глиптикасида ҳам ўз ифодасини топган. Ғилдиракнинг Марказий Осиё халқлари метрополиясига оидлигини глиптика яна бир бор тасдиқлади.

Шундай қилиб, хулоса қилиш мумкинки, геометрик белгилар аجدодлардан аجدодларга ўзгаришсиз, такомиллашган ҳолда ўтиб келаверган. Сополли маданиятининг илдишлари деб тан олинган Номозгоҳ ва Анау маданиятлари мухрларида энеолит давридан бошлаб оддий геометрик тасвирлар ифодаланган (Сарианиди, 1960. С. 34-48; Массон, 1971; Массон, 1989. С. 291; Массон, 1962. С. 423). Вақт ўтиши билан мухрлардаги тасвирлар мураккаблашиб, инсонларнинг мифологик дунёсини ифодалай бошлаган, бронза даврига келганда санъат даражасига кўтарилган ва фанда глиптика йўналишининг шаклланишига асос бўлди. Геометрик тасвирлар мураккаблашиб ҳамда такомиллашиб борган. Энеолит даврида учбурчак, тўртбурчак каби шакллар ифодаланган бўлса, ўрганилаётган даврга келиб свастика, гексаграмма, ғилдирак каби ривожланган геометрик тасвирларни кузатиш мумкин.

Изохлар:

¹ Гавдаси инсон, боши ҳўқиз кўринишидаги маҳлук.

² Хоч шаклидаги, кесмалар учларининг ўнг ёки чап томонга қайрилиши натижасида хосил бўладиган шакл, белги. Энг қадимгиси Шумер свастикаси бўлиб, тўртта аёлнинг гавдаси асосида хоч пайдо қилинган ва ёйилган сочлари ёрдамида хоч свастикага айланган. Свастика ҳозирги замон символикасида арийлар билан боғланади. Тўкин сочинлик, ҳукмронлик рамзи.

³ Иккита учбурчакнинг қўшилиши натижасида пайдо бўлган, олтиқиррали юлдуз.

⁴ Арава ва ғилдираклар ҳаёт тарзидан чиқиб бораётганлиги сабабли улар билан боғлиқ атамалар ҳам унутилиб бормоқда. Рус тилида гупчак – “ступица”, кегай – “спица”, тўғин эса – “обод” дейилади.

⁵ Фравашилар – руҳ билан боғлиқ бўлган, инсонлар тушунчасида одамлар туғилишдан олдин ҳам бўлган ва ўлгандан сўнг ҳам бўлади деган тушунча.

⁶ Бешқиррали юлдуз.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Аванесова Н.А.* Новое в погребальном обряде Сапаллинской культуры // Российские вести. М., 2000. Вып. 4.
- Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., Широков Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд, 1993.
- Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Аскарлов А.А.* Степные компоненты в комплексах оседлых культур эпохи бронзы в Северной Бактрии // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Л., 1980.
- Бидерман Ганс.* Энциклопедия символов. М., 1996.
- Зороастрийские тексты.* Бундахишн – “Сотворение основы”. М., 1997.
- Зданович Д.Г.* Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного *Зауралья* эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
- Кузьмина Е.Е.* Арии – путь на юг. М.-С-Пб., 2009.
- Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
- Массон В.М.* Поселение Джейтун. Л., 1971.
- Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., 1962.
- Сарианида В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В.И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.
- Сарианиди В.И.* Энеолитическое поселение Геоксюр (Результаты работ 1956-1957гг // Тр. ЮТАКЕ. Т. X. Ашгабат, 1960.
- Хуфф Д., Шайдуллаев Ш.Б.* Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30. Самарканд, 1999.
- Чориев З., Шайдуллаев Ш.Б., Аннаев Т.* Ўзбекистон худудида ёзувнинг пайдо бўлиши ва таракқиёти. Тошкент, 2008.
- Шайдуллаев А.* Сополли маданияти муҳр-тамғалари типологияси // Ўзбекистон тарихининг долзарб масалаларини ўрганишда ёшларнинг ўрни. Самарканд. ЎзР ФА Археология институти. Самарканд, 2013.
- Шайдуллаев Ш.Б.* Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. – Ташкент, 2000.
- Шайдуллаев Ш.Б.* Ўзбекистон худудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари // Т.ф.д. диссертацияси автореферати. Самарканд, 2009.
- Bord J.* Mazes and labyrinths of the World. London, 1976.
- Cooper J.C.* An illustrated Encyclopaedia of traditional Symbols. London, 1978.
- Kaniuth Kai, Gruber Martin, Anna Kurbangaliev, Frances Sachs, Alisher Sajdullaev, Mohsen Makki, Peter Biro.* Tilla Bulak – 2009 Vorbericht zur dritten Kampagne // AMIT. Band 42. Berlin, 2010.
- Müller W.* Die heilige Stadt. Roma quadrata, himmlisches Jerusalem und die Mythe vom Weltnabel. Stuttgart, 1961.
- Wilhelm R.* Die Seele Chinas. Neuausg. Frankfurt, 1980.

УДК: 903 (737.11: 336.746: 671.4)

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УЗБЕКИСТАНА

© 2017. А.В. Кубатин

Ташкентский государственный институт востоковедения

Ключевые слова: Узбекистан, Тюркский каганат, древнетюркское руническое письмо, система письменности, титул, керамика, монеты, наскальные надписи.

Мақолада бугунги кунда маълум бўлган ва сопол буюмлар, қоятошлар ва танга устига ёзилган ёзувлардан ташиқил топган Ўзбекистон қадимги туркий руник ёдгорликлар масаласига тўхталган. Муаллиф, қадимги туркий руник ёзуви билан ёзилган битикларни таҳлил этиб, баъзилари учун ўзининг янги ўқишларини таклиф этган. Шунингдек, Ўзбекистон ҳудудида топилган қадимги туркий руник ёзувда битилган ёдгорликлар мазкур ҳудудда ушбу ёзув турининг шаклланиши ва тарқалишининг муҳим ареалларидан бири бўлганлигидан далолат берадилар.

OLD TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS OF UZBEKISTAN

A.V. Kubatin

The article discusses known today ancient Turkic runic inscriptions of Uzbekistan, which are present by inscriptions on the ceramics, rocky surface and coin legends. The author analyzed the readings of the inscriptions made by ancient Turkic runic script, and for some of them offered his new reading. In addition, monuments of ancient Turkic runic script found on the territory of Uzbekistan, indicate that the area was one of the most important areas of formation and propagation of this kind of script.

Как известно, находки древнетюркских рунических надписей, являющихся культурным наследием Тюркского каганата, происходят в основном с территории Монголии, Южной Сибири и обширных степей Евразии, простирающихся от Алтая до Восточной Европы. В эпоху раннего средневековья Евразийские степи, включающие территорию современных Казахстана, Восточного Туркестана (северная часть), Северного Кавказа и Южной Украины, являлись местом обитания этносов, ведущих, в основном, кочевой образ жизни. При этом следует отметить, что на сегодня не имеется точных сведений о наличии или отсутствии у данных этносов определенной системы письменности в период до Тюркского каганата. Однако уже в ту эпоху междуречье Амударьи - Сырдарьи, более известное в западной литературе под географическим термином Трансоксиана (*араб.* Мавераннахр) и включавшее в себя такие оазисные владения, как Согд, Фергана, Чач (Ташкент), Тохаристан, Хорезм и др., которые располагались на территории современного Узбекистана, уже с начала нашей эры считалось регионом, где проживали оседлые народности с развитой системой письменности.

В результате археологических работ, проводившихся на территории Узбекистана, было обнаружено около 30 металлических и керамических изделий с древнетюркскими руническими надписями, которые до сих пор детально и подробно не изучены (Sadikov, 2001. S. 297-305; Кляшторный, 1959, С. 167-168; Васильев, 1983. С. 41-42; Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 16-40). Этот факт ставит перед исследователями вопрос о том, с какими факторами было связано распространение древнетюркской рунической письменности на данной территории, где уже существовала многовеко-

вая письменная традиция, представленная в основном согдийской, хорезмийской и отчасти бактрийской письменностью.

Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что в Ферганской долине, издревле известной в качестве региона в котором проживали оседлые этносы, наряду свыше 20 находками древнетюркских рунических надписей, занявших место на металлических и керамических изделиях, были также найдены две бронзовые монеты с легендарной выполненной согдийским и древнетюркским руническим письмом, которые непосредственно связаны с Западно-Тюркским каганатом или одной из ветвей его правящей династии, правившей в этом регионе (Babayar, 2008. S. 135-146). Древнетюркские рунические надписи были обнаружены также в таких историко-географических областях региона, как Чач (Ташкент), Бухара, Согд (Гузар / Кашкадарья). В частности, в 1930-годах на территории исторического Согда среди документов архива горы Муг, относящегося к владению Панч (Пенджикент / Таджикистан), наряду с согдийскими документами был обнаружен документ, написанный древнетюркским руническим письмом (Бернштам, 1951. С. 65-75).

Создание свода памятников древнетюркского рунического письма, происходящих с территории междуречья Амударьи - Сырдарьи и прилегающих к нему областей, которые в той или иной степени имеют отношение к Западно-Тюркскому каганату или связанным с ним династиям, а также их удачное прочтение и интерпретация, являются одной из актуальных проблем современной тюркологии. Вместе с тем, на сегодня отсутствуют комплексные исследования в этой области, и к тому же, трудно согласиться с предложенными некоторыми специалистами чтениями найденных в Узбекистане древнетюркских рунических надписей, которые при этом во многих случаях противоречат друг другу (Harmatta, 1988. S. 39-41; Sadikov, 2001. S. 297-305; Васильев, 1983. С. 41-42; Маликов, 2000. 24 с.; Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 16-40).

Известные нам на сегодня находки древнетюркского рунического письма, происходящие с территории Узбекистана, можно классифицировать следующим образом:

1. *Надписи на керамических и металлических изделиях.* Большинство подобных находок составляют керамические изделия различной формы и величины, найденные в результате археологических раскопок на городищах Ферганской долины, как Мунчактепе (Наманган), Кува, Аваль (Фергана), Ломбитепа (Андижан), а меньшую часть находки с городища Канка (Ташкент/Чач) и из селения Чашмимиран (Кашкадарья/Южный Согд). К группе памятников древнетюркского рунического письма Ферганской долины наряду с находками, происходящими с территории Узбекистана, можно причислить также находки, обнаруженные в Юго-западном Кыргызстане (Ош, Джалалабад) и Северном Таджикистане (Ашт, Исфара), которые издревле в культурном и географическом отношении являлись составной частью Ферганы.

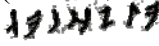
Следует еще раз отметить, что большинство керамических находок с надписями, выполненными древнетюркским руническим письмом, происходят из Ферганской долины, которая являлась одной из важных областей распространения этой письменности. Надписи подобного типа, происходящие с территории Ферганы, впервые были опубликованы Ю.А. Заднепровским (Заднепровский, 1967. С. 270-274). Как отмечает венгерский исследователь Я. Харматта, из 12 надписей на керамике, опубликованных этим исследователем, только 2 поддаются прочтению: одна из них

представлена находкой из Шурабашата, а другая – находкой из Шамирзатепе (Harmatta, 1988. S. 39).

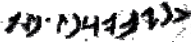
Согласно Я. Харматте, надпись, занявшую место на керамическом сосуде из Шурабашата и состоящую из 9 знаков, можно прочесть следующим образом: $\times\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow$ (dkpxvLiRv) - $u^1ri^1lu^0p^2k^2d$ - *Uri Uluḡ Apa Ökädä*, то есть “от Уры Улуḡ Апа Оге” или “от Уры Улуḡ Апа, от Оге” (Harmatta, 1988. S. 39-40) (Таблица I.1). На наш взгляд исследователь прочел эту надпись вполне удачно, однако не приводит для нее должной интерпретации. В частности, слово *uri*, занявшее место в этой надписи, зафиксировано в таких Орхонских памятниках, как стэлы Кюль Тегина, Бильге кагана и Шине-Усу, в значении “мужчина”, “мужское потомство”, а в стэле из Суджи в значении “сын” (Древнетюркский словарь, 1969, С. 614; Şirin-User, 2009. S. 247, 253). Термины *uluḡ* и *apa*, которые следуют за этим словом, являются эпитетами, которые зафиксированы в большинстве выше упомянутых стэл. Хотя Я. Харматта читает последние два знака, как *ökädä* и интерпретирует их, как “от Оге”, но к подобному чтению и интерпретации следует относиться с осторожностью. Так как, согласно орфографии за последним знаком следовало бы ожидать наличие знака а А (*a*, *ä*). Как известно, термин *ögä* (*oge*) встречается в стэлах в качестве определенного титула и имеет значение “советник; член государственного совета”. Таким образом, данную надпись мы предварительно под знаком вопроса читаем, как «от мужского потомка (...) Улуḡ Апа Оге (?)», а сам титул *Uluḡ Apa Ökä*, занявший место в этой фразе, возможно, принадлежал одному из высокопоставленных чиновников Тюркского каганата или одному из его представителей, правивших в Ферганской долине.

Вторая из упомянутых выше надписей, найденных в Ферганской долине, заняла место на сосуде из Шамирзатепе в его нижней части ближе к донцу и состоит из 5 знаков. Однако, учитывая плохую сохранность сосуда, а также то, что два знака в надписи повреждены, сказать что-либо определенное по поводу их чтения не представляется возможным. Я. Харматта предлагал следующее чтение этой надписи: $\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow\uparrow$ (${}^0s^2l^0m^1q^2t^1ni$) (Таблица I.2). По мнению исследователя, окончательное прочтение первого знака не представляется возможным в связи с тем, что от него сохранилась лишь небольшая изогнутая часть. От второго знака сохранилась только верхняя часть и его можно прочесть, как 0m . Третий знак виден отчетливо, однако, он может быть древнетюркским руническим знаком *q*, написанным повернутым в противоположную сторону. Согласно исследователю, самым вероятным чтением этой надписи является: *Isim Qani* (женское имя) (Harmatta, 1988. S. 40-41). На наш взгляд более логично читать эту фразу, как *ešim qani* “где же мой друг / приятель (...)”. Исходя из этого, надпись на данном сосуде можно причислить к надписям, имеющим поминальный характер, т.е. эпитафиям. Тем более известно, что значительную часть памятников древнетюркского рунического письма представляют надписи подобного рода. Однако почти стершийся первый знак можно реконструировать не только, как *Y* (\S), но и в форме *l* (l^2) или *C* ($i\check{c}$). Второй знак может сопоставить кроме графемы *m* (*m*) также со знаком *D* (d^1). Третью графему более логично считать не знаком *q* (*q*), написанным повернутым в другую сторону, а знаком *t* (t^2). Таким образом, мы считаем целесообразным читать этот знак ${}^e t$ и отождествляем это слово с древнетюркским глаголом *et-* “совершать, создавать, делать; строить” (Древнетюркский словарь, 1969. С. 186) или “упорядочивать, приводить в порядок, устраивать” (Tekin, 2003. S. 244-245). Последние два знака на поверхности сосуда явно являются древнетюркскими руническими знаками, первый из кото-

рых мы читаем, как N (n^1), а второй, как i I (i, i). В данном случае последние знаки, объединяя в одно слово, можно прочесть, как $^a ni$ и связывать данное слово с древнетюркским местоимением 3 лица в винительном падеже - ani «его» (Erdal, 2004. P. 199). Следовательно, последние два слова Шурабашатской надписи можно прочесть, как древнетюркское изречение $et ani$ – “сделай / сотвори его ...”. Если реконструировать два первых полустертых знака надписи в форме mY и читать их, как $^a s^i m$, то присоединяя к нему последующие два слова $^e t ^a ni$, мы получаем фразу $^a s^i m ^e t ^a ni$, которую можно интерпретировать как благопожелание на древнетюркском языке “пища моя сделай / сотвори его ...”. Как известно, у древних тюрков также имела традиция писать благопожелания на различной домашней утвари: кувшинах, чашах и других подобных им сосудах. Таким образом, фразу на этом керамическом сосуде можно считать одним из примеров таких надписей благопожеланий.

Другой находкой древнетюркского рунического письма является надпись на ручке кувшина, найденного в результате раскопок на городище Ломбитепе, расположенного в Мархаматском районе Андижанской области. Данная надпись нанесена на ручку кувшина снизу вверх и состоит из 7 знаков, которые сохранились очень хорошо и видны отчетливо (Таблица I.3a-b). Тюрколог К. Садыков, приводя прорисовку этой надписи в форме , читает ее, как $(\ddot{a})ki am(i)n k(\ddot{a})\check{c}$ и переводит данную фразу следующим образом: “проживи две жизни (проживи долгую жизнь); проживи жизнь двух людей”, “да будет покой на том в свете” (Sadikov, 2001. S. 298-299).

В отличии от К. Садыкова, Н. Рахманов и Б. Матбабаев читают данную надпись в форме $eki at as kisan$ и переводят следующим образом: «Двум лошадям длинная верёвка». По мнению исследователей, данная фраза является мудрым изречением, призывающим людей не спешить при выполнении работы, к мудрому принятию решений, обдуманым действиям (Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 39). Однако искать в столь малой надписи какую-либо пословицу или мудрое изречение, на наш взгляд, логически не представляется возможным. Как известно, большинство надписей, занявших место на поверхности различных сосудов, связаны с функциями, которые они выполняли. Иногда мы можем наблюдать нанесение на подобные сосуды благопожелания мастера или лица заказавшего изделие. Таким образом, мы считаем, что чтение этой надписи, предложенное К. Садыковым более приемлемо, как в палеографическом, так и в смысловом отношении.

Определенное количество фрагментов керамики с древнетюркскими руническими надписями были найдены в результате археологических работ на городище Кува (Ферганская область) и впервые были представлены научной общественности в 1964 году В.А. Булатовой (Таблица I. 4). Одна из таких находок представлена надписью на поверхности кувшина, состоящей из 12 знаков. Одним из первых данную надпись попытался прочесть Э. Тенишев, но при этом, не предложив чего-либо удовлетворительного по поводу ее чтения (Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 33). Надо отметить, что фрагмент керамики с надписью поврежден, первый и последний знак которой не сохранились. Н. Рахманов и Б. Матбабаев, приводят прорисовку этой надписи следующим образом: и читают ее, как $kaN:iNRFkaNv\dots(türük bod)una kök arani ana k(\ddot{a}lti)$ – “(Тюркскому народу) пришла божественная мать Араны» (Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 33-34). По мнению исследователей, слово $Arani$ в этой надписи может быть личным именем, принадлежащим одной из божественных существ пантеона древних тюрков. Однако, нам не известно наличие подоб-

ного личного имени или названия какого-либо божества, как у древних тюрков, так и у современных тюркских народов. Учитывая этот факт, а также другие особенности надписи, согласиться с подобным ее прочтением не представляется возможным. Три знака данной надписи, которые заняли место перед знаком словоразделителя (:), присущего древнетюркскому руническому письму, т.е. графемы, идущие после слова $k^{\circ}k^2$, можно разделить на два слова, как r^1 и n^1I . В таком случае, вышеупомянутые два знака будет логично читать, как ani “его”, т.е. мы здесь имеем место с формой винительного падежа древнетюркского местоимения третьего лица. В целом вопрос об окончательном прочтении данной надписи остается открытым.

Древнетюркские рунические надписи, найденные в последующие годы на городище Кува, имеют хорошую сохранность и более читабельны, чем предшествующие находки. В 1996 году во время археологических работ на городище Кува археолог Г.П. Иванов обнаружил фрагмент кувшина с надписью, состоящей из пяти рунических знаков: (Таблица I.5). Вышеупомянутый исследователь предложил читать эту надпись, как $^a\eta a \ ^a\check{s} \ ^a\check{l}^i\eta$, переводя ее следующим образом: “берите в него еду (пищу)”. В отличие от него Н. Рахманов и Б. Матбабаев предлагают читать эту надпись, как $ai\eta \ a\check{s} \ alii\eta$ – “берите пищу для птицы (или домашнего животного)” (Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 16-17). На наш взгляд, чтение Г.П. Иванова более близко к истине. В качестве альтернативы можно привести следующее чтение этой надписи, как $^a\eta a \ ^a\check{s} \ ^a\check{l}^i\eta$ – «поедим пищу в нем (т.е. в этом сосуде)», и эта фраза, скорее всего, является древнетюркским благопожеланием (Kubatin, 2011. S. 463).

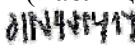
Среди находок древнетюркских рунических надписей, найденных в последние годы на городище Кува, следует отметить надпись на обломке керамического кувшина, состоящую из 10 рунических знаков (Таблица I.6). Н. Рахманов и Б. Матбабаев, приводя прорисовку надписи в форме , читают ее, как $a\check{s} \ apari \ arali \ as$ «остров Апары у Ача большой». По мнению исследователей, первый знак надписи, читаемый ими, как $A\check{c}$, является названием местности, а следующие знаки pr^1I они читают как $Apari$, считая, что это слово, возможно, является названием острова на реке Сырдарья. В подтверждение этого они приводят тот факт, что следующие за ним три знака r^1I^1I читаются, как $arali$ и это слово связывается ими с древнетюркским термином $aral$ «остров» (Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 18-19). Вышеупомянутые исследователи из двух знаков следующих за этими словами, первый читают, как as «большой», а второй считают магическим знаком или тамгой. Таким образом, они интерпретируют всю фразу в качестве магического выражения (Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 18-19). Однако анализ этой надписи в палеографическом отношении показывает несостоятельность подобного чтения. В частности, первый знак надписи (C), представленный во многих памятниках древнетюркского рунического письма, читается, как $i\check{s}$, в тоже время для написания слова $a\check{s}$ в них использовался другой знак с (\check{c}). Таким образом, этот знак вместе со следующим знаком, служащим для обозначения согласного p (п), можно прочесть, как $i\check{c}p$ «выпив, испив». Подобное чтение и интерпретация вполне логичны, учитывая, что эта надпись нанесена на сосуд. При этом следует отметить, что в известных нам на сегодня письменных источниках нет упоминаний острова под названием $Apari$. Кроме того, читать последний знак в форме as «большой», как это делают Н. Рахманов и Б. Матбабаев, также спорно, так как, данное слово в подобном значении не известно для древних и современных тюркских языков и диалектов.

Таблица 1. Древнетюркские надписи, найденные на территории Узбекистана

Среди находок древнетюркской рунической письменности Ферганы следует отметить керамические изделия, на которые нанесены краткие надписи. Данные находки хотя и были опубликованы Н. Рахмановым и Б. Матбабаевым, однако каких-либо мнений относительно их чтения и интерпретации высказано не было (Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 24). Одна из таких надписей представлена двумя знаками, нанесенными на тулово кувшина (таблица I.7a-b), которое мы читаем как древнетюркское $xR r'g' - a'r'y$ “чистый, незапятнанный; непорочный; истинный, праведный, святой”. Исходя из этого можно предполагать, что эта надпись является указанием на чистоту продукта, хранящегося в кувшине.

Вторая надпись, занявшая место на поверхности керамической чаши, найденной в Куве, состоит из 3 знаков (таблица I.8a-b). Следует отметить, что Н. Рахманов и Б.

Матбабаев, которые первыми опубликовали эту находку, к сожалению привели прорисовку этих знаков в зеркальном отражении (Рахмонов, Матбобоев, 2006. Б. 24, 5-расм). В действительности эта надпись выглядит следующим образом $\Lambda \downarrow \uparrow$ и ее можно прочесть, как $al'ič$ “бери, пей” (Г. Бабаяров) или $al'iy$ “бери(те)” (А. Кубатин) (Kubatin, 2011. S. 465). Однако, с точки зрения палеографии второе чтение более приемлемое.

Керамические изделия или их фрагменты, на которых заняли место древнетюркские рунические надписи, кроме Ферганской долины были найдены также в Ташкентской и Кашкадарьинской областях. Одной из таких находок является надпись на поверхности кувшина, найденного в селении Чашмимиран Дехканабадского района Кашкадарьинской области, которая состоит из 3 знаков (Таблица I.9). Данная надпись, состоящая из следующих знаков $\uparrow \downarrow \uparrow$, была прочтена К. Садыковым, как древнетюркское *siyar* – “половина”, что, по его мнению, должно быть было связано с функцией данного сосуда. Как считает исследователь, этот сосуд, возможно, предназначался для измерения жидкостей и составлял половину определенной меры, на что указывает надпись на его поверхности (Sadikov, 2001. S. 303). Однако согласиться с подобной трактовкой очень трудно. Так как знаки, занявшие место на кувшине напоминает следующие графемы: первый - мягкий $s/\š$, второй - $ič$ (W) и последний знак - r^1 или n^2 . Пока же мы предварительно предлагаем читать данную надпись, как $s^a\eta^i r$ и отождествляем его с древнетюркским словом *sayir* “сосуд для приготовления напитков” (Древнетюркский словарь, 1969. С. 480), объясняя это чередованием звуков “ $\eta \sim \gamma$ ”, характерным для древнетюркского языка (Ölmez, 2010. S. 214-217).

Некоторые древнетюркские рунические надписи происходят из Ташкентского оазиса (городище Канка, Бекабад, Келес). Среди них для нас интерес представляет надпись на обломке керамики, найденного на городище Канка (Аккурганский район) – руинах средневекового Харашкета, являвшегося одним из важных административных центров Западного-Тюркского каганата. Надпись состоит 3 знаков, напоминающих графемы VAV, которую С.Г. Кляшторный прочел, как $\check{s}ač$ – Чач (доисламское название Ташкентского оазиса) (Буряков, 2002. С. 11).

Наскальные надписи. На сегодня на территории Узбекистана известна только одна древнетюркская руническая надпись, нанесенная на скальную поверхность. В 1976 году А.В. Оськиным на южном склоне гор Кульджуктау, находящихся на северо-западе от Бухары, недалеко от колодца Тузбулак рядом с наскальными изображениями была обнаружена древнетюркская руническая надпись (Оськин, 1978. С. 166-173). Находка представлена сценой, изображающих двух воинов всадников с копьями, сидящих на лошадях, напротив которых имеется изображение воина с копьем, восседающего на двугорбом верблюде, под которой имеется надпись, состоящая из 10 знаков (Таблица I.10). С.Г. Кляшторный на основании следующей прорисовки этой надписи $\uparrow \downarrow \uparrow \downarrow \uparrow \downarrow \uparrow \downarrow \uparrow \downarrow$ прочел ее, как *ayiq utaci ig sešil* – “Восторжествуй над злом! Болезнь сгинь!” (Кляшторный, 1978. С. 173). Однако, на наш взгляд, подобное чтение и интерпретация данной надписи сомнительна, так как, читать ее подобным образом не позволяет палеографическая форма знаков. Оставив открытым вопрос по поводу прочтения первых четырех графем, последующие 6 знаков, стоящие после словоразделителя (:), мы предлагаем читать, как *oz içig öl* ($Wz Ič^i g^2 \check{W}l^2$) – “спасайся, сдавайся (или) умри!”. Таким образом, эта фраза является пояснительной надписью к изображению, соответствуя его сюжету, и представляет

собой изречения, возможно, угрозы, адресованные друг другу оппонентами, изображенными на наскальном изображении.

III. *Нумизматический материал.* В результате археологических работ, проводившихся в Ферганской долине на городище Кува (средневековая Куба) в 2002 и 2004 гг., в слоях, относящихся к раннему средневековью, были найдены две бронзовые монеты. Обе монеты идентичны друг другу по технике изготовления, размеру, весу и иконографии. Монеты имеют вес около 2 гр., а их диаметр составляет около 20 мм. На аверсе данных монет имеется погрудное изображение правителя в три четверти вправо, с округлым лицом, миндалевидными глазами, тонкими усами и спадающими до плеч длинными волосами. На реверсе же заняла место тамга в форме в окружении согдийской легенды (таблица I. 11-12). Заслуживает внимания тот факт, что справа и слева от изображения правителя имеются надписи, выполненные древнетюркским руническим письмом. На одном из экземпляров монет этого типа, найденном в 2002 году, древнетюркская руническая надпись, занявшая место слева от изображения правителя, сохранилась лучше, чем надпись справа, которая значительно стерлась. На втором же экземпляре, найденном в 2004 году, наоборот надпись, имеющаяся справа от изображения правителя, имеет более лучшую сохранность, чем надпись занявшая место слева от него. Подобное характерно и для согдийской легенды, занявшей место на реверсе данных монет.

Монеты этого типа нашли свое отражение в публикациях Г. Бабаярова, который приводит прорисовку древнетюркской надписи, занявшей слева от изображения правителя, в форме и предлагает читать ее, как Nxq ($q^a \gamma^a n^1$) - “каган” (?) (Бабаяров, 2004. С. 31-32; Babayarov, 2007. S. 151). На обоих экземплярах монет первый знак в данном слове сохранился плохо (...), но учитывая, что на первой монете он сохранился лучше, его более приемлемо читать, как q (k^1/q). Второй знак, занявший место посередине, кажется слившимся со следующим, и больше напоминает вариант древнетюркского рунического знака x (g^1/γ), который проявляет сходство с графемой x (g^1/γ) из древнетюркских надписей Таласа (Кыргызстан) (Alimov, Tabaldiyev, 2005. S. 118, 122). Последний знак напоминает своей формой один из вариантов графемы N (n^1). По этой причине надпись, расположенная слева от правителя, следует предварительно читать, как *qayun* “каган”. При этом, следует отметить, что подобное чтение не является окончательным (Babayarov, 2008. S. 135-146), т.к. для уточнения требуется новый нумизматический материал.

Древнетюркские рунические надписи, расположенные справа от правителя, имеют более лучшую сохранность: 1) ; 2)). Первый знак надписи напоминает рунический знак g (g^2), написанный развернутым в противоположную сторону или же знак k (k^2), но не другие знаки и по этому поводу не может быть никаких сомнений. Расположенный в середине слова второй знак схож с древнетюркскими рунами N (n^1) или U (u, o). Последний знак по своей форме напоминает буквы m (m) или F (ñ) древнетюркского алфавита. Таким образом, данное слово можно прочесть, как *mNg* ($g^2 n^1 m$) либо, как *FUk* ($k^2 uñ$), но при этом его смысловая интерпретация на сегодня остается не решенной.

Согдийская легенда на первом экземпляре монет данного типа из Кувы, которая расположена вокруг тамги в форме против часовой стрелки, в 2004 году была прочтена согдологом М. Исхаковым, как $\gamma'n'pn'$ – “защитник, страж очага/семьи” (Бабаяров, 2004. С. 31-32). Однако, ее палеографические особенности, а также легенда, занявшая место на втором экземпляре, найденном позже, свидетельст-

вуют о дискуссионности чтения, предложенного этим исследователем. Согдийская легенда, на первом экземпляре была реконструирована и прочтена Г. Бабаяровым, как ... [x'y'(n/c) (?) pny – “Деньга ... кагана (?)” (Babayar, 2007. S. 151), а легенду на втором экземпляре мы совместно с вышеупомянутым исследователем читаем, как... [cp]yw x'y'n?] – “... Джабгу каган?”. Таким образом, согдийскую легенду на данных монетах можно предварительно под знаком вопроса читать, как ... *срүү x'y'n pny?* – “Деньга ... Джабгу-кагана (?)”. Для внесения ясности в это чтение и для его подтверждения требуются новые находки монет данного типа.

Читать легенду на монетах подобным образом, а также считать, что чекан данных монет непосредственно или косвенно связан с Западно-Тюркским каганатом, позволяют также следующие факты. В частности на реверсе нескольких типов монет из Чача/Ташкентского оазиса, чекан которых непосредственно связан Западно-Тюркским каганатом, заняла место тамга в форме , схожая с тамгой на монетах Ферганы, которую окружает согдийская легенда ... *pny žpүү* – “деньга ... джабгу”. Кроме того, изображения на монетах двух регионов проявляют сходство и в иконографии. Таким образом, сходство между тамгами (Чач - Фергана) и в иконографии, имеющее место между монетами двух регионов, говорит о том, что данные монеты Ферганы чеканились либо от имени правителей Западного-Тюркского каганата – Ябгу или представителями одной из ветвей династии Ашина, правивших в раннем средневековье в Ферганской долине.

Остановившись на вопросе о времени чекана и принадлежности данных монет, мы можем сказать, что они являются монетами Западно-Тюркского каганата, чеканенными в конце VI – начале VII в. В пользу такой датировки говорит и тот факт, что данные монеты были обнаружены в результате археологических раскопок на городище Кува, которая в эпоху раннего средневековья была одним из центров управления Западного каганата в Ферганской долине, в слоях, относящихся к VI-VIII векам. Как отмечалось выше, заслуживает внимания и тот факт, что тамга на этих монетах аналогична с тамгами на монетах с титулом “джабгу”, чеканенных Западно-Тюркским каганатом в Чаче (Ташкентский оазис). Чекан монет с данным титулом относится к первому этапу становления этого каганата – *Ябгуйство* (*Ябгулук*), то есть к последней четверти VI – началу VII в. Кроме того согдийская легенда на реверсе этих монет выполнена полукурсивным письмом, характерным для вышеупомянутого периода, что еще раз подтверждает принадлежность этих монет к этому времени. На наш взгляд данные монеты с легендами, выполненным древнетюркским руническим и согдийским письмом, являются первыми монетами, чеканенными западными тюрками в Фергане.

Таким образом, нумизматический материал позволяет говорить о том, что древнетюркская руническая письменность впервые стала применяться не в первой четверти VIII в. в Орхоно-Енисейском регионе как считают большинство исследователей, а как минимум за 100-150 лет до этого в Средней Азии.

Рассмотренные выше памятники древнетюркского рунического письма, найденные на территории Узбекистана, говорят о том, что данная территория являлась одним из важных ареалов формирования и распространения этого вида письменности. Данные находки говорят о том, что несмотря на многовековую письменную традицию, существовавшую в данном регионе и представленную в основном согдийской, хорезмийской и отчасти бактрийской письменностью, древнетюркская руническая письменность занимала присущее себе место в письменной культуре региона.

Использованная литература:

- Бабаяров Г.** Тюркские титулы на монетах Чача VII-VIII вв. // *Humboldt Kolleg II. II. International Conference "Historical Role of Alexander von Humboldt and his Expeditions in the Development of World, regional and National Sciences"*, October 14-16, Almaty, 2004.
- Бернштам А.Н.** Древнетюркский документ из Согда // Эпиграфика Востока. V. М., 1951.
- Буряков Ю.Ф.** К истории раннесредневекового Чача // *O'zbekiston tarixi*. Тошкент, 2002, № 3.
- Васильев Д.Д.** Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (Опыт систематизации). М.: Наука, 1983.
- Древнетюркский словарь.** Ленинград: Наука, 1969.
- Заднепровский Ю.А.** Тюркские памятники в Фергане // *Советская археология*. М., 1967, № 1.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы // *Археологические работы в Таджикистане в 1957 году. Труды АН ТаджССР, Душанбе, 1959. Т. III, вып. V.*
- Кляшторный С.Г.** Наскальная руническая надпись в Кызылкумах // *Полевые исследования Института этнографии 1976. Москва, 1978.*
- Маликов А.М.** Тюрки в среднеазиатском междуречье в VI-VIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 2000.
- Оськин А.В.** Новые находки петроглифов в Кызылкумах // *Полевые исследования Института этнографии 1976. Москва, 1978.*
- Раҳмонов Н., Матбобоев Б.** Ўзбекистоннинг кўхна туркий рун ёзувлари. Тошкент, 2006.
- Alimov A., Tabaldiyev K.** A new old Turkic runic inscription on a boulder from Talas // *Journal of Turkish Studies, Feschrift on Honour of Orhan Okay I. Harvard University, 2005, Volume 30/1.*
- Babayar G.** Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu // *The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate. Ankara: TİKA, 2007.*
- Babayar G.** Fergane Bölgesinde Bulunan Türk-Runik Yazılı Köktürk Sikkeleri Üzerine // *Dünden Bugüne İpek Yolu: Beklentiler ve Gerçekler. İstanbul, 2008.*
- Erdal M.** *A Grammar of Old Turkic. Leiden-Boston: Brill, 2004.*
- Harmatta J.** *Avarların Dili Sorununa Dair. Doğu Avrupa'da Türk Oyma Yazılı Kitabeler. Çev. H. Akın. Ankara: TTK, 1988.*
- Kubatin A.** Özbekistan'da Bulunan Bazı Eski Türk Yazıları Üzerine // *Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720-2010) – From Ötüken to Istanbul, 1290 Years of Turkish (720-2010). 3-5 Aralık, İstanbul / 3th – 5th December, İstanbul. İstanbul, 2011.*
- Sadikov K.** Özbekistan'da Bulunan Göktürk Harfli Yeni Metinler // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten, 2000. Ankara: TTK, 2001.*
- Şirin-User H.** Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya: Kömen, 2009.
- Tekin T.** *Orhon Türkçesi Grameri. İstanbul, 2003.*
- Ölmez M.** Eski Türk Yazıtlarının Yeni Bir yayımı nasıl olmalıdır // *I. Uluslararası Uzak Asya'dan Ön Asya'ya Eski Türkçe Bilgi Şöleni, 18-20 Kasım 2009, Afyonkarahisar. Afyonkarahisar, 2010.*

ФАН ТАРИХИ

ИСТОРИЯ НАУКИ

HISTORY OF SCIENCES

УДК: 9 (575.1)

САМАРҚАНД МУЗЕЙИ КОЛЛЕКЦИЯСИНИНГ ШАКЛЛАНИШ
ТАРИХИДАН

© 2017. М.А. Юнусов

Самарқанд Давлат музей-қўриқхонаси

Таянч сўзлар: Афросиёб, илк коллекциялар, маҳаллий коллекционерлар, илмий жамиятлар, вилоят статистика комитети, Самарқанд музейи

В данной статье рассматривается состояние музейной работы в Самарканде во второй половине XIX века, предоставлены сведения о прежних коллекционерах, создании музейной коллекции и впоследствии Самаркандского музея

FROM THE DEVELOPING HISTORY OF THE COLLECTION OF SAMARKAND MUSEUM

M.A. Yunusov

The article includes information about the work of museum in Samarkand at the second part of 19th century, first collectors, the foundation of Samarkand museum and formation of museum collection.

Самарқанд музейи ўзининг бетакрор экспонатлари, юксак илмий салоҳияти билан Марказий Осиёдаги етакчи маданий-маърифий, илмий муасасаларидан бири ҳисобланади. Музейнинг ташкил этилиши унинг коллекциясининг шаклланиши ва бойиб бориши билан бевосита боғлиқ бўлиб, ушбу ҳаракат ўз даврининг маърифатли шахслари томонидан амалга оширилган. Хусусан, бу борада М.Н. Ростисловов, Л.С. Барщевский, савдогар Решетников, Мирзо Абдулла Бухорий, Мирзо Абду Раҳмон, М.Н. Вирский, В.Л. Вяткин, И.Т. Пославскийлар катта рол ўйнадилар. Айниқса Мирзо Абдулла Бухорий ва Мирзо Абду Раҳмонларнинг ўз коллекцияларидан Самарқанд музейи фойдасига воз кечишлари уларни ватанпарвар фидойи инсон сифатида тарихга муҳради.

Музей коллекциясининг шаклланишининг бошланиши 1874 йилда Афросиёб шаҳар харобаларида Борзенковнинг археологик қазиш ишлари ва бу ҳақдаги Зарафшон округи губернатори канцеляриясида алоҳида топшириқлар бўйича амалдор вазифасида ишлаган М.Н. Ростиславовнинг мақоласи билан боғлиқдир. Чунки айнан Борзенковнинг археологик қазиш ишлари натижасида йиғилган ашёлар М.Н. Ростиславов раҳбарлигида Зарафшон округи губернатори канцеляриясида тўпланади. Ҳатто қадимий ашёлар ва тангаларни сақлаш учун витриналар, столлар сотиб олинади. Коллекцияга қўшимча равишда М.Н. Ростиславовнинг илтимосига кўра қадимги қўлёмалар ва тангалар Зарафшон округи губернаторлиги томонидан сотиб олинади. “Округ бошлиғи генерал-майор А.К. Абрамовнинг ёзишмаларига қараганда 1874 йил 2 июл ва 9 сентябрда қўлёмалар ва ноёб китобларни сотиб олиш учун дастлаб 126 рубл, кейин 52 рубл ажратилган” (Упфал, Забродин, 1971. С. 403).

Ҳатто, 1875 йилда қадимги қўлёмалар ва тангаларни йиғиш учун Бухоро шаҳрига самарқандлик Қори Саид Умаров махсус юборилишини Самарқанд коллекциясини бойитиш мақсадида ўтказган экспедиция сифатида баҳолаш мумкин.

Архив манбаларига кўра, 1875 йил ўрталаридаёқ қабр тошлари, қадимги ёзувлар ва бошқа уй-рўзғор буюмлар, 700 дона атрофида мис, кумуш, олтин тангалар ва тахминан 30 та кўлёмзадан иборат ашёлар бўлган (Упфал, Забродин, №2021. С. 94). Коллекциянинг 1876 йилда Петербургда ўтказилган шарқшуносларнинг халқаро съезди кўргазмасида, 1879 йилда Москвада ўтказилган антропологик кўргазмада иштироки ҳам унинг нақадар бой ва хилма-хил бўлганлигини кўрсатади.

1883-1884 йилларда коллекциянинг катта қисми Тошкент музейига берилади. 1887 йилда Самарқанд губернатори канцеляриясида сақланаётган коллекциянинг қолган қисми Самарқанд Вилоят статистика Кумитасига ўтказилади.

Айнан ана шу вақтдан бошлаб коллекциянинг кейинги ривожига бевосита кумитанинг раиси М. Вирскийнинг саъйи ҳаракатлари билан бевосита боғлиқдир. Жумладан, коллеция учун алоҳида бино ажратилиб, ашёлар тўғрисидаги маълумотлар “Самарқанд вилояти маълумотномаси”да чоп этиб борилади. Шу билан бир қаторда М. Вирский раҳбарлигида Вилоят статистика кумитасининг Самарқанд ҳудудидаги маданий бойликларни илмий рўйхатга олиш борасидаги ишлари натижасида коллекцияга нафақат сайёҳлар ёки хаваскор тадқиқотчиларнинг, балки машҳур олимларнинг ҳам қизиқиши ортиб борди. Жумладан, 1894 йилда Самарқандда бўлган Н.И. Веселовский Афросиёбдан топилган ва Петербургда жўнатиш учун тайёрлаб қўйилган археологик ашёлар билан танишиб чиқади ва уларни “Петербургга юбормасдан Самарқандда қолдириш ва ташкил этилиши кутилаётган археология музейига топшириш” ни таклиф этади (Упфал, Забродин, №1541. С. 11).

1895 йил 29 декабрда Самарқанд вилояти статистика комитетининг умумий йиғилишида полковник И.Т. Пославскийнинг “худуддаги қадимий ёдгорликларни аниқ ва тизимлаштирилган ҳолда рўйхатга олиш ва таснифлаш” таклифи билан чиқди (Вяткин, №501. С. 1). Кумита раиси И.Т. Пославский томонидан ўртага ташланган таклифни маъқуллаб, Самарқандда Туркистон археология хаваскорлари тўғараги филиалини очишни таклиф қилди. Шу тариқа 15 та аъзодан иборат Туркистон археология хаваскорлари тўғараги Самарқанд бўлими ташкил этилди (Вирский, 1985). Бу эса келгусида Самарқанд музейи коллекцияларининг бойитилишида, худуддаги ёдгорликларни илмий рўйхатга олиш, уларни музейлаштириш ишларида муҳим рол ўйнади.

Музейнинг бевосита шаклланишида Туркистон генерал-губернаторлигига “алоҳида топшириқлар бўйича амалдор” сифатида “ўлкани тарихий-археологик жиҳатдан ўрганиш” учун юборилган Д.И. Эварницкий фаолияти ҳам муҳим бўлиб, у нафақат Туркистон матбуотида, балки халқаро миқёсда Самарқандда музей ташкил этиш чақириғи билан чиқди. 1892-1895 йилларда Самарқандда фаолият олиб борган Д.И. Эварницкий “Самарқандда қадимги давр музейи ташкил этиш масаласига оид” номли мақоласида талабчанлик билан куйиниб ёзади: “Самарқандда музей ташкил этиш-ҳаётий зарурат, лекин бизнинг славянча лоқайдлигимиз ва бепарволигимиз бор экан бу муаммони ҳал этиш амримаҳол... . Бошқарув мана шу ҳақда ўйласин” (Эварницкий, 1893). У ижтимоий-ахлоқий вазифаларни бажарадиган музей комплексини таклиф этади: “... Унда (музейда М.Ю.) илмий, тарихий-ижтимоий характердаги китоблар бурчаги ташкил этилиши халқлар ўртасидаги ўзаро муносабатларни тушуниб олишда, ахлоқий қонунларга мос келмайдиган тушунчаларни англаб олишда бой озуқа вазифасини ўтайди” (Эварницкий, 1893).

Д.И. Эварницкий фақатгина музей иши Самарқанд ёдгорликлари ва хусусий коллекцияларнинг сақлаб қолишда қафолат бўлади, деб ҳисоблайди. Капитан Л.С. Бар-

щевский коллекциясининг аянчли тақдири Д.И. Эварницкий фикрининг исботи бўлди.

Шарқий Бухоро атрофлари ва Афросиёб шаҳарчасидан топган қадимий ашёлар намуналари ҳисобига бойитиб борилган ва таркибида юзлаб сопол бўлаклари, шиша ва бронзадан ишланган буюмлар, безак берилган оссуарий бўлаклари, 500 тача терракоталар ва 10000 дона тангадан иборат (Лунин, 1958. С. 42). Л.С. Барщевский коллекциясини Император археология комиссияси сотиб олишни таклиф этади. Капитаннинг ўзи ҳам бунга хайрихоҳлик билдиради. Бу жараён хатто матбуотда ҳам ўз аксини топади. Хусусан, бу борада “Окраина” газетасида қўйидагича ёзилади: “Бизга археолог Д.И. Эварницкийдан мерос қолган Самарқанд шаҳрида музей ташкил этиш ғояси яқинда рўёбга чиқадигандай, вилоят бошлиғи граф Н.Я. Ростовцев Л.С. Барщевскийнинг Самарқандда мавжуд коллекциясини сотиб олиш таклифи билан чиқди” (“Окраина”. №121. 1893 г.). Лекин Вревскийнинг рад жавоби туфайли 1895 йилда Л.С. Барщевский ўз коллекциясини катта қисмини Леонда истиқомат қилувчи француз офицери Манжинига сотиб юборади (Упфал, Забродин, №1541. С. 11). Коллекциянинг қолган қисми эса “1896 йил январ ойида москвалик савдогар Решетников томонидан сотиб олиниб, Самарқанд шаҳрида музей очилишига тайёргарлик кўраётган Самарқанд вилоят статистика кумитасига тухфа қилинади” (Лунин, 1958. С. 42).

1896 йилга келиб Самарқандда музей ташкил этиш учун барча шарт шароитлар етарли бўлиб, 13-июлда Самарқанд вилояти статистика кумитасининг фавқулудда йиғилишида граф Н.Я. Ростовцев томонидан икки масала муҳокамага қўйилди. Биринчи масала ёдгорликларни муҳофаза қилишга оид чоралар зарурияти... иккинчи масала Самарқанд шаҳрида қадимги давр музейини очиш масаласи эди.

Орадан бир ҳафта вақт ўтиб, 1896 йил 21-июлда Самарқандда қадимги давр музейи очилди. “Туркестанские ведомости” газетасининг доимий муҳбири Ю.О. Якубовский ушбу воқеани узок кутилган буюк байрамдай эълон қилди: “21-июл кеч соат 06-00 да Самарқанддаги черков майдонида (авлиё Георгий черкови - М.Ю.) акация ва теракларнинг қуюқ шохлари остида катта тантана-музейнинг очилиши бўлиб ўтди” (Якубовский, 1896). Самарқанд статистика кумитаси музейи номини олган. Музейнинг ташкил этилиши Марказий Осиёнинг қоқ ўртасида жойлашган Зарафшон водийсида истиқомат қилувчи халқлар маданияти намуналарини асраб қолишда тарихий рол ўйнади (Юсупов, 1948. С.7).

Музейнинг очилиш маросимини Самарқанд вилояти ўша вақтдаги собиқ ҳарбий губернатори граф Н.Я. Ростовцев кириш сўзи билан очиб берди. Шундан сўнг В. Вяткин Хўжа Аҳрор ҳақидаги, инженер Пославский Ўрта Осиё тарихи ҳақидаги маърузаси билан чиқиш қилишди. Сўнгра М.Н. Вирский томонидан тақдим этилган 1500 махсус идишда жойланган “бошқоқли ўсимликлар коллекцияси” томошабинларга тақдим этилди (Сухарев, №549. С. 4).

“Музей очилганда дастлаб, -деб ёзади Юсупов М.С. - капитан Барщевскийнинг маҳаллий коллекционер Хафизнинг авлодларидан олган ва Афросиёбдан топилган қадимий топилмалардан иборат археологик коллекцияси келиб тушди” (Юсупов, 1948. С.8). Музей ўша вақтдаёқ замонавий турдаги экспонатлар-фотосуратлар билан жиҳозланди. Бунинг аҳамиятли томони шундаки, Самарқанднинг барча ёдгорликлари ўзининг даврий ва мавсумий ўзгаришлари билан суратларда муҳрланди: “нафис рамкаларга жойланган 8та картонда капитан Барщевский томонидан олинган 100 дан ортиқ фотосуратлар илинган” (Якубовский, 1896).

Хулоса ўрнида шуни айтиш жоизки, 1874 йилда Самарқандда дастлабки расмий коллекцияга асос солиниши, улар учун инвентарларнинг сотиб олиниши ва алоҳида жой ажратилиши Самарқанд музейининг коллекциясининг шаклланишига замин яратган. 1896 йилга қадар коллекция маҳаллий ва рус зиёлилари, давлат амалдорлари, савдогарлар каби турли хил соҳа вакиллари томонидан бойитиб борилиши, М. Вирский томонидан коллекция учун махсус бинонинг ташкил этилиши, Д.И. Эварницкийнинг айни масалани ўлка микёсида эмас, балки халқаро микёсда кўтариб чиқиши охир оқибат Самарқандда музейнинг ташкил топишига олиб келди.

Адабиётлар рўйхати:

- Вирский М.Н.* Выставка в Самарканде // Справочная книжка Самаркандской области. Вып.3, Самарканд 1895.
- Вяткин В.Л.* Организация археологических работ в Самаркандской области // Научный архив музея. Дело №501.
- Газета* “Окраина”. № 121. 1893.
- Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археология в Туркестане. Ташкент, 1958.
- Сухарев И.А.* Справка Самаркандского музея 1934 год // Научный архив музея. Дело №549.
- Упфал Г.Я., Забродин Е.Б.* История Самаркандского музея // Научный архив музея. Дело №1541.
- Упфал Г.Я., Забродин Е.Б.* К вопросу о дате возникновения Самаркандского музея // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып.7. М., 1971.
- Упфал Г.Я., Забродин Е.Б.* К истории деятельности Самаркандского музея // Научный архив музея. Дело №2021.
- Эварницкий Д.И.* Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент, 1893.
- Юсупов М.С.* 50 лет Самаркандскому музею 1896-1946 гг. Самарканд, 1948.
- Якубовский Ю.О.* Открытие музея при Самаркандском областном статистическом комитете // Газета “Туркестанские ведомости”. № 57. 1896.

УДК: 9 (575.1)

ЎРТА АСРЛАР КЕШ ВОҲАСИДА МАДАНИЙ МУҲИТНИНГ РИВОЖЛАНИШ ТАРИХИ

© 2017. Ш. Умаров

Имом Бухорий халқаро маркази

Калит сўзлар: Кеш, Абд ибн Ҳумайд Кеший, Муҳаммад ибн Абд Кеший, Абдуғаффор Кеший, Шухраф Кеший каби муҳаддислар, Жалолиддин Кеший, Абу Исҳоқ Кеший

В статье рассматриваются данные письменных источников по развитию истории культурной среды средневекового Кеша. Кеш центр науки и образования и мыслителей.

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE CULTURAL ENVIRONMENT OF THE KESH OASIS DURING A MIDDLE AGES ERA

Sh. Umarov

This article Cash on the environment and regional development, cultural and educational history of the historical sources. Cash Center of Science and Education and thinkers who lived in the villages of Cash.

Мовароуннахрнинг ўрта асрлардаги ижтимоий, иқтисодий, маънавий ва маданий муҳити кўплаб тарихчи, археолог, манбашунос ва шарқшунослар томонидан ўрганилган бўлиб, бу даврга оид бир қатор тарихий манбалар таҳлили амалга оширилган. Мовароуннахрнинг тарихий шаҳарларидан саналган Кеш шаҳри ҳам VIII-X асрларда ижтимоий ва маданий муҳити ривожланган марказлардан бири ҳисобланган. Кеш ҳудуд жиҳатидан бошқа катта шаҳарлар каби бўлмасда, катта унинг дунё аҳлини эътиборини жалб қилган хушманзара табиати, ям-яшил боғ-роғлари ҳамда ўлка илм-фан салоҳиятининг асоси бўлган истеъдодли алломалари билан ном қозонган. Тарихдан маълумки, Қашқадарё воҳасининг Насаф, Кеш, Касби, Хузор шаҳарларидан ўрта асрларда ҳам кўплаб муҳаддис, муфассир, калом илми ва бошқа илм соҳаларининг алломалари етишиб чиққан ва улар дунё илм-маърифат хазинасига салмоқли ҳисса қўшганлар. Кеш заминидан Абд ибн Ҳумайд Кеший, Муҳаммад ибн Абд Кеший, Абдуғаффор Кеший, Шухраф Кеший каби муҳаддислар, Жалолиддин Кеший, Абу Исҳоқ Кеший, Шамсиддин Кулол, Али Кушчи каби алломалар, Соҳибқирон Амир Темурдек жаҳонга машҳур саркарда ва давлат арбоблари, Фироқий, Хиромий, Равнақий ва Фақирий сингари шоир ва фозил кишилар етишиб чиққанлар. Бу хусусда юртбошимиз Ислоҳ Каримов шундай таъкидлаган: “*Шу муборак юрт фарзандлари бўлган Абу Муҳаммад Кеший, Шамсиддин Кулол ва Ҳазрати Башир каби азиз авлиёлар, Фироқий ва Хиромий, Равнақий ва Фақирий сингари шоиру алломалар Шаҳрисабз доврўғини дунёга таратганлар*” (Каримов, 2003, 35 б.).

Кеш ва унинг атрофи ям-яшил, чиройли боғдан иборат бўлганлиги учун унга Шаҳрисабз (яшил шаҳар) деб ном берилган. Кеш ҳақиқатдан ўзининг яшил табиати, маъданга бой тоғлари ва чиройли боғлари билан тарихда эътироф этилган (Умаров, 2015. 9-12 б.).

Бу хусусда академик В.В. Бартольд: “Кеш – яшил шаҳар, маданий жиҳатдан ривожланган бўлиб, Самарқанд, Бухоро ва Балх шаҳарларини туташтириб турувчи савдо йўли устида жойлашган ҳудуд бўлган”, деб эътироф этган (Бартольд, 1965. С. 480).

Ўрта асрнинг таниқли муаррихи Шаҳобиддин Абу Абдуллоҳ Ёқут Ҳамавийнинг “Муъжаму-л-булдон” асарида Кеш шаҳри ҳақида қуйидаги маълумотлар келтирилади: “Кисс Самарқанд яқинида жойлашган шаҳар бўлиб, баъзи олимлар ўз китобларида уни

Касс шаклида келтирганлар, лекин ундай номланиши хато фикр эканлиги айтиб ўтилган. Шунингдек, баъзилар ушбу шаҳарни Киш шаклида ҳам ифода этганлар. Мен Амударёдан кечиб ўтиб, Бухоро ва Самарқанд шаҳарларида бўлдим, Самарқанддан кейин Кисс деб аталадиган шаҳарга бордим. Шаҳар атрофи мустаҳкам девор билан ўралган бўлиб, унга хароб ҳолатга келиб қолган дарвоза орқали кирдим. Шаҳар ташқарисида турли мевали боғлар ва дарёлар бор. Шаҳар ичида эса кўпгина баланд иморатлар қад кўтарган. Мен бу шаҳарда тўрт кун тунаб, сўнг яна сафаримни давом эттирдим” (Ҳамавий, 1979. 492 б.).

Кеш атамаси тарихий манбаларда турли хил бўлиб, “каш”, “кеш”, “кес”, “кеж”га ўхшаш номлар билан келган. Кеш номи билан бир қанча шаҳар ва қишлоқлар турли ўлкаларда номланган бўлиб, улар Эрон, Журжон, Мовароуннаҳр диёрларида шаҳарнинг номи ва Исфаҳонда шу ном билан юритиладиган қишлоқ мавжуд бўлганлиги манбаларда келтирилган (Умаров, 2015. 16 б.).

Кеш шаҳрига яна бир муаррих Маҳмуд Қазвиний ўзининг “Асору-л-билод ва ахбару -л-иъбод” асарида: “Кеш- Самарқандга яқин бўлган шаҳар, унда боғу бўстонлар, ҳар хил мевалар мавжуд, шаҳарнинг мевалари Мовароуннаҳрнинг бошқа жойларидан анча олдин пишади. Шаҳарда йил давомида узлуксиз оқиб турадиган сувлар бор, унинг тоғларида доривор ўсимликлар ўсади ва ундан бошқа ўлкаларга ҳам олиб кетилади. Кешда туз бўладиган тошлар, фойдали қазилмалар ҳам мавжуд, шаҳарнинг ўзи ҳам ундаги иморатлар ҳам чиройли, гўзал шаҳардир” деб таъриф берган (Қазвиний, 1993. 227 б.).

Муаррих Макдусийнинг Кешга берган таърифи қуйидагича бўлган: “Кеш–катта шаҳар бўлиб, унда боғлар катта майдонлар мавжуд, ундаги ички ва ташқи майдонлар шаҳарнинг иморатлари билан тутшиб кетган. Шаҳар майдонида бозор ва Жомеъ масжид бор, улар анча хароба ҳолатга келиб қолган. Уйларининг қурилиши Бухорога ўхшаб лой ва гиштлардан бино қилинган. Ерлари ниҳоятда ҳосилдор, мевалари барвақт пишиб етилади. Шаҳарнинг ички томонида тўрт дарвоза эшиклари, Темир дарвоза, Абдуллоҳ дарвозаси, Кассоблар дарвозаси ва шаҳарнинг ички дарвозалари мавжуд. Шаҳарнинг ташқарисида ҳам икки мустаҳкам дарвоза бор. Кешда шаҳарнинг ички дарвозаси томонда икки кичик дарё бор, ундан қишин-ёзин сув тўхтамасдан оқиб туради” (Башшорий, 1996. 104 б.). Мазкур таърифлардан ҳам аниқ бўладиги, ўз даврида Кешнинг мафтункор табиати ва унинг тарихи кўплаб тарихчиларнинг диққат эътиборида бўлган.

Мовароуннаҳрга ислом динининг кириб келиши VIII аср бошларига тўғри келиши билан бирга айнан шу даврдан бошлаб халқ ичидан етук муҳаддис, муфассир ва алломалар етишиб чиққан.

Ислом динининг қонун-қоидалари, эътиқодининг аниқ ва мусалффолиги, бағрикенглиги каби кўпгина ижобий фазилатлари тез орада барчага маъқул келиб, маҳаллий аҳоли ўртасида оммалашиб кетади. Шу тарзда, “Қадимий ва бой маданиятга эга бўлган Ўрта Осиё араб халифалиги таркибига киритилгандан сўнг унинг ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаётида фаол роль ўйнай бошлади” (Абдуҳалимов, 2004. 10 б.).

Ўрта асрларда бутун Мовароуннаҳрда содир бўлгани каби Қашқадарё воҳасида ҳам илм-фан тараққиёти борасида катта ютуқларга эришилди. Бу юртдан етишиб чиққан муҳаддис, муфассир, фақиҳ, мутакаллим ва бошқа илм соҳаларининг етук алломалари бутун жаҳон маданий ҳаётига улкан ҳисса қўшдилар. Ёқут Ҳамавий ва Самъоний асарларида Марказий Осиёдаги 900 дан ортиқ манзиллар зикр қилинган бўлса, улардан 85 таси Қашқадарё ҳудудидаги шаҳар ва қишлоқлар бўлиб, уларнинг 75 таси Насафдаги ва 10 таси Кешдаги тарихий манзиллардир (Қамолиддинов, 1993. 19 б.).

Кешнинг тарихий қишлоқларидан ҳам кўплаб улуғ алломалар етишиб чиққанлиги боис Ғазниён, Зазоқ, Марғибон, Мудува, Ниёза, Хушминжакас, Хушунанжакас, Шурабон, Шикан, Умар қасри, Навқот каби қишлоқлар номи тарихда қолган. (Равшанов, 2011. 171 б.).

VIII асрнинг охири – IX асрда Хуросон ва Мовароуннаҳрда содир бўлган сиёсий жараёнлар ҳамда у билан боғлиқ ижтимоий-иқтисодий соҳадаги ўзгаришлар Кеш

воҳаси аҳолисининг маданий ҳаётига ҳам сезиларли таъсир кўрсатган. Маданий ҳаётдаги бундай ижобий ўзгаришлар. Мовароуннаҳрда ижтимоий, илмий муҳитнинг тез суратлар билан тараққий этишида муҳим аҳамият касб этди. Натижада, Самарқанд, Бухоро, Кеш, Насаф, Шош шаҳарлари илм-фан ва маданият тараққий этган марказларга айланди. Бу даврда Марв, Бухоро ва Самарқанд шаҳарлари нафақат Мовароуннаҳр, балки ўрта аср Шарқининг энг йирик маданият марказлари сифатида эътироф этилган. Мана шундай йирик марказлар таъсири боис Кеш шаҳри ҳам ўз навбатида илм-фан ривожланган муҳитга айланди. Шарафуддин Али Яздийнинг тарихий асари “Зафарнома”да Кешнинг мафтункор табиати, ўлканинг гўзаллиги тавсифланиб, бу диёрда Кешнинг ифтихори бўлган машҳур муҳаддислардан бири Имом Кеший яшаганлиги, Имом Бухорий, Имом Муслим ва Имом Доримий каби улуғ муҳаддислар ҳам бир муддат яшаб, улар ҳамкорликда фаолият олиб боришгани ва шу даврда дунёнинг кўплаб мамлакатларидан илм ўрганиш учун талабалар Кешга келишгани ва бу ерда катта ҳадис мактабига асос солинганлиги таъкидланган. Муҳаддисларнинг Кешда яшаб, бирга илм-маърифат билан шуғулланган вақтлари 820-826 йиллар орасида бўлиб ўтган. (Умаров, 2015. 40 б.).

Мазкур тўрт машҳур муҳаддиснинг Кешда яшаб, олиб борган фаолиятининг ўзиёқ, бу ерда илм-фан, маданият ниҳоятда ривожланганлиги, ҳадис, тафсир, фикҳ ва бошқа фанлардан мукамал таълим берадиган катта илмий мактаб яратилганлигидан ёрқин далолатдир. Мазкур муҳаддисларнинг буюк хизматлари натижасида, дунё аҳли бу воҳага юксак баҳо бериб, Кешни “Қуббату-л-илми ва-л-адаб” (илм ва адаб гумбази) деб эътироф этишган. Бу таърифнинг айнан шу даврда берилганини “Зафарнома” асари муаллифи алоҳида таъкидлаб ўтади (Яздий, 1972. 345 б.).

Ўрта асрларда Кешда илмий-маънавий муҳит ривожланганлигини воҳадан етишиб чиққан муҳаддис ва алломалар томонидан ёзиб қолдирилган кўплаб қўлёзма асарлардан ҳам билиш мумкин. Воҳанинг муҳаддис алломаларининг қўлёзмаларидан бугунги кунда дунё қўлёзма фондларида 40 га яқин асарлар сақланмоқда, улардан 24 донаси Кешнинг ифтихори саналган муҳаддис Абдулҳамид Кешийнинг асарлари ҳисобланади (Умаров, 2015. 174-184 б.). Самарқанд қозиси бўлган, шайху-л-ислом, буюк фақиҳ Абу Йуср Паздавий ҳам Кешда бўлиб, таълим тарбия билан машғул бўлган. (Муминов, 2002. С. 184).

Абу Бакр Муҳаммад ибн Абдулғани ал-Боғдодий ўзининг “ат-Тақйид ли маърифати руввоти-с-сунани ва-л-асонид” асарида Кешда ҳадис илми ривожланганлиги ва бу диёрдан кўплаб муҳаддис ва ровийлар етишиб чиққанлигини келтириб ўтади (Умаров, 2015. 20 б.).

Абдулҳамид Кеший (786-863) Кешда яшаган улуғ муҳаддис, муфассир, фақиҳ ва тилшунос алломалардан бўлиб, ул зот ал-Имом, ал-Ҳофиз, ал-Хужжат, ал-Жаввол каби машҳур номлар билан таърифланган. Шамсуддин Заҳабийнинг “Сийар аълом ан-нубало” асарида Имом Бухорий, Имом Термизий, Имом Доримий, Имом Муслим ва бошқа кўплаб муҳаддислар Абдулҳамид Кешийдан ҳадис ривоят қилиб, у кишига шогирд бўлганликлари келтирилган. Абдулҳамид Кешийнинг отаси Хумайд ибн Носир, угли Муҳаммад Кеший ва бобоси Носир Кешийлар ҳадис ва фикҳ илми борасида ўз даврининг етук олимларидан саналган ва бу оила муҳаддислар оиласи деб эътироф этилган.

Абдулҳамид Кеший 863 йилда (249 хижрий йил) Кешда вафот этган. Муҳаддиснинг қаламига мансуб “Муснад Абд ибн Хумайд”, “Тафсир Абд ибн Хумайд”, “Сулосиёт Абд ибн Хумайд Каший”, “Китоб алал –хуруф ва ал-муъжам”, “Ат-Тасарруф” ва “Китоб фаъалту ва афаълту” номли асарлари бизнинг давримизгача сақланиб қолган (Умаров, 2013. 20 б.).

Абу Ҳафс Умар ибн Ҳафс ибн Салим Самарқандий Самарқанд қозиси бўлган ва кўплаб муҳаддислардан ҳадис ўрганган ва Абдулҳамид Кеший билан яқин илмий алоқада бўлган. Абу Ҳафс Умар ибн Ҳафс ибн Салим Самарқандий ва икки улуғ муҳаддис Абдулҳамид Кеший ва Абдуллоҳ ибн Абдурахмон ад-Доримий ҳамкорликда

китобларни қўлёзма шаклга келтириб, тасниф этишга ҳомийлик қилганликларини алоҳида таъкидлаб ўтиш лозимдир (Насафий, 2001. 132 б.).

Кешда илм-фан ва ҳадис илми ривожланганлигига қуйидаги маълумотни келтириб ўтиш мумкин бўлади.

Қутайба ибн Саъд: “Агар Термизга борсангизлар, Аҳмад ибн ал-Ҳасаннинг, Кешга борсангизлар, Абд ибн Ҳумайд Кешийнингдан, Самарқандга борсангизлар, Абдуллоҳ ибн Абдурахмоннинг ва агар Шошга борсангизлар, Абдуллоҳ ибн Абу Аробанинг суҳбатини ўзларингизга лозим тутингизлар, яъни улар айтган ҳадисларни маҳкам тутингизлар” дедилар (Бағдодий, 2000. 83 б.).

Мазкур тўрт муҳаддис ҳам етук муҳаддислар силсиласига киритилган бўлиб, улар яшаган Термиз, Кеш, Самарқанд ва Шош шаҳарларида илм-маърифат ривожланганидан ёрқин далолат. Абдуллоҳ ибн Муборак Марвазий (736-797) томонидан Мовароуннаҳр ҳудудига ҳадис илми кириб келган ва биринчи бўлиб, ҳадис китобини таълиф этган шахс ҳам Абдуллоҳ ибн Муборак Марвазий бўлган.

Юқорида келтирилган тарихий маълумотлардан илмий хулоса олинган бўлса, ўрта асрларда Мовароуннаҳрнинг Насаф ва Кеш диёрларида маданий муҳит ривожланиб, ўзига хос ҳадис ва фикр мактабига асос солинган. Бунинг натижасида, диёримиздан кўплаб муҳаддис, муфассир, фақиҳ, олиму мутафаккирлар етишиб чиқиб, дунё илм-фан равнақига катта ҳисса қўшган. Воҳанинг маданий тарихи ва ундан етишиб чиққан алломалар меросини ўрганиш ҳамда кенг тадқиқ этиб бориш жамиятимизнинг тарихий тарққиёти ва ёшларимиз маънавий камолоти йўлида илмий аҳамияти каттадир.

Фойдаланган адабиётлар:

- Каримов И.А.** Биз танлаган йўл — демократик таракқиёт ва маърифий дунё билан ҳамкорлик йўли. Том 11. Тошкент, 2003.
- Абдуҳалимов Б.** «Байт ал-ҳикма» ва Ўрта Осиё олимларининг Бағдоддаги илмий фаолияти. Тошкент, 2004.
- Абу Бакр Муҳаммад ибн Абдулгани ал-Богдодий.** Ат-Тақйид ли маърифати руввоти-сунани ва-л-асонид. (муснад ва сунанлар ровийларининг танишликни қайд этиш китоби). Ж. 1. Байрут, 2000.
- Ал-Қузуний.** Осору-л-Билод ва Ахбору-л-Ибод. Ж.1. Байрут, 2001.
- Бартольд В.В.** Работы по исторической географии. Т.3. М., 1965.
- Ёқут Ҳамавий.** Муъжаму-л-булдон. –Дору-л-фикр, Ж. III. Байрут. 1399/1979.:
- Закарий ибн Муҳаммад ибн Маҳмуд Қазвиний.** Асору-л-билод ва ахбару-л-ибод
- Камолитдинов Ш.** Китаб ал-Ансаб. Тошкент, 1993.
- Мақдисий Башиорий.** Аҳсану-т-такосим фий маърифати-л-ақолим. Ж.1. Байрут, 1996.
- Муминов А.** Роль и место ханафитских ‘улама’ в жизни городов Центрального Мавараннахра (II-VII/VIII-XIII вв.) // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент, 2002.
- Нажмиддин ан-Насафий.** Ал-қанд фий зикри уламои Самарқанд // Самарқанд уламолари хотирасига доир қанд(дек ширин китоб). У. Темирхон ўғли ва Б. Набихон ўғли таржимаси. Тошкент, 2001.
- Носир Муҳаммад.** Насаф ва Кеш алломалари. Тошкент, 2006.
- Равшанов П.** Шаҳрисабз тарихи. Тошкент, 2011.
- Уватов У.** IX аср Мовароуннаҳр ва Хуросон ҳадисшунослиги тарихидан (ал-Бухорий, Муслим, ат-Термизий) // Тарих фанлари доктори илмий даражасини олиш учун диссертация. Тошкент Ислом Университети, 2001.
- Умаров Ш.** Абдулҳамид Кеший ҳаёти ва илмий мероси. Тошкент, 2013.
- Умаров Ш.** Ўрта асрларда яшаган Кешлик алломалар. Самарқанд, 2015.
- Шарафуддин Али Яздий.** Зафарнома. (нашрга тайёрлаш, сўз боши, изоҳ ва кўрсаткичлар А.Ўринбоевники, масъул муҳаррир ф.ф.д. А.К. Арендс). Тошкент, 1972.

ТАНҚИД ВА ТАҚРИЗ

КРИТИКА И
БИБЛИОГРАФИЯ

CRITIQUE AND
BIBLIOGRAPHY

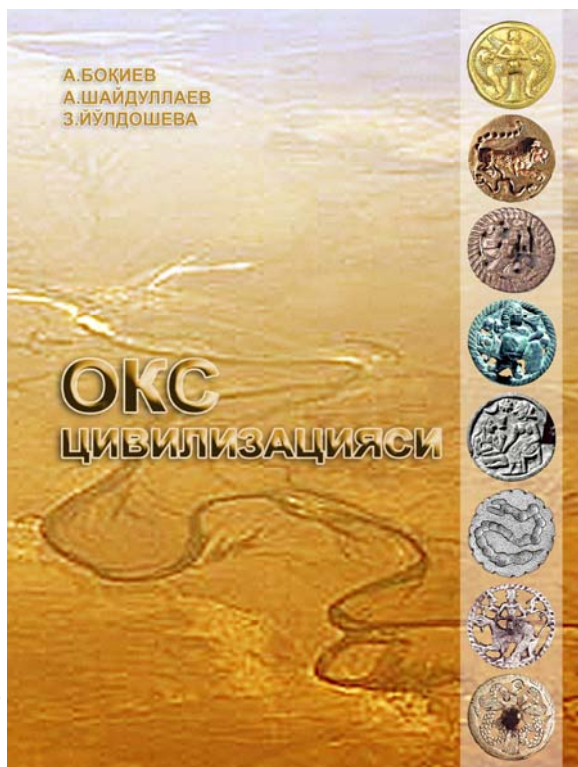
Боқиев А., Шайдуллаев А., Йўлдошева З.
ОКС ЦИВИЛИЗАЦИЯСИ
Тошкент, “Янги нашр”, 2015. 176 бет.

Мустақиллик йилларида Ўзбекистоннинг қадимги давр тарихини ўрганишга бўлган эътибор янада кучайди. Ана шундай тадқиқотлардан бири, Термиз давлат университети ва Ўзбекистон Миллий университети ёш тадқиқотчилари Анвар Боқиев, Алишер Шайдуллаев ва Зубайда Йўлдошевлар муаллифлигида чоп этилган “Окс цивилизацияси” монографиясидир.

Монография кириш, 3 та боб, хулоса қисмларидан иборат бўлиб, унга адабиётлар рўйхати ва шартли белгилар илова қилинган. Муаллифлар кириш қисмида Ўзбекистон тарихини даврлаштиришда цивилизация ёндошувни таклиф этиб, Бактрия ва Марғиёнада бронза даврида шаклланган цивилизацияни “Окс цивилизацияси”, деб аташган. Ўрта Осиёнинг жанубий минтақалари ва Шимолий Афғонистонда XX асрнинг 50-60 йилларидан бошлаб ўтказилган археологик қазималар шуни кўрсатдики, бу ҳудудларда мил. ав. III–II минг йилликларда Қадимги Шарқ цивилизация марказларидан қолишмайдиган маданият ўчоқлари мавжуд бўлган.

Монографиянинг I боби “Ўзбекистон тарихини ўрганишда цивилизация қарашларнинг шаклланиши”, деб номланади. Ушбу бобда Ўзбекистон тарихини даврлаштиришда цивилизация қарашларнинг шаклланиши ҳамда Окс цивилизацияси ҳақида умумий тушунчалар баён қилинган. Шунингдек, мазкур бобда Ўзбекистон тарихини даврлаштиришда дастлабки қалдирғочлар бўлган В.В. Бартольд, С.П. Толстов. В.В. Струвенинг хизматлари, шунингдек формация қарашлар ҳақида фикрлар билдирилган. Сўнгги йилларда академик А.А. Асқаровнинг Ўзбекистон тарихини даврлаштириш масаласидаги тадқиқотларига фикр ва мулоҳазалар билдирилган (Асқаров, 2013).

Монографияда шунингдек, цивилизация хусусиятлари бўйича Г. Чайльд, А. Тойнби, К. Ренфрью қарашлари, А. Асқаров ва А. Сағдуллаев даврлаштиришлари, илк давлатлар типологияси бўйича Э.В. Ртвеладзе, Ш.Б. Шайдуллаев ва бошқа олимларнинг фикрларини келтиришган (19-37 бетлар). Мазкур бобнинг кейинги

параграфи “Окс цивилизацияси ҳақида умумий тушунчалар”, деб номланади (37-55 бетлар). Мазкур қисмда муаллифлар цивилизация турлари (“Ўрмон цивилизацияси”, “пайконлар цивилизацияси”, “шаҳар цивилизацияси”) ҳақида маълумотларни келтириб, Ўрта Осиёда илк цивилизация бронза давридан бошлаб вужудга келиши-ни эътироф этишган. Муаллифлар Окс цивилизацияси аҳолисининг Марказий Осиё халқлари тараққиётига қўшган ҳиссасини, Окс цивилизацияси аҳолиси марказлашган дини ҳақидаги қизиқарли маълумотларни баён этишган. Ҳақиқатдан ҳам, Жарқўтон, Гонур, Тўғолоқ ва Дашли ёдгорликларида монументал ибодатхоналарнинг ўрганилиши орқали шундай хулосалар олинган. Аксарият олимлар ушбу динни илк зардуштийлик характеридаги ёки унинг элементлари мавжуд бўлган дин сифатида баҳолашади.

Монографияда Окс цивилизацияси аҳолисининг илк шаҳар маданиятига асос солиши омиллари, шаҳар-давлатларнинг вужудга келиши, аҳолининг ижтимоий табақаланиши, кулолликдаги, металлсозликдаги ютуқларнинг сабаблари, қонуниятлари баён қилинган (41-46 бетлар). Меъморчиликдаги симметрия, санъатдаги ютуқлар, халқаро ва маданий алоқалар, зоолатрик дунёқарашларнинг мавжудлиги, глиптика соҳаси муаллифлар томонидан муҳокама этилган.

Монографиянинг II боби “Окс цивилизациясининг пайдо бўлиши, етилиши ва ривожланиш жараёнлари”, деб номланиб, мазкур бобда Окс цивилизациясининг пайдо бўлишида миграцияларнинг ўрни, унинг маҳаллий илдизлари ва ижтимоий характери ёритилган. Иккинчи бобнинг биринчи қисми “Окс цивилизациясининг пайдо бўлишида миграцияларнинг ўрни” деб номланган. Мазкур қисмда цивилизацияларнинг шаклланиши ва ривожланиши бўйича файласуф, социолог ва тарихчи олимларнинг (М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер, Ф. Бродел, Ж.М. Гофф, Н.Я. Данилевский, К. Леонтьев, П. Сорокин, Л.Н. Гумилев, И.М. Дьяконов, Ю.В. Яковец) фикрлари келтирилган. Ўрта Осиёнинг бронза даври учун миграцияларнинг муҳим роль ўйнагани ва уларнинг уч тоифадаги хусусиятлари очиқ берилган. Милоддан аввалги III минг йиллик охиридан Ўрта Осиёда ҳар хил маданият соҳибларининг, айниқса индоарийлар миграциясининг кучайиши баён этилган (60 бет). Жанубий Туркменистондаги 8 та, Жанубий Бактриядаги 4 та деҳқончилик воҳалари, Сурхон воҳасидаги ёдгорликлар характерланиб, умумий Окс цивилизациясини ташкил қилиши ҳақидаги фикрлар билдирилган. Бу ўринда Окс цивилизациясига хос бўлган 16 та характерли белгининг Қадимги Шарқ марказлари билан таққосланиши муаллифларнинг катта ютуғи десак муболаға бўлмайди (65-68 бетлар).

II бобнинг иккинчи қисми “Окс цивилизациясининг маҳаллий илдизлари”, деб номланган ва мавзу Жанубий Туркменистондаги Олтинтепа мисолида очиқ берилган. Олтинтепада ривожланган монументал меъморчилик, ҳунармандчилик, тоштарошлик, кулолчилик каби анъаналарга асос солиниши муаллифлар томонидан айнан Окс цивилизациясининг маҳаллий илдизлари сифатида талқин қилинади. Тадқиқотчиларнинг Окс цивилизацияси аҳолисининг энеолит давридаги яратувчанлик, ижодкорлик хусусиятларининг 11 та белгисининг кўрсатиб берилиши айниқса диққатга сазовордир (83-бет).

Муаллифларнинг таъкидлашича Окс цивилизацияси фортификациясидаги лабиринт тизим, сопол буюмлар гардишидаги зооморф терракоталар, миниатюра шаклли база колонналар, муҳрлардаги ўзгаришлар каби инновациялар Қадимги Шарқ халқларининг миграцияси изларини исботловчи муҳим ҳолатлар ҳисобланади.

Монографиянинг II боб учинчи қисми “Окс цивилизациясининг ижтимоий характери”, деб номланади. Тадқиқотчилар томонидан илк цивилизацияга оид бўлган хилма-хил 14 та атама (“илк цивилизация”, “бирламчи цивилизация” ва ҳ.к.) келтириб ўтилади (89-90 бб.). Шунингдек, Окс цивилизацияси худудида шаклланган илк давлатлар учун тадқиқотчилар томонидан “чифдом”, “карликовое”, “воҳа-давлатлар”, “митти давлатлар”, “ном” типдаги “шаҳар-давлат” каби атаmalar ишлатилган. Муаллифлар таҳлилига кўра, Окс цивилизацияси илк давлатларига нисбатан “шаҳар-давлат” атамасининг ишлатилиши илмий асосга эга. Муаллифлар томонидан илмий адабиётларда жамоаларга нисбатан қўлланилаётган 19 та атама жадвал тарқасида келтирилган (100 б.). Окс цивилизацияси жамоасига нисбатан “илк умумлашган жамоа” иборасини қўллаш таклиф этилган. Окс цивилизациясига иждоқорлик хусусияти характерли эканлиги белгиланган.

Монографиянинг III боби “Окс цивилизациясининг ёзув тизими”, деб номланган бўлиб, Окс цивилизациясининг ашёларга асосланган ёзув усуллари, пиктографик белгили ёзувлари ва уларнинг дунё ёзувлари билан таққослаш натижалари келтириб ўтилади.

Тарих ва археология фанидаги янги манбалар, уларнинг ўрганилиши кўплаб илмий кашфиётларга олиб келди. Сўнгги йилларда Окс цивилизацияси худудида пиктографик услубдаги ёзувнинг мавжудлиги ҳақида гипотезалар академик А. Асқаров ва Ш. Шайдуллаев томонидан ўртага ташланди ва илмий асослаб берилди (Асқаров, 2013. 13-38 б.; Асқаров, 2013. С.43-58; Шайдуллаев, 2004. 56-57 б.; Чориев, Шайдуллаев, Аннаев, 2007; Шайдуллаев, 2003. 35-38 б.). Муаллифлар айнан ана шу ғояларни ривожлантириб, Окс цивилизацияси пиктографик (белгили) ёзув тизимини ўрганиб, таҳлил қилишган (121-138 б.). Айтиб ўтиш жоизки, академик А.А. Асқаров тадқиқотлари ҳам Окс цивилизация ёзувлари таҳлилида алоҳида ўрин тутди. А.А. Асқаров томонидан Окс цивилизацияси ёзувлари тўғрисидаги мақола 2013 йилда Германияда нашр этилди ва бу гипотеза жаҳон илм майдонига чиқарилди (Асқаров, 2013. С. 43-58). Мазкур мақолада пиктографик белгилар 34 типга бўлинган 83 белги кўринишида таснифланган (Асқаров, 2013. С.54). Муаллифлар шу мақоладан ҳам фойдаланганларида монографиянинг манбавий асосини янада мустаҳкамлашган бўлар эди.

Муаллифлар томонидан ўрганилган Окс цивилизацияси ашёвий ёзувлари ўзига хос янгилик бўлиб, бу ёзув хусусиятлари антик маълумотлар (Геродот), ўрта аср форс ёзма манбалари ва этнографик маълумотлар асосида ўрганилган. Бобнинг учинчи қисмида Окс пиктографияси дунё ёзувлари билан таққослаш натижалари келтирилган. Эрондаги Шахдод ёдгорлигидаги пиктографик белгилар ва қисман Миср ёзувлари билан солиштирилган

Мутахассислар томонидан сўнгги йилларда Окс цивилизацияси худуди Харали (Шайдуллаев, 2013; Шайдуллаев, Шайдуллаев, 2015), деб аталгани ёки бу худудда Мархаши ёки Барахши подшолиги (Франкфор, 2006. С.193-194; Francfort, Tremblay, 2010. P. 51-224) мавжуд бўлгани ҳақидаги илмий фаразлар ўртага ташланди. Албатта, бу гипотезалар илмий жамоатчилик томонидан тўлиқ қабул қилинмаётган бўлса-да, Окс цивилизациясининг ўрганилиш тарихи сифатида монографияга киритилиши лозим эди.

Франциялик ёш олима Элиз Люно (Elise Luneau) тадқиқотларида Окс цивилизациясини ўрганиш асосий ўрин тутди. 2010 йилда А.П. Франкфорт

раҳбарлигида докторлик ишини тайёрлаган олиманинг тадқиқоти 614 бетни ташкил этади. Мазкур тадқиқотлар француз тилида бўлганлиги учунми, муаллифлар ушбу тадқиқотга ҳам мурожаат этишмаган, ваҳоланки, ундан Окс цивилизацияси инкирози даврини ёритишда асосий маълумотларни олиш мумкин эди (Luneau Elise, 2010., Luneau Elise, 2015a., Luneau Elise, 2015b.)

Монографиянинг хулоса қисмида муаллифлар умумий мазмундан келиб чиқиб, Окс цивилизациясининг маданий тараққиётида эришган ютуқларини баён этишган.

Монографияда Окс цивилизациясига ҳозирги замон фани ютуқлари даражасида таъриф берилган ва у Қадимги Шарқ цивилизациясининг янги ўчоғи сифатида илмий асосланган. Кўрсатилган камчиликлар монографиянинг илмий даражасини пасайтирмайди, биз монография муаллифларига миннатдорчилик билдириб, янги тадқиқотлар кутиб қоламиз.

Монографияга Ўрта Осиё археологиясининг забардаст олими, профессор А.С. Сагдуллаев муҳаррирлик қилган, тарих фанлари докторлари Б. Эшов ва Ў. Мавлоновлар тақризчи сифатида иштирок этишган.

Одилжон Хамидов

Фойдаланилган адабиётлар:

- Аскарлов А.А.* Была ли пиктографическая письменность в культуре Сапалли (находки, гипотезы, предположения) // Согдийский сборник. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.
- Асқаров А.* Сополли маданияти пиктографик ёзув белгиларини ўқишдаги дастлабки изланишлар // Марказий Осиё тарихининг манбашунослиги ва тарихнавислиги масалалари. Республика V илмий-назарий конференцияси материаллари. 5-илмий тўплам. 2-қисм (Тошкент давлат шарқшунослик институти). Тошкент, 2013.
- Франкфор А.-П.* Цивилизация БМАК и местонахождение Мархаши около 2300-1800 гг. до н.э. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции, 14-16 ноября, 2006 года. Мари. 2006.
- Чориев З.У., Шайдуллаев Ш.Б., Аннаев Т.Ж.* Ўзбекистон худудида ёзувнинг пайдо бўлиши ва тараққиёти. Тошкент, 2007.
- Шайдуллаев Ш., Шайдуллаев А.* (Х)арали // Ўзбекистон моддий маданияти тарихи. №39. Самарқанд, 2016.
- Шайдуллаев Ш.Б.* Сополли маданиятининг пиктографик белги-ёзувлари // Ўзбекистонда ижтимоий фикр. Тошкент, 2003. №2.
- Шайдуллаев Ш.Б.* Ўғирдаги битиклар ёхуд ёзувнинг пайдо бўлишига доир муҳим янгилик // Тафаккур. №4, 2004.
- Шайдуллаев Ш.Б.* Харали // “Ўзбекистонда ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаёт: трансформацион жараёнлар”. Республика илмий анжумани. Илмий мақолалар тўплами. Тошкент, 2013.
- Francfort H.-P., Tremblay X.* Marhaši et la civilization de l'Oxus // Iranica Antiqua. Vol. XLV.
- Luneau Elise.* L'âge de Bronze final en Asie central meridionale (1750-1500/1450 avant N.E.) : la fin de la civilisation de l'Oxus. Thèse de doctorat présentée et soutenue publiquement le 27 novembre 2010. 614 pages.
- Luneau Elise.* La fin de la civilisation de l'Oxus : Transformations et recompositions des sociétés de l'âge du bronze final en Asie centrale méridionale (1800-1500/1400 avant n.è.). Paris, De Boccard. 508 pages <http://ifeac.hypotheses.org/2135>.
- Luneau Elise.* A new Assessment of the End of the Oxus Civilization (Southern Central Asia, ca. 1750-1500 / 1400 BCE): Overview of the Transformation of the Society // Broadening Horizons 4. A Conference of young researchers working in the Ancient Near East, Egypt and Central Asia, University of Torino, October 2011. BAR International Series 2698. 2015.

АХБОРОТ

ХРОНИКА

CHRONICLES

**2016 ЙИЛ 15-16 СЕНТЯБРДА ЎЗР ФА Я. ҒУЛОМОВ НОМИДАГИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИДА “ЎЗБЕКИСТОН АРХЕОЛОГИЯСИ
МУСТАҚИЛЛИК ЙИЛЛАРИДА: ЮТУҚЛАР ВА ИСТИҚБОЛЛАР”
МАВЗУСИДА ЎТКАЗИЛГАН ХАЛҚАРО КОНФЕРЕНЦИЯ ХУСУСИДА**

**ABOUT THE INTERNATIONAL CONFERENCE "ARCHEOLOGY OF
UZBEKISTAN IN DAYS OF INDEPENDENCE: ACHIEVEMENTS AND
PROSPECTS", WHICH IS CARRIED IN THE INSTITUTE OF ARCHEOLOGY
NAMED YA. GULYAMOV'S ACADEMY OF SCIENCES OF UZBEKISTAN
ON SEPTEMBER 15-16, 2016.**

Маълумки, кейинги йилларда юртимиз тарихига доир бир қатор илмий ютуқлар қўлга киритилди. Олиб борилган кенг камровли археологик тадқиқотлар натижасида ўлкамизда илк замонавий одамларнинг шаклланиши, қадимги деҳқончилик маданиятининг юзага келиши ва ривожланиши, шаҳар ва давлатчилик масалаларига доир жараёнлар муфассал тадқиқ этилди. Мустақиллик йилларида ташкил этилган ўндан ортиқ халқаро экспедициялар ва маҳаллий археологик экспедициялар томонидан бир қатор муҳим кашфиётлар амалга оширилди.

Шу жиҳатдан Мустақиллик йилларида ўзбек археологиясининг қўлга киритган ютуқларини намоён этиш, қўлга киритилган илмий ютуқларни сарҳисоб қилиш, юртимизнинг қадимий ва ўрта асрлар тарихи билан шуғулланувчи ўзбекистонлик ва хорижий олимлар билан фикр алмашиш, археологик тадқиқотларда замонавий технологияларни қўллаш, археологик иншоотлар ва топилмаларни таъмирлаш, консервация қилиш масалалари бўйича тажриба алмашиш мақсадида 2016 йилнинг 15-16 сентябр кунлари ЎЗР ФА Я. Ғуломов номидаги Археология институтида “Ўзбекистон археологияси Мустақиллик йилларида мавзусида ютуқлар ва истиқболлар халқаро-илмий конференция ўтказилди. Конференция ишида АҚШ, Россия, Франция, Япония, Хитой мамлакатларидан 15 дан ортиқ соҳа мутахассислари, Республикамизнинг тўрли вилоятлари, жумладан, Қорақалпоғистон Республикаси, Тошкент, Самарқанд, Бухоро, Фарғона, Наманган, Андижон, Жиззах, Гулистон шаҳарларида жойлашган ОУЮдан ташриф буюрган археолог ва тарихчилар қатнашди.

Конференциянинг биринчи кунда Мустақиллик йилларида Республикамиз худудидаги мавжуд палеолит даври ёдгорликларини ўрганиш борасидаги кашфиётлар Қўлбулоқ, Оби-Раҳмат каби тош даври ёдгорликлари мисолида очиб берилди (Б. Сайфуллаев, О. Эргашев). Тош даври, ибтидоий жамият тарихи археологияси бўйича қилинган муаммоли маърузаларда қуйидаги илмий янгилик ва кашфиётлар эътироф этилди. Хусусан, Фарғона водийсидан: Чодак, Мунчактепа-2, Сух, Жонобод, Қўтирбулоқ; Тошкент воҳасидан: Жарсой 1 ва 2, Тошсой, Оҳангарон, Каттасой, Тўдахотин 1 ва 2; Қизилкум худудидан: Кўкча, Султон-Увайстов, Оёкагитма; Сурхондарёдан: Мачай 1, Қоронғудара, Қайнарбулоқ; Қашқадарёдан: Ангиллоқ, Айритош, Келинтоймас; Жиззах воҳасидан: Азимбулоқ, Гурдара 1 ва 2, Янгиқошлоқ каби янги ёдгорликлар аниқланди.

Обираҳмат ғоридан бундан 50-60 минг йил аввал яшаган неандертал ҳамда илк замонавий типдаги ёш болаларнинг гибридлашган ноёб қолдиқлари топилди. Тўдахотин 1 ва 2 ёдгорликларидан бундан 21 минг йиллар муқаддам аждодларимиз геометрик микролитлар ясаганликларини кўрсатувчи тош буюмлар аниқланди. Бу Ўрта Осиёда мезо-

лит даври маданиятлари маҳаллий келиб чиқиш илдизларига эга бўлганлигини ва маҳаллий сўнгги палеолит даври индустриялари анъаналари негизида шаклланганлигини кўрсатди.

Мустақиллик даврида Ўзбекистонда археология фанининг жадал тараққиёти учун кенг имкониятлар эшиги очилди. Бу йилларда дунё давлатларининг йирик археология марказлари билан ҳамкорлик алоқалари ўрнатилди, турли мавзуларни тадқиқ қилиш учун халқаро экспедициялар тузилди. Конференция ишида ушбу халқаро экспедицияларнинг тадқиқотлари натижаси бўйича маърузалар қилинди, Хусусан, Ўзбекистон-Япония экспедициясининг Қофирқалъа аркида (Самарқанд), Ўзбекистон-Хитой экспедициясининг Мингтепада (Анджон), Ўзбекистон-Россия экспедициясининг Пойкентда (Бухоро), Ўзбекистон-Франция (Лувр) экспедициясининг Қўрғон Ромитонда (Бухоро), Ўзбекистон-АҚШ (Нью-Йорк Университети) экспедициясининг Кампир деворда олиб бораётган тадқиқотлари натижаларига бағишланган маърузалари ўзининг илмий янгилиги, оригинал, ноёб топилмаларининг кўплиги, илмий хулосаларнинг пухталиги билан анжуман қатнашчиларининг эътирофига сазовор бўлди.

Антик даврдан сўнгги ўрта асрларгача кенг фаолият юритган қитъалараро Буюк Ипак йўли карвон савдосида Ўрта Осиё халқлари, жумладан аждодларимизнинг ўрни катта аҳамият касб этган. Конференцияда Буюк ипак йўли бўйлаб тарқалган маънавий ҳаёт, диний тасаввурлар (Поторочина Е., Индиаминова Ш.), маданий алоқалар, хусусан мусиқа асбобларини иконографик тасвирлари асосида тарқалиш географияси ва тарихига доир янги илмий мулоҳазалар билдирилди (Муродова З.). Бу эса ҳануз мазкур йўналиш бўйича қилинадиган изланишларни истиқболли эканлигини кўрсатди.

Қадимги шаҳарсозлик ва қишлоқ маконларини археологик жиҳатдан ўрганилиши Ўзбекистон тарихи фани учун битмас-туганмас янги маълумотлар ва янги ашёвий далилларни қўлга киритиш имкониятини яратади. Шу боисдан, Мустақиллик йилларида ушбу мавзулар бўйича Ўзбекистоннинг деярли барча вилоятлари, қадимги тарихий маданий воҳаларида изланишлар давом эттирилди. Конференция материаллари орасида Қорақалпоғистон, Хоразм, Сурхондарё, Қашқадарё, Жиззах, Сирдарё вилоятлари, Фарғона водийсида олиб борилаётган бу борадаги ишлар натижалари ҳақидаги маълумотлар катта ўрин эгаллади. Бу эса келгусида қадимги шаҳар ва қишлоқ маконларини узвий қазув тадқиқотлар асосида ўрганиш Ўзбекистон Археологиясининг бош мезони ва асосий вазифаларидан бири бўлиб қолишини кўрсатади.

Конференция ишида манбашунослик, нумизматика, диншунослик, ҳунармандчилик тарихига оид бир қатор маърузалар қилинди ва ушбу маърузаларнинг илмий таҳлили учун археологик артефактлардан асосий манба сифатидан қўлланилганлиги эътироф этилди.

Қазув-тадқиқотлари натижасида олинган ноёб топилмаларни умрини узайтириш, уларни музей экспонатларига айлантириш, келгуси авлодларга етказиш Ўзбекистон археологиясининг Мустақиллик давридаги энг долзарб вазифаларидан биридир. Мустақиллик йилларида Афросиёбдаги Қорахонийлар саройидан топилган деворий ранг - тасвир суратлари, Қоратепа лой-ганч ҳайкаллари, Сармишсой қоятош суратлари сингари юзлаб топилмаларнинг реставрация ва консервацияси бўйича янги усулларда қилинган амалий ишлар натижалари ҳақидаги маърузалар бу соҳани археология фани билан узвий, чамбарчас боғлиқлигини яна бир бор исботлади.

2016 йил 15-16 сентябрда ўтган халқаро илмий конференция анжуман қатнашчилари томонидан муваффақиятли ўтганлиги қайд этилиб, анжуманда эшитилган маърузалар ўзининг юқори савияда тайёрлангани, замонавий технологиялар билан тўлиқ таъминлангани қатнашчилар томонидан эътироф этилди.

Шунингдек, анжуман сўнгида иштирокчилар томонидан Ўзбекистонда археология йўналишида палеолит – тош асри бўйича ёш мутахассис кадрларни тайёрлаш масаласига, Республикамиздаги мавжуд археология объектларни мажмуини қайта тузиб каталогини яратиш, уларни асраб авайлаш бўйича фаол иш олиб боришга алоҳида эътибор берилиши лозимлиги бўйича тавсиялар берилди.

ЮБИЛЯРНИ ХОТИРЛАБ

ПАМЯТИ ЮБИЛЯРА

REMEMBRANCE

**МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАССОН
И АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

**MIKHAIL E. MASSON
AND ARCHEOLOGY OF CENTRAL ASIA**

*Я не предполагал никогда стать ученым
М.Е. Массон*

Выдающийся среднеазиатский археолог, основоположник первой археологической школы в Средней Азии – Михаил Евгеньевич Массон родился 5 декабря 1897 г. в Петербурге в семье топографа-землемера, много лет работавшего в Самарканде.

Полностью отразить жизненный и научно-творческий путь Михаила Евгеньевича Массона в формате одного очерка не представляется возможным. Однако мы попытаемся через высказывания самого ученого, его учеников, соратников показать насколько неординарной личностью он был, насколько его энтузиазм, трудоспособность, дисциплинированность, требовательность

и строгость и в учебном процессе, и в практических изысканиях служили примером для учеников и соратников, созданной им археологической школы.

Любовь и интерес к археологии зародились у Михаила Массона еще в школьные годы. Этому в немалой степени способствовало его знакомство с известным самаркандским археологом и краеведом В.Л. Вяткиным, который стал привлекать любознательного юношу к раскопкам на городище Афрасиаб. Здесь, очевидно, у М.Е. Массона через любовь к Самарканду с его древней историей и необыкновенными памятниками архитектуры, где отовсюду веяло ароматом минувших веков, сформировался и интерес к археологии. Позднее, будучи уже сложившимся ученым, М.Е. Массон вспоминал об этом городе: «Самарканд – Рим Средней Азии. Самарканд – город памятников» (Массон, 1929. С. 11).

В 1944 г. на юбилейном мероприятии, посвященном 25-летию его научной деятельности, вспоминая годы, проведенные в Самарканде, М.Е. Массон отмечал: *«Я родился в Петербурге, на Васильевском острове, в гуще своего рода «Латинского квартала». Но я не отказываюсь, что я – туркестанец.*

Туркестан – ныне Средняя Азия – моя вторая родина. Воспитанный великой культурой русского народа, я вырос и сложился в Самарканде. Его памятники определили мою судьбу и путь как специалиста.

Василий Лаврентьевич Вяткин, колоритная фигура на фоне регистанских медресе, с басом profundo, волнами переливавшим звуки его октавы под сводом Гуримира (как его помнят многие и многие, ходившие с ним по памятникам), – он увлек меня в Самаркандскую старину, такую живую в этом древнем городе.

И уже с 1913 года я принимал участие в некоторых его работах и самостоятельно водил экскурсии по памятникам. ... Он научил меня бескорыстно любить их, и я очень благодарен ему за это» (Ртвеладзе, 2012. С. 90).

В 1916 г. Михаил Массон окончил с золотой медалью самаркандскую мужскую классическую гимназию, после чего стал вопрос – какой дальше выбрать путь? В семье, окружающие люди да и директор гимназии внушали юноше, что археология – «стариковское дело», недостойное энергичного молодого человека (Пугаченкова, 1995). По совету старших Михаил поступил на инженерно-строительное отделение Петроградского политехнического института. Однако уже в 1917 г. был направлен для прохождения ускоренного курса в Михайловское артиллерийское училище и затем на Юго-Западный фронт. Он сам об этих временах говорил: *«Как сын своей страны я пренебрег бывшей у меня на руках «туркестанской льготой», дававшей мне освобождение от воинской повинности, и студентом добровольно ушел в армию при призыве лиц моего возраста»* (Ртвеладзе, 2012. С. 90).

После демобилизации М.Е. Массон вернулся в Самарканд и уже в 1918 – 1919 годы впервые приступил к полевым археологическим исследованиям, в частности, памятников древности и русел древних арыков левобережья Ферганской степи, городища Афрасиаб (раскопки руин дворцового зала Саманидов с резной алебастровой панелью IX–X вв.) и др.

В 1919–1923 годы М.Е. Массон заведовал местным музеем и по совместительству археологической секцией Самкомстариса¹. По его словам именно Самаркандский музей был его первым «университетом».

«Там, в Музее, моими первыми учителями в части природы были энтомолог Михаил Михайлович Сиязов и чудесный старик, друг нашего дома, врач-туркестанец Павел Андреевич Благовещенский, генерал-инженер Особой армии (общевойсковое оперативное объединение соединений и частей Русской Императорской армии во время первой мировой войны) и любитель-археолог Борис Николаевич Кастальский приобщил меня к нумизматике. Художник-антиквар Михаил Васильевич Столяров открывал для меня неизведанную область исследователя-реставратора. Системой же научного мышления при исследовательской работе я в значительной мере обязан талантливейшему архитектору-реставратору Михаилу Федоровичу Мауэру², гордости советской реставрационной практики в Средней Азии. Но, конечно, главным учителем явился Василий Владимирович Бартольд, уделявший мне с моих молодых лет изумительное внимание и, при всей его требовательности к людям, проявлявший в отношении меня снисходительность. Не формально, а по существу – я его ученик: и по отношению к труду исследователя-историка, и по тому, что стремился и стремлюсь продолжить дальше то и исходить из того, на чем он остановился» (Ртвеладзе, 2012. С. 90-91).

Первые годы научной и практической деятельности Михаила Евгеньевича Массона в Самкомстарисе примечательны тем, что он был самым юным сотрудником комитета, принимающим участие в деле спасения северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека, построенного в 1420 г., от разрушения. В обязанности руководимой им археологической секции, несмотря на малочисленность ее состава, входило исследование фундамента минарета и самого медресе³. Осуществленные раскопки дали «исключительно интересные данные и не только с точки зрения инженерно-технической, но и для истории самого памятника» (Массон, 1968. С. 25). Весь процесс многолетних (1918–1932) и невероятно трудоемких в научном и в практическом отношении работ в деле спасения минарета сохранился в протоколах и отчетах Самкомстариса, но благодаря брошюре М.Е. Массона с фотоиллюстрациями, опубликованной несколько десятилетий спустя, результаты этой грандиозной работы стали известны и широкому кругу общественности. *«Ничего подобного не знала до того мировая реставрационная практика в части памятников Востока» (Массон, 1968. С. 42).*

В 1923 г. М.Е. Массон был переведен в Ташкент в Главный Среднеазиатский музей, который стал для него очередным «университетом». Здесь он заведовал первоначально археологическим, а затем нумизматическим отделами. При этом он как археолог, оставался одновременно и в системе «Средазкомстариса», научная деятельность в которой придала его исследованиям среднеазиатский масштаб. Параллельно исследователь слушал лекции в Туркестанском восточном институте. В период работы в Главном среднеазиатском музее его коллегами и одновременно, как он сам признается, учителями, были М.С. Андреев, И.И. Бездека, Д.Н. Кашкаров, Л.В. Ошанин (Ртвеладзе, 2012. С. 91).

Параллельно с этим М.Е. Массон является членом секции Этнографии и Археологии Среднеазиатского отдела Русского географического общества, где исполнял обязанности ученого секретаря регулярных заседаний, проходивших в Ташкентской публичной библиотеке (ныне библиотека имени Алишера Навои) (ЦГА РУз, ф. Р-2773, оп. 1, д. 251). Он оказался в кругу таких исследователей, как Н.Г. Малицкий, Н.Л. Корженевский, А.В. Благовещенский, А.А. Семенов, М.С. Андреев, Д.Д. Букинич и др. Параллельно исследователь работал и в Ташкентской публичной библиотеке, которая стала следующим его «университетом». Об этом периоде жизни ученый вспоминал: «... я счастливо обрел несравненного наставника и друга-учителя по части библиографии в лице тогдашнего единственного за все время подлинного ученого, директора той библиотеки – Евгения Карловича Бетгера» (Ртвеладзе, 2012. С. 91).

Михаил Евгеньевич Массон был необычайно разносторонним ученым. Помимо различных вопросов археологии, в том числе историографического характера (Массон, 1936а; 1939а; 1939б; 1956 и др.), он вел исследования по истории горного дела и металлургии (Массон, 1930а; 1930б; 1930в; 1934в и др.), гидрологии (Массон, 1935а; 1935б и др.), исторической топографии (Массон, 1926а; 1928б; 1934а; 1940а; 1940б), истории архитектуры (Массон, 1926б, 1926в, 1929а), нумизматике (Массон, 1928а; 1933; 1971), истории развития флоры и фауны в историко-археологическом аспекте (Массон, 1934б; 1935в) Средней Азии и др. Приведенные в примечаниях работы М.Е. Массона лишь незначительная часть публикаций ученого в начальные годы его научной деятельности; перечисление же всего списка займет объем отдельной брошюры.

В своих публикациях М.Е. Массон вводит в научный оборот обширные данные, смело излагает свою точку зрения по некоторым принципиальным вопросам, представляет результаты своих исследований. Вместе с тем он ставил перед наукой, в особенности археологической, все новые и новые задачи фундаментального и прикладного характера, в глобальных и локальных масштабах (Массон, 1937).

В Центральном государственном архиве Узбекистана, а также в библиотеке Главного управления по охране и реставрации памятников Узбекистана хранятся личный архив М.Е. Массона (ЦГА РУз, ф. Р-2773), а также его обширная библиотека, дневники, полевые записи, карты и планы, научные отчеты, рукописи докладов и сообщений, прочитанных им на заседаниях кафедры археологии и ШНАКа (Студенческого научного археологического кружка), глубокое изучение которых мы планируем изучить в будущем.

В период деятельности в «Средазкомстарисе» полевая археологическая деятельность М.Е. Массона принимает все более широкий и систематический характер с охватом всей территории Средней Азии. Он осуществляет многочисленные археологические разведки, археолого-топографическое изучение Ташкента и Бухары, а также Старого Сайрама, Бешагача, Тараза и других городищ на территории Казахстана, проводит историко-археологическое обследование памятников средневекового зодчества: мавзолеев Манас в долине Таласа, Айша-биби и Бабаджи-хатун, мечети Ахмеда Ясави в Казахстане, Башни Бурана, узгендских мавзолеев в Киргизии и др.

* * *

В конце 20-х годов М.Е. Массона начинает привлекать многовековая история горного дела в Средней Азии. Чтобы глубже изучить данное направление и непосредственно быть в контакте с геологами, ученый в 1929-1936 годах (Лунин, 1978) работал в Среднеазиатском отделении Геологического комитета СССР, где создал превосходную геологическую библиотеку и о котором он вспоминал: *«... я в качестве заведующего библиотекой восемь лет вел попутно исследовательскую работу в области истории горного дела. Последняя вплотную свела меня с рядом видных специалистов, как Александр Евгеньевич Ферсман, Дмитрий Иванович Щербаков и другие. Практически особенно много мне пришлось работать с геологом Борисом Николаевичем Наследовым. В среде геологической молодежи САГРУ у меня установилось немало прочных и полезных связей с наиболее активными исследователями, ... а из библиотеки САГРУ я унес самые теплые воспоминания о своих милейших сотрудниках, и в первую очередь о моем заместителе Екатерине Аполлоновне Анфировой и о Фани Марковне Палейсник, деливших со мной много лет радости и горести совместной работы»* (Ртвеладзе, 2012а. С. 91).

В этот период ученый обследует древние рудники Карамазарских гор и Ахангарана с прилегающими районами долины Сумбара (Туркмения), Таласа (Киргизия) и другие местности. Результаты изысканий нашли отражение в целом ряде его работ. Помимо изучения истории горного дела Средней Азии, М.Е. Массон преследовал цель – найти возможности нового их использования в народном хозяйстве (Лунин, 1978. С. 13). Здесь следует отметить, что в исследовании данного аспекта истории ученый был пионером.

Среди всех прочих научных исследований Михаил Евгеньевич Массон занимался и пропагандой прикладных задач археологии и ее значения в решении ряда практических, научных и народно-хозяйственных проблем (Массон, 1937) (история ирригации в связи с колебаниями климата, наступлением песков на оазисы и заболачиванием земель), особенно в геологоразведочном деле, где результаты его исследований нашли в условиях Средней Азии практическое применение. В последующем им были разработаны оригинальные методы полевых археологических исследований: выявление археологических «пятен» по растительному покрову, определение погребенных уровней былых поверхностей, культурных наслоений по данным энтомологического порядка. Здесь уместно будет заметить, что интерес к ботанике и энтомологии у Михаила Массона появился в подростковые годы, когда друг семьи врач Благовещенский брал юношу в загородные прогулки, где они собирали гербарии и коллекции насекомых (Пугаченкова, 1995. С. 4).

В 1936 г. по представлению академиков И.Ю. Крачковского, И.А. Орбели и профессора А.Ю. Якубовского М.Е. Массону была присуждена ученая степень доктора археологии по совокупности научных трудов. Однако это можно считать лишь своего рода формальностью, так как Михаил Евгеньевич был истинным профессором по своему призванию. Сам ученый об этом в 1944 году говорил: *«Я не предполагал никогда стать ученым – и сделался им. Мне в голову не приходила мысль, что я буду профессором, а девять лет назад меня сделали по*

представлению академика И.Ю. Крачковского, академика И.А. Орбели и профессора А.Ю. Якубовского первым доктором в Средней Азии.

Я никогда не стремился к научной карьере и, наоборот, бежал от нее, с конфликтами отказываясь вступить в разные должности, но при всем том так прочно вошел в науку о Средней Азии, что отставить меня от нее уже нельзя» (Ртвеладзе, 2012а. С. 91-92).

Хотелось коснуться одного эпизода, касающейся биографии и семейного быта Михаила Евгеньевича, представленный Г.А. Пугаченковой:

«В те годы (имеется в виду 1920-1930-е годы – Ф.Ш.) семья из четырех человек (уже появился сын Вадим⁴), ютилась в одной из комнат флигеля при бывшем дворце великого князя, преобразованного в советское время в музей. Между тем, в 1934 г. в Ташкенте был возведен один из первых четырехэтажных жилых домов с комфортабельными квартирами, известный под названием «Дом специалистов». Его квартиры предоставили ведущим деятелям культуры. Здесь поселили известных артистов, ведущих врачей, писателей, ученых, в числе последних ... и М.Е. Массона. В нем он прожил до конца своих дней. И сколько же людей посещало квартиру № 34 – начиная от студентов и съезжавшихся отовсюду краеведов, которым нужна была научная консультация, и до ученых, заглядывавших «на огонек» для интересной беседы! Среди приезжих, к примеру, бывали академик В.В. Струве, члены-корреспонденты АН СССР А.Ю. Якубовский, К.В. Тревер, профессора И.П. Петрушевский, А.П. Окладников, Л.А. Маргулан и многие другие» (Пугаченкова, 1995. С. 12).

Кафедра археологии

Знаменитая среднеазиатская археологическая школа формировалась и развивалась на базе, созданной 1940 г. М.Е. Массоном Кафедре археологии САГУ (затем ТашГУ, ныне Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека). Здесь с особой силой проявились широта его знаний и организаторские способности.

Работа кафедры археологии была направлена на решение важнейшей задачи – подготовка для всех Центральноазиатских республик новых высококвалифицированных кадров археологов, в которых ощущался острый недостаток (Массон, 1956. С. 29). Однако, Вторая Мировая война оставила свой отпечаток на набиравшем обороты развития археологии в регионе, да и вообще всех отраслей наук. Происходит временное прекращение всех начатых раскопочных работ, в том числе юридически была упразднена Кафедра археологии Средней Азии. Но на самом деле, она продолжала свою работу до конца войны (Массон, 1953; 1956. С. 35-36). Свою деятельность в университете в 1944 г. ученый характеризовал так: *«САГУ не был моим университетом. В нем я сам творю настоящий университет для своих слушателей и будущих учеников»* (Ртвеладзе, 2012а. С. 91).

Михаил Евгеньевич Массон на протяжении почти тридцати лет возглавлял работу кафедры и воспитал не одно поколение, ныне известных во всем мире ученых-исследователей. Кроме общеобразовательных курсов для студентов-археологов истфака он разработал и читал такие курсы как «Археология Средней Азии», «Нумизматика Средней Азии», «Историческая топография городов Средней Азии». Обязательным было изучение арабского или персидского языка для использования в исследованиях рукописных источников,

прочтения легенд на монетах, надписей на могильниках и памятниках архитектуры (Пугаченкова, 1995. С. 21).

Беседуя с людьми, знавшими профессора М.Е. Массона, все больше и больше убеждаюсь в том, что это была невероятно неординарная личность. Дисциплина, выработанная годами, требовательность, и в учебном процессе, и во время полевых работ, которая служила примером для студентов, соблюдалась им во всем. Академик Э.В. Ртвеладзе, ученик М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой, так пишет об этом:

«У Михаила Евгеньевича манера чтения лекций была иной, я бы сказал, более строгой и даже жесткой. Начиная лекцию, он неизменно запирает аудиторию на ключ, и в течение двух часов покинуть ее было невозможно.

Лекции М.Е. Массона по нумизматике Средней Азии и исторической топографии среднеазиатских городов отличались беспрецедентной доскональностью. Михаил Евгеньевич приводил множество фактов из огромного круга источников, древних и средневековых.

Исключительно интересны были и речи М.Е. Массона, которые он изредка произносил на всякого рода юбилейных торжествах. Они отличались торжественностью, некой архаичностью и всегда были оригинальны по содержанию» - (Ртвеладзе, 2012а. С. 88).

В этом можно убедиться и прочитав его речь, произнесенную в САГУ в 1944 г., в честь 25-летней научной деятельности ученого.

Большую роль в развитии научного мышления у студентов-археологов играл СНАК – студенческий научно-археологический кружок, на заседаниях которого слушались доклады, научные сообщения студентов. М.Е. Массон всегда требовал от студентов активного участия в работе заседания СНАКа и заставлял после каждого выступления определенного студента высказывать свое мнение об услышанном. Это способствовало формированию и развитию творческого мышления и уверенности при выступлении на больших студенческих конференциях. В частности, доклады студентов-членов СНАКа всегда отличались научным содержанием а сами докладчики – уверенностью во время выступления и дискуссий на РАСК⁵ и ВАСК⁶.

Самым важным пунктом в период учебы для студентов-археологов было участие в полевых работах, которые проводились два раза в год – весной и осенью. Все студенты во главе с М.Е. Массоном выезжали на археологические раскопки сначала в составе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), а потом в составе Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ). В экспедициях и студенты, и преподаватели придерживались строго установленной профессором дисциплины, нарушение которого наказывалось.

Вся работа кафедры была подчинена, выработанного годами «своего credo», 20-ти положениям (Массон, 1966. С. 3-14), послужившего основой среднеазиатской археологической школы. Некоторые из них мы изложим ниже. Первым и принципиально важным было положение: «археолог не должен собирать для себя частной коллекции предметов, являющихся объектами его исследований. Все попавшие к нему археологические вещи, каким бы путем они не поступили, должны войти в общественные музейные собрания, т.е. поступить в специальные научные хранилища тех или иных организа-

ций» (Массон, 1966. С. 5). В данном положении чувствуется школа В.Л. Вяткина.

Сам ученый характеризовал созданную им кафедру и археологическую школу так: *«Школу создавал не один ее основоположник, а коллектив кафедр в целом. ... При создании кадров своей школы кафедра главное внимание уделяла их качеству. Никогда не ставилась задача готовить кандидатов в кандидаты наук, а выпускались и выпускаются научные работники, могущие самостоятельно производить исследовательские раскопки и осуществлять научную обработку добытых материалов»* (Массон, 1966. С. 11-12).

На кафедре археологии получила знания целая плеяда ныне известных ученых. Достаточно сказать, что здесь были воспитаны пять академиков различных Академий наук (Ю.Ф. Буряков, Б.А. Литвинский, В.М. Массон, Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе). Кафедру археологии закончили в последующем видные исследователи истории Средней Азии и Кавказа – Г.Е. Афанасьев, Е.А. Давидович, А. Кудрявцев, В.Н. Пилипко, Р.Х. Сулейманов, А.С. Сагдуллаев, В.И. Сариниди, В.А. Булатова, Б.Д. Кочнев, Г.В. Шишкина, М.И. Филанович, М.Н. Федоров, Д.А. Алимова, Ш.Р. Пидаев, Т.К. Мкртычев, среди которых следует особо выделить С.Б. Лунину и З.И. Усманову, последовательно сменивших Михаила Евгеньевича Массона на посту заведующего кафедрой археологии и многие годы своей жизни, посвятивших обучению студентов-археологов.

Характеризуя работу кафедры и деятельность М.Е. Массона в нем академик Г.А. Пугаченкова писала: *«Возглавленная им кафедра археологии при ТашГУ, которой он руководил до ухода на пенсию, не просто обеспечивала исторический факультет чтением курса общей археологии, но здесь им и его сотрудниками читался ряд спецкурсов – от археологии Средней Азии до искусства Востока. Обязательным для студентов он сделал ежегодное участие в археологических экспедициях, благодаря чему ко времени окончания университета они уже могли проводить самостоятельные археологические раскопки»* (Пугаченкова, 1998).

ТАКЭ – первая комплексная экспедиция

М.Е. Массон ни на один сезон не прекращал свою практическую научную деятельность. В 1936–1938 годы возглавил Термезскую археологическую комплексную экспедицию (ТАКЭ), охватившую обширный круг памятников древности правобережья Амударьи, от Хатын-Рабата до Старого Термеза. Цель экспедиции заключалась в комплексном изучении этого обширного и древнего городища, в основу которого был поставлен большой круг задач.

Оглядываясь назад и касаясь истории создания ТАКЭ, следует заметить, что идея исследования данного региона родилась еще в 1932 г., когда случайно у заставы Айртам на дне Амударьи были обнаружены большие скульптурные плиты с изображением трех музыкантов. Узнав о находке, Михаил Евгеньевич сразу же выехал к месту обнаружения плит. Осмотрев и изучив местность, ученый определил, что это были фрагменты декора древнего здания периода правления Кушан, представляющие большую художественную и историко-культурную ценность. В 1933 г. М.Е. Массон производит раскопки объекта, которые приводят к открытию остатков буддийского храма со святилищем внутри и статуей Будды.

Результаты произведенных исследований были изложены в докладе на III Международном конгрессе иранского искусства и археологии, проходившем в 1935 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), имевших большой резонанс, так как обнаруженные фрагменты плит были привезены на выставку в Эрмитаж. Именно это открытие молодого ученого Михаила Массона способствовало, по рекомендации маститых ученых, присуждения ему звания доктора археологии без защиты диссертации в 1936 г. В свою очередь, самого М.Е. Массона, полученные им результаты подтолкнули на комплексное исследование правобережья Амударьи, к организации которого он приступил перейдя на основную работу в Узкомстарис (Пугаченкова, 1995).

Уместно заметить, что одно из 20-ти положений, выработанных ученым в работе на сколько-нибудь крупных археологических объектах (в частности, 4-й принцип) – принцип обязательного комплексного подхода, а именно «в привлечении специалистов различных дисциплин и профилей, в применении разнообразных приемов методики наблюдения и обработки материалов, в охвате разновременных археологических памятников во всех культурных слоях всех эпох и всех категорий» (Массон, 1966. С. 5), который способствовал получению значительных научных результатов.

Вторым новшеством, сформулированным в 10-м положении (Массон, 1966. С. 6), который применил М.Е. Массоном в работе ТАКЭ, являлся разработанный им метод изучения объекта по растительному покрову. Суть этого метода была такова, что ранней весной на лессовых почвах Средней Азии появляются первые травы-эфемеры, которые очень быстро выгорают, совершив свой растительный цикл. М.Е. Массон обратил внимание на то, что одни из них произрастают на плотной, а другие на более рыхлой почве и предположил, что, может быть, это своего рода разграничение, указывающее где проходят кладки стен, а где лежат рыхловатые завалы помещений. В применении данного метода способствовал интерес М.Е. Массона к ботанике, зародившийся еще в детстве (Пугаченкова, 1995. С. 15).

Примечательно то, что последним резюмирующим 20-ым положением в списке правил было – «за археологом-исследователем, добросовестно служащим науке, сохраняется при любых условиях право честной ошибки» (Массон, 1966. С. 11). К этому последнему его положению, как предтече, можно добавить слова, произнесенные намного раньше: *«... каждый хорошо знает, что в человеке сочетается и хорошее и дурное. В его действиях бывают и светлые и темные поступки. В его работе наряду с полезными результатами немало и потерянного времени. Без способности сомневаться и верить, ошибаться и находить правду вряд ли есть хоть один подлинно живой исследователь, творец науки. И кто как не сам автор знает за собой массу недочетов? А сколько недоделанного, не так выполнено, не сделано и надо еще сделать? И как по сравнению со всем этим скромно выглядит то, что оформлено и завершено...»* (Ртвеладзе, 2012а. С. 89).

Если начнем перечислять итоги ТАКЭ, то это займет большой объем, ограничимся лишь перечислением основных открытий. В районе Термеза была обнаружена первая в Средней Азии стоянка каменного века с останками всем известного ребенка неандертальского типа. Непосредственно в Старом Термезе выявлены мощные слои античного времени, что подтверждали на-

ходки монет греко-бактрийских царей (III–II вв. до н.э.). Было установлено, что расцвет города падает на Кушанский период (I века н.э.), далее происходит кризис, выход из которого и новый подъем происходят в раннее средневековье, а особенно в X–XII вв.

Весь собранный экспедицией богатый археологический материал был передан Термезскому краеведческому музею. Научные результаты были опубликованы в двух томах под названием «Труды Термезской археологической комплексной экспедиции» (Пугаченкова, 1995. С. 16).

Большой Ферганский канал

Нельзя говорить о деятельности М.Е. Массона, не затронув организацию и проведения археолого-разведочного надзора во время скоростного строительства Большого Ферганского канала (БФК) в 1939 г. С самого начала выдвинутая инициатива археологического сектора об организации экспедиции на БФК, которую возглавлял М.Е. Массон, встретила упорное сопротивление Узкомстариса. Это было связано с тем, что он должен был возглавить Согдийскую археологическую комплексную экспедицию, разрешения и осуществления которой добивался не один год, и на это бюджетом Наркомфина было выделено 41000 руб. Однако ученый не мог упустить возможности проведения «живого» дела и начались хождения по инстанциям, а параллельно теоретическая и практическая подготовка к выезду в Ферганскую долину. «БФК нельзя было оставить без археологов!» (Массон, 1976. С. 94). «Пущена была в ход казавшаяся остроумной по содержанию и убийственной по силе фраза о новом археологическом методе доктора археологии Массона: «подглядывание из-под кетменя колхозников»» (Массон, 1976. С. 95). Предстояла невероятно большая и оперативная работа, а именно, без всякого предварительного систематического изучения в археологическом отношении, вести оперативный археологический надзор в восемнадцати районах трех республик – Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, по которым должно было проходить 45 дневное строительство БФК, протяженностью 265 км.

Усилия М.Е. Массона не пропали даром. Сам профессор о том, как добился разрешения вспоминает: *«До массового выхода людей на трассу оставалось несколько суток. Времени нельзя было терять. Вопрос о судьбе археологического надзора должен был быть решен немедленно, сегодня или будет поздно!»*

Председатель Совета Народных Комиссаров УзССР внимательно выслушав добившегося у него часового приема начальника повисшей в воздухе экспедиции. Поверил. Понял. Поддержал. Днем 26 июля было подписано постановление СНК УзССР за №1224. Оно утверждало в системе Комитета Наук организацию археологического надзора на БФК с правом израсходования на это из сметы Узбекстанского комитета по охране памятников 41000 рублей. В 8 часов вечера этого же дня, оставив позади пораженных таким оборотом дела администраторов и финансистов Узкомстариса, из Ташкента в сторону Ферганы выехал на приведенной в походное состояние полуторатонке начальник экспедиции (т.е. М.Е. Массон – Ф.Ш.)» (Массон, 1976. С. 96).

Совершенно новые по форме организации археологические наблюдения пришлось вести всей экспедиции во главе с М.Е. Массоном, в 12 отрядов которой добровольно за счет летних трудовых отпусков и студенческих каникул вошли археологи и коллекторы. Нужно было одновременно вести наблюдение за работой 130 тысяч землекопов по всему руслу строительства. Кроме того, повсеместно, на всех участках строительства, через обращения по радио, через распространение самолетом листовок на русском и узбекском языках, велась агитационная работа о бережном отношении к археологическим находкам и оказывать содействие членам археологического надзора в их работе. В состав экспедиции входили как известные археологи, так и молодые, в числе которых: В.Д. Жуков, Т.Г. Оболдуева, Я.Г. Гулямов, топограф М.М. Кобанова, архитектор А. Зайнутдинов, фотографы А.И. Литвиненко и Е.Н. Юдицкий и др.

Результаты экспедиции превзошли все ожидания. Начальник экспедиции писал: *«Что мы знали о прошлом Ферганы? ... слабо занимались мы до сих пор Ферганой. ... Памятников материальной культуры в Фергане-то, оказывается, масса. Могли ли мы мечтать о получении археологического разреза через всю Ферганскую долину в 265 км протяжением? А теперь мы его имеем и использовали ...*

Разве может пройти бесследно то, что мы впервые одновременно большим коллективом видели остатки доброй половины из числа 70-ти «даванских городов», о которых раньше знали только по упоминаниям китайских хроник, и положили начало археолого-топографическому изучению на месте свыше десятка ферганских городских центров, некоторые из них даже установив впервые же?

Никогда еще прошлое Ферганы не было изучено так широко и так разносторонне. ... теперь мы знаем Фергану в археологическом отношении достаточно хорошо, чтобы намечать четкие перспективы в планах будущих исследовательских работ на ее территории.

Наконец, экспедиция археологического надзора на БФК оправдала себя и с точки зрения методической. В условиях новостройки «подглядывать из-под кетменя колхозников», оказывается, можно и должно» (Массон, 1976. С. 173-175).

Желающих подробнее узнать о ходе работ, мы отсылаем к интересным и увлекательным воспоминаниям М.Е. Массона (Массон, 1976. С. 88-175). Отметим лишь, что работа на трассах БФК было ярким, но кратким эпизодом в жизни неординарного ученого.

Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

Самым запоминающимся в научной, практической и педагогической деятельности М.Е. Массона, безусловно является то, что с конца 1945 г. он возглавлял Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ) – одну из крупнейших, постоянно действующих экспедиций бывшего Союза. С деятельностью ЮТАКЭ связан ряд научных открытий мирового значения, в частности на городищах Нисы и Старого Мерва и прилегающих к ним территориях. Не одно поколение среднеазиатских историков-археологов получили свое «боевое крещение» именно в этой экспедиции, а

именно – как вести археологические раскопки, составлять чертежи, определять датировку находки, быть дисциплинированными, писать научные статьи, уметь правильно излагать свои мысли и т.д. В этом отношении М.Е. Массон, по рассказам участников экспедиции, был весьма требовательным руководителем.

Мы не будем подробно останавливаться на работе экспедиции, так как научные и научно-популярные публикации об этом говорят сами за себя. Научные результаты беспрецедентной не только в масштабе бывшего Союза, но и в масштабе мировой археологии экспедиции – ЮТАКЭ нашли отражение в двух выпусках «Материалов ЮТАКЭ» и в 19-ти томах «Трудов ЮТАКЭ». Основной вклад М.Е. Массона заключался, прежде всего, в организации работы экспедиции, в создании отдельных комплексных отрядов по определенным направлениям работ: по эпохе каменного века, по периоду от энеолита до раннежелезного века, по изучению двух крупнейших городов античного и средневекового периодов (Ниса и Мерв), историко-архитектурный, этнографический, по исследованию древних торговых путей. Руководили отрядами, как опытные специалисты, так и подающие большие надежды молодые ученые (Пугаченкова, 1995. С. 24).

К 25-летию экспедиции были опубликованы очерки воспоминаний участников ЮТАКЭ, рассказывающие о принципах воспитательной работы Михаила Евгеньевича Массона, о процессе подготовки молодых специалистов, о порядке проведения полевых исследований, о бытовой лагерной жизни экспедиции, которых строго придерживались «ютакинцы» (Стиль работы, 1972). Примечательно то, что на стене большого помещения бывшей конюшни, приспособленного для жилья ютакинцев, висел лозунг древнеримского изречения: «I, simper melius eris!» – «Ступай (вперед), всегда будешь становиться лучше» (Стиль работы, 1972. С. 5).

Кешская археолого-топографическая экспедиция

В 1963 г. под руководством М.Е. Массона началась работа Кешской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ) в Кашкадарьинской области республики, в составе которой также работали студенты и аспиранты кафедры археологии ТашГУ. Одна из главных задач экспедиции состояла в составлении исторической топографии городов и историческая география долины Кашкадарьи. Научные результаты экспедиции, которые проводились до 1966 г. включительно, нашли отражение в книге М.Е. Массона «Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен», опубликованной в 1973 г.

Вспоминая о своем учителе и о последней экспедиции Михаила Евгеньевича, один из ближайших его учеников академик Э.В. Ртвеладзе пишет:

«Эти вопросы (т.е. составлении исторической топографии городов – Ф.Ш.) всегда являлись, можно сказать, основными в исследованиях экспедиций, руководимых М.Е. Массоном, для которого был характерен широкий и, по возможности, полный охват во времени и пространстве ... Поэтому зачастую при небольших средствах и сравнительно малых сроках полевых работ он добивался такого объема работ и получения таких новых фактов, каковых не могли достичь другие экспедиции» (Ртвеладзе, 2012б. С. 143).

В 1966 г. в рамках данной экспедиции 69-летию М.Е. Массон совершил свой последний, как оказалось потом, экспедиционный маршрут вместе с Э.В. Ртвеладзе с целью выявления археологических памятников. Это было в июне месяце, и проехать им нужно было из Карши через Касан на северо-запад, в пустынную зону (пески Сундукли), расположенную между Карши и Бухарой. Академик Э.В. Ртвеладзе вспоминает об этой поездке со всеми приключениями так: *«В маршрут выехали ... рано утром – в 5 часов 30 минут... Михаил Евгеньевич сидел в кабине машины, я – наверху в кузове, где неизменно болтало, тем более дорога – разве это дорога! была очень трудной, да и машина – какой-то пыхтящий и сопящий грузовичок, если быть точнее – ГАЗ-53, но на удивление двигавшийся всю поездку без поломок. А археологические памятники в этой, казалось бы, совершенно безводной зоне мы все-таки нашли...»*

Осмотрев этот памятник, мы двинулись дальше и совсем заплутали, никакой дороги, конечно же, не было – везде барханы с редкими прогалинами. Да к тому же жара стояла жуткая, выше +40° в тени, на солнце, значит, более +60°, а где она, тень, в песках? Через некоторое время машина вдруг останавливается, и Михаил Евгеньевич, высунувшись из окна кабины и обращаясь ко мне, говорит: «Смотрите, Эдди (так всегда называл Э.В. Ртвеладзе М.Е. Массон – Ф.Ш.), там впереди какой-то кишлачок, я вижу даже деревья». Но я, сколько ни всматривался, никакого кишлака не видел, и тогда стало ясно, что Михаил Евгеньевич видел мираж – нередкое явление в условиях пустынь Средней Азии. Через некоторое время то же испытал и я» (Ртвеладзе, 2012б. С. 151).

* * *

В общей сложности М.Е. Массон участвовал в 80 полевых экспедиционных маршрутных и стационарных археологических работах на территории среднеазиатских республик и Казахстана.

Профессор М.Е. Массон – автор свыше 290 научных публикаций по истории горного дела, металлургии, гидрологии и метеорологии Средней Азии, исторической географии и археологической топографии среднеазиатских городов, истории архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, вопросов нумизматики и эпиграфики и т.д. Под его редакцией вышли в свет 30 сборников научных трудов и монографий.

В течении нескольких десятилетий (1930–1950-е годы) успехи археологического изучения Узбекистана периодически отражались в историографических статьях М.Е. Массона (Массон, 1936а. С. 47-52; 1939а. С. 110-120). Среди всех работ историографического характера, посвященных истории и археологии Узбекистана, заслуживающим особого внимания является очерк М.Е. Массона, освещающий краткую историю археологического изучения региона, начиная с середины XIX века и вплоть до середины 50-х годов XX века (Массон, 1956). Автор очерка обратил свой взор в более ранний период (с древнейших времен), рисуя общую картину того, как обстояло дело в собирании и коллекционировании старинных предметов при дворах тех или иных правителей Востока, одновременно сравнивая это положение с Европой. Кроме того, работа отличается фундаментальностью и анализом исследований. Фактически, она восполнила все те пробелы, которые существовали в предыдущих историографических публикациях по археологии. Автор предложил свою

периодизацию развития археологии в Средней Азии: 1) археологические исследования с конца XIX в. по 1917 год; 2) исследования советского периода. В частности, составлена периодизация развития археологии в Узбекистане, начиная со второй половины XIX в. до 1917 года – отдельный исторический отрезок времени, который делится на два этапа: 1) со второй половины – до середины 90-х годов XIX в.; 2) с середины 90-х годов до 1917 года. Исследования советского периода М.Е. Массон обозначил с 1917 года по 1950-е годы XX в., который разделил на пять этапов развития археологии Центральной Азии, и в частности Узбекистана: 1) 1917–1920 гг., 2) 1921–1929 гг., 3) 1929–1941 гг., 4) 1941–1945 гг., 5) 1945 – 1950-е годы.

Ученый также вел исследования по периодизации не только археологических исследований, но древней и средневековой истории Средней Азии, определением монетных находок, обнаруженных в разное время на территории Узбекистана и Туркмении.

Он является участником многих Союзных и Международных форумов, в которых выступал с докладами о развитии и новых теоретических и прикладных задачах истории и археологии Средней Азии⁷.

29 июня 1951 г. М.Е. Массон был избран действительным членом Академии наук Туркменской ССР, а в последующем удостоен званий заслуженного деятеля науки Туркменской и Узбекской ССР.

В 1967 г. за заслуги в изучении истории горного дела и оказания помощи местным краоведам и музейным работникам М.Е. Массон был удостоен звания почетного гражданина города горняков Ахангарана. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Созданная М.Е. Массоном среднеазиатская археологическая школа продолжает жить и сейчас, и воспитанники этой школы в настоящее время ведут научные исследования в различных направлениях исторической науки не только в Узбекистане, но и в других регионах бывшего Союза.

М.Е. Массон свыше шестидесяти лет своей богатой жизни посвятил служению исторической науке Центральной Азии, в том числе Узбекистана. За это время ему пришлось работать во всех республиках региона. Он являлся образцом нового типа ученого-историка-археолога, сочетавшего прекрасные знания специфики археологических исследований и их исторической интерпретации с использованием сведений письменных источников, нумизматических и других данных.

Еще в 1944 г. ученый в своем выступлении в наставлении молодым говорил: *«Разрешите, как Катону, и при этом случае еще раз повторить молодежи свое credo:*

I. Недостаточно ставить себе как самоцель получение ученых степеней, – титулы и звания придут вслед за трудом сами собой.

II. Основная цель исследователя – подлинное служение Науке, а не обращение ее в служанку.

Помните глубоко справедливые слова, сказанные в IX веке незаурядным правителем Ирана и Средней Азии Абдаллахом ибн Тахиром, что «науку следует предоставлять всякому... – наука сама сумеет позаботиться о себе, чтобы не остаться у недостойного».

И никакими званиями и титулами ее не задержатъ.

Будьте достойными Науки, – и без административных чародейств она от вас не уйдет. Коль скоро вы на первый план будете ставить интересы дела и Науки, –

у вас никогда не появится в трудных случаях жизни при выборе решений ни сомнений, ни страхов, ни искаженной «мышинной» перспективы, будто «сильнее кошки зверя нет». Будьте всегда львятами и львами у трона Науки!» (Ртвеладзе, 2012а. С. 92).

В пожилом возрасте при встрече с молодежью, Михаилу Евгеньевичу часто задавали вопрос – когда, под влиянием чего у него пробудился интерес к среднеазиатской археологии? Чтобы удовлетворить горячий интерес молодежи, М.Е. Массон создает специальную научно-популярную работу под названием «Из воспоминаний среднеазиатского археолога» (Массон, 1976), куда вошли воспоминания о трех разновременных экспедициях по Узбекистану в 20-30-е годы. Содержание этой очень увлекательной и интересно изложенной книги таково: 1) Рождение среднеазиатского археолога; 2) Археологическая разведка Главного среднеазиатского музея в Той-тюбе под Ташкентом в 1928 г.; 3) Археологическая разведка Айртама на берегу Аму-Дарьи в 1933 г.; 4) Археолог на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г.

В 1967 г. в возрасте семидесяти лет Михаил Евгеньевич вышел на пенсию, но продолжал научную деятельность, готовил очередные тома «Трудов ЮТАКЭ», писал статьи, участвовал в работе Республиканского общества охраны памятников истории и культуры. Не терял связи и с сотрудниками кафедры археологии, аспирантами, студентами, учениками, принимая их у себя дома. Однако, годы брали свое и 2 ноября 1986 г., не дожив одного года до своего девяностолетия, Михаил Евгеньевич Массон скончался.

Уникальная библиотека М.Е. Массона, где хранилось множество редких туркестанских изданий конца XIX в. и начала XX в., после кончины ученого была приобретена Министерством культуры Узбекистана, впоследствии переданная Главному Управлению по охране памятников истории и культуры Узбекистана, где хранится по сей день.

Несмотря на очень богатую и бурную научную деятельность, большое число публикаций, каких-либо обобщающих научно-исторических работ, посвященных жизни и научной деятельности Михаила Евгеньевича Массона еще не написано, как и не написаны и художественные произведения о нем, за исключением брошюры Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1995) и книги «Вспоминая былое» Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 2012б). До этого была предпринята попытка известного писателя В. Амлинского, который под впечатлением встречи с М.Е. Массоном на раскопках городища Старого Мерва отобразил свой взгляд на ученого и написал художественное эссе «Профессор». Будем надеяться, что создание книги, отражающего жизнь и научную деятельность столь значимого ученого, истинного профессора еще предстоит.

Примечания:

1. Самкомстарис – Самаркандский комитет по охране памятников старины и искусства.
2. По его проекту осуществлялось выпрямление падающего северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека в Самарканде с 1918 по 1932 годы.
3. В состав археологической секции входили В.Л. Вяткин, И.А. Кастанье и сам М.Е. Массон.
4. Вадим Михайлович Массон – известный ученый, пошел по стопам отца и стал историком-археологом.

5. РАСК – Республиканская археолого-студенческая конференция.
6. ВАСК – Всесоюзная археолого-студенческая конференция.
7. Перечень опубликованных работ и материалов по тематике Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. К XXV-летию ее деятельности. 1946-1970. Ашхабад, 1970. – 41 с. В перечне указано 527 публикаций. По материалам ЮТАКЭ ее участниками защищено 15 диссертаций, из которых 13 на соискание ученой степени кандидата исторических наук, одна – доктора исторических наук и одна – доктора искусствоведения.
8. М.Е. Массон участник: III конгресса по иранскому искусству и археологии (Москва – Ленинград, 1935); XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 1960); I Всесоюзного археологического совещания в Москве (конец февраля – начало марта 1945 г.).

Использованная литература:

- Лукин Б.В.* Ученый, педагог, общественный деятель // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Массон М.Е.* Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узкоколейной городской железной дороги в 1923 году // Известия Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926а.
- Массон М.Е.* Регистан и его медресе // Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1926б; 2-е изд. Самарканд: Узкомстарис, 1929.
- Массон М.Е.* Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Бибиханым // Культурно-исторические экскурсии по Самарканду // Известия Средазкомстариса. Вып. I. Ташкент, 1926в.
- Массон М.Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. // Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928а.
- Массон М.Е.* О местонахождении сада Тимура Давлетабад // Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928б.
- Массон М.Е.* Мавзолей Гур-эмир, усыпальница Тимуридов. 2-е измененное и дополненное издание. Самарканд: Узкомстарис, 1929а.
- Массон М.Е.* Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд–Ташкент, 1929б.
- Массон М.Е.* Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Горные инструменты // Среднеазиатское районное геологоразведочное управление (САРГУ). Бюллетень, № 2. Ташкент, 1930а.
- Массон М.Е.* История древнего горного дела гор Карамазара // Отчет о деятельности Среднеазиатского отделения Геологического комитета за 1928-29 г. Ташкент, 1930б.
- Массон М.Е.* К истории добычи ртути в Средней Азии // Народное хозяйство Средней Азии. № 5. Ташкент, 1930в.
- Массон М.Е.* Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом // Материалы Узкомстариса. Вып.4. Ташкент, 1933.
- Массон М.Е.* Загадочное городище Канка. Из результатов работ 29-го отряда Таджикско-Памирской экспедиции // СОНАТ. Ташкент, 1934а. № 10-11.
- Массон М.Е.* Из исторического архива по палеонтологии Средней Азии // Социалистическая наука и техника (СОНАТ). Ташкент, 1934б. № 1-2.
- Массон М.Е.* К истории добычи асбеста в Средней Азии // За недра Средней Азии. Ташкент, 1934в. № 4.
- Массон М.Е.* Некоторые результаты разбора археологических материалов, добытых при работах гидрологической партии в Бухарском оазисе в 1930 году // Сборник памяти гидрогеолога М.М. Решеткина. Материалы по гидрологии Узбекистана. Вып. 15. Ташкент, 1935а.

- Массон М.Е.* Проблемы изучения цистерн-сардоба // Узбекистанский комитет по охране памятников материальной культуры. Материалы Узкомстариса. Вып. 8. Ташкент, 1935б.
- Массон М.Е.* Яйца страусов в Узбекистане // СОНАТ. 1935в. № 5.
- Массон М.Е.* Археологические работы в Узбекистане за последние годы (1933-1935) // СОНАТ. Ташкент, 1936а. № 11.
- Массон М.Е.* Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка // Труды Таджикско-Памирской экспедиции. Вып. XXXVII. М.-Л., 1936б.
- Массон М.Е.* Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии // Комитет наук УзССР. Ташкент, 1937.
- Массон М.Е.* Археологические исследования в Узбекистане (1924-1939) // Наука в Узбекистане за 15 лет. Ташкент, 1939а.
- Массон М.Е.* Археологические работы в Узбекистане за 1933-1935 годы // Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Л., 1939б.
- Массон М.Е.* Городища Старого Термеза и их изучение // Труды Узбекстанского филиала АН СССР. Серия I. Вып.2. Ташкент, 1940а.
- Массон М.Е.* Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Вып. IV. М.-Л., 1940б.
- Массон М.Е.* Работы кафедры археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи Тимуридов // Труды САГУ. Вып. XI.IX. Ташкент, 1953.
- Массон М.Е.* Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия. Вып. LXXXI. Ташкент: Издательство САГУ, 1956.
- Массон М.Е.* Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ // Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Вып. 295. Археология Средней Азии. Ташкент, 1966.
- Массон М.Е.* Падающий минарет. Ташкент, 1968.
- Массон М.Е.* Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории республик Средней Азии // История Иранского государства. К 2500-летию Иранского государства. М.: Наука, ГРВЛ, 1971.
- Массон М.Е.* Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976.
- Пугаченкова Г.А.* Михаил Евгеньевич Массон – основатель Среднеазиатской археологической школы. Ташкент, 1995.
- Пугаченкова Г.А.* Кумбеш. 1998. № 1.
- Ртвеладзе Э.* Respite post te, или Академик Массон и другие // Восток Свыше. Вып. XXVI. Ташкент, 2012а.
- Ртвеладзе Э.В.* Вспоминая былое. Книга I. Ташкент, 2012б.
- Стиль работы* и полевой быт Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (воспоминания участников). Ашхабад, 1972.
- ЦГА РУз*, ф. Р-2773.
- ЦГА РУз*, ф. Р-2773, оп. 1, д. 251.

МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАССОН ВА ЎРТА ОСИЁ АРХЕОЛОГИЯСИ

Мазкур мақола XX асрнинг йирик археолог олими, Ўрта Осиё археология мактабининг асосчиси Михаил Евгеньевич Массоннинг ҳаёт йўли ва серкирра илмий фаолиятига бағишланади. Тадқиқот библиографик ва тарихшунослик характерга эга. Унда М.Е. Массоннинг Ўзбекистонда археология фанининг шаклланиши ва ривожланишига қўшган ҳиссаси, унинг Ўрта Осиё археология кафедрасини ташкил этишдаги фаолияти илмий тарихий адабиётлар, хамкасблари ва шогирдлари, шунингдек олимни ўзининг

хотиралари асосида ёритилган. Ундан ташқари олимнинг раҳбарлиги остида йирик археологик экспедицияларнинг ўтказилиши методологик жараёнларининг қисқача тавсифи берилган.

MIKHAIL E. MASSON AND ARCHAEOLOGY OF CENTRAL ASIA

This article is devoted to the life and multifaceted scientific activity of Mikhail Evgenievich Masson the biggest archaeologists of 20-th century, the founder of the archaeological school in Central Asia. The paper is of biographical and historiographical character. Basing on scientific and historical literature, memories of colleagues and students, as well as the scientist himself it was presented the contribution of Doctor of archaeology M.E Masson in development of archaeology in Uzbekistan, his activity in organization the department of archaeology in Central Asia. In addition there have been given brief description of major archaeological expeditions under his leadership.

Ф.Ш. Шамукарамова
Институт истории
Академии наук
Республики Узбекистан

ЮБИЛЯРИМИЗ

НАШ ЮБИЛЯР

OUR JUBILAR

АБДУЛҲАМИДЖОН АНАРБАЕВ 70 ЁШДА

TO 70TH ANNIVERSARY OF Dr. ABDULHAMID ANARBAEV

Қадим ўтмиш тарихини ўрганишда археология соҳаси ўзига хос ўрин эгаллайди. Зеро, юртимизнинг турли худудларида жойлашган ёдгорликларда турли хил шароитларда дала тадқиқотларини олиб бориш, қўлга киритилган ашёларни илмий таҳлил қилиш ҳамда уларни илк бор фан муомаласига киритиб, муайян давр тарихини тиклаш ҳам шарафли, ҳам машаққатли соҳадир. Шундай шарафли касб эгаларидан бири, заҳматқаш олим, тарих фанлари номзоди, Абдулҳамид Анарбаев 2017 йил 3 мартда 70 ёшга тўлди.

Ўзбекистон археологияси равнақига муносиб ҳисса қўшган, меҳнат фаолияти давомида ўзининг юксак билими ва ҳаёт тажрибасига, раҳбарлик қобилиятига эга эканлиги, ўта масъулиятли, фидойи ва жонқуяр инсонлигини намоён этиб келган А. Анарбаев 1973 йилдан бошлаб археология соҳасида фаолият олиб бориб, шу вақтга қадар Марказий Осиё археологияси ва тарихидаги энг долзарб муаммолар ҳисобланган суғорма деҳқончилик, шаҳар маданиятининг пайдо бўлиши ва тараққиёти, илк давлатчиликнинг шаклланиши ва ривожланиши билан шуғулланиб келмоқда.

Ўз илмий фаолиятининг илк йилларида А. Анарбаев Ўрта Осиё ўрта аср шаҳарларида юксак дид ва ўз даври учун юқори технологиялар асосида олиб борилган ободончилиги, қурилган сув қувур ва ҳовуз тизимлари, тозалик қоидаларига қатъий риоя қилган маҳалла ва оммавий майдонлар бўйича ишлаб чиқилган тизимларни тадқиқ этди. Натижада, Афросиёб, Панжикент, Ахсикент каби қадимий шаҳарларда бундан минг йил илгари ажойиб ободончилик тизими ишлаб турганлиги аниқ бўлди. Ўрта асрларда юртимизда мавжуд бўлган йирик шаҳарлар ижтимоий-иқтисодий, маданий ва тижорат марказлари сифатида қад кўтарган эди. Иссиқ иқлим шароитида аҳолиси ўта зич бўлган бундай марказларда сув таъминоти ва тозалик масалаларига жиддий эътибор қаратилмаса шаҳарликлар тез орада турли эпидемияларга дучор бўлишлари мумкин эди. Бироқ археологик тадқиқотларда юксак шаҳар маданияти бундай ҳолларнинг олдини олганлигини тасдиқланди.

А. Анарбаевнинг кейинги йиллардаги тадқиқотлари туфайли Ўзбекистонда илк давлатларнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичларига аниқликлар киритилди. Жумладан, милодий эрадан аввалги XII-XI асрларда Бактрия, Суғд, Фарғона ва Хоразмда, баъзи-бир даврий фарқланиш билан, давлатчиликнинг илк кўринишлари шаклланганлиги ва милоддан аввалги IX-VIII асрларга келиб юқорида тилга олинган кичик-кичик давлатчалар асосида, дастлаб Бактрияда, сўнг Суғд, Фарғона ва Хоразмда илк “марказлашган” худудий давлатлар шаклланганлиги маълум бўлди.

А. Анарбаевнинг илмий фаолияти Фарғона тарихи ва археологияси жумладан, Ахсикет ёдгорлиги муҳим ўрин эгаллаган. Хусусан, ёдгорликда олиб борилган бир неча ўн йиллик казишмалар натижасида милоддан аввалги II аср Хитой манбаларида, милодий эранинг VII-VIII асрлар араб манбаларида тилга олинган қадимги Фарғона давлатининг пойтахти “Фарғона” (Юань) шаҳри Эски Ахси (Ахсикет) ёдгорлиги ўрнида бўлганлиги, IX асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб Фарғона-Ахсикет, фақат XI асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб Ахсикет – деб, атала бошлаганлиги археологик ва нумизматик материаллар асосида исботлаб берилди.

Шу билан бирга, IX-XII асрларда “Дамашқ қиличлари” номи билан бутун дунёга маълум ва машҳур бўлган қурооллар Фарғона - Ахсикет хунармандлари томонидан ясалганлигини аниқлашда А. Анарбаевнинг хизмати катта бўлди. Ўрта аср Европа рицарларини хайрон қолдирган бундай қурооллар 1650-1700 даража иссиқликка чидайдиган махсус каолин идишларда тайёрланган соф пўлатдан (булат) ясалганлиги аниқланди.

Шунингдек, шаҳар топографияси, ривожланиш босқичлари, хунармандчилиги ижтимоий ва маданий аётига доир кўплаб янги илмий маълумотлар қўлга киритилди. Ушбу илмий янгиликлар А. Анарбаевнинг яқинда нашр қилинган “Ахсикет - столица древней Ферганы” - деган илмий монографиясида ўз аксини топди.

А. Анарбаев Марғилон шаҳрининг ёшини аниқлаган муаллиф сифатида, 2007 йилда Марғилон шаҳрининг 2000 йиллик юбилей тантаналарини тайёрлаш ҳамда ўтказишда фаол қатнашиб, бу борада унинг монографияси, 1 та рисола ва кўплаб илмий мақолалари эълон қилинди.

“Қўқон шаҳри архитектура кўриниши ва шаҳар инфратузилмасини тубдан яхшилаш” тўғрисида Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2009 йил 15 декабрда (№ ПҚ-1239) эълон қилган қарорининг 41 бандига мувофиқ, 2011-2012 йиллар Қўқон ва унинг атрофида А. Анарбаев раҳбарлигида кенг кўламда археологик тадқиқотлар олиб борилиб, Қўқон шаҳрига камида бундан 2000 йил аввал асос солинганлиги аниқланди. Ушбу илмий янгиликлар “Археологические исследования в г. Коканде и его окрестностях” монографиясида ўз аксини топган.

Устоз А. Анарбаевнинг илмий фаолиятининг яна бир қирраси бу илк ўрта асрларда Хитой ва умуман, Узоқ Шарқга тижорат қилиб бориб қолган Суғдликларнинг тарихий тақдирини тадқиқ этишдир. Сўнгги йилларда олиб борган изланишларида А. Анарбаев Тан сулоласи даврида аجدодларимизнинг Кореягача бориб, у ерда ўрнашиб, туб аҳоли билан интеграциялашганини, ҳатто йирик давлат лавозимларида ишлаганликларини ўрганиб чиқди. Хусусан, Кореяда ўша даврларга оид қирооллар мақбараси ёнида айнан Суғдликларга атаб улкан тош ҳайкаллар ўрнатилганлиги аниқланди ва бу янгилик илмий жамоатчилигимизда катта қизиқиш уйғотди.

Бундан ташқари, А. Анарбаевнинг Амир Темур ва Темурийлар даврида Самарқанд шаҳрида қурилган улкан биноларнинг меъморий кўринишлари бўйича ўтказган тадқиқотлари алоҳида диққатга сазовордир. Бу соҳада олиб борилган изланишлар туфайли Темурийлар меъморчилигининг фанга ҳануз номаълум бўлган сифат ва хусусиятларига аниқликлар киритилди.

А. Анарбаев ўз илмий фаолияти жараёнида 200 яқин ишлар нашр этишга эришди. Илмий ишларнинг 30 дан зиёди хорижий давлатларда чиқадиган археология, қадимги тарихга оид тарихий журнал ва тўпламларда нашр қилинган. Айни вақтда А. Анарбаев дунёнинг бир қанча давлатларида, шу жумладан Франция, Германия, Россия, Хитой, Жанубий Корея каби давлатларда илмий сафарларда бўлиб, ушбу мамлакатларда ўтказилган халқаро конференциялар ва симпозиумларда Ўзбекистон археологиясининг долзарб масалалари ҳақида маърузалар қилди, илмий янгиликлари ва ютуқларни тарғиботига эътибор қаратди.

А. Анарбаев ўз илмий кашфиётларини нафақат илмий нашрларда балки, ОАВ орқали ҳам ёритиб, тарихимизнинг қизиқарли саҳифаларини намойиш этиб, ҳалқимизга ўзининг шонли тарихини ўрганиш, англаш ва шу орқали ғурурланиш ҳиссини ўйғотиб келмоқда.

Устоз, етук олим Абдулҳамид Анарбаевни табаррук 70 ёши билан қизғин табриклар, у кишига сиҳат-саломатлик, узок умр тилаган ҳолда, Ўзбекистон археологияси фани равнақига янада самарали ҳисса қўшишни чин дилдан истаб қоламиз.

Ф.А. Максудов

М.М. Саидов

ЎзР ФА Археология институти жамоаси

**К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДЖАМАЛИДДИНА
КАМАЛИДДИНОВИЧА
МИРЗААХМЕДОВА**

**TO THE 70 ANNIVERSARY SINCE
THE BIRTH OF DZHAMALIDDIN
KAMALIDDINOVICH
MIRZAAKHMEDOV**

Среди признанных ученых-археологов нашей Республики, которые уже с первых шагов в науке нашли свое призвание и достигли высоких вершин в своем творчестве, уже давно и прочно утвердилось имя Джамалиддина Камаловича Мирзаахмедова.

Джамалиддин Камалович Мирзаахмедов родился 18 сентября 1946 года в селении Янги Базар Верхнечирчикского района

Ташкентской области в семье служащих.

Творческая атмосфера в семье, которые создали его родители, способствовали юному Джамалу Камаловичу определиться в своей будущей профессии, а впоследствии – доброжелательные и опытные наставники. Среди последних следует отметить И.А Ахрарова, А.Р. Мухамеджанова и особенно – академика АН Узбекистана Я.Г. Гулямова.

После окончания школы Д.К. Мирзаахмедов поступает на вечернее отделение исторического факультета Ташкентского государственного университета, где успешно заканчивает знаменитую «массоновскую» кафедру археологии, по тем временам одну из лучших в бывшем Советском Союзе. Вечернее обучение дает то преимущество, что студент имеет возможность одновременно работать по своей будущей специальности, чем и не преминул воспользоваться наш юбиляр. Уже с первого года обучения (1965 г.) Д.К. Мирзаахмедов работает в должности лаборанта в отделе реставрации и химико-технологических исследований Института истории и археологии АН Узбекистана. Ему довелось принимать участие в первоначальной расчистке и реставрации всемирно известной настенной живописи Афрасиаба, а затем и не менее известного купольного зала, украшенного уникальным резным

штуком. Так что в публикации замечательных книг «Живопись Афрасиаба» Л.И. Альбаума и «Резной штук Афрасиаба» И. Ахрарова и Л.И. Ремпеля есть и незримая доля нашего лаборанта. Принимал он самое непосредственное участие и в раскопках других археологических памятников, набирая необходимый опыт полевых исследований, который так пригодится ему уже при вполне самостоятельных раскопках.

Когда в Самарканде был открыт Институт археологии АН Узбекистана, Д.К. Мирзаахмедов, наряду с другими коллегами, активно включается в его научную и организаторскую деятельность (1971 г.). После службы в армии, он возвращается в Институт археологии, а с 1975 года становится аспирантом Института истории АН Узбекистана, где проходит учебу и практику под руководством академика Я. Гулямова.

Уже с момента поступления в Институт археологии Д.К. Мирзаахмедов связывает свою судьбу с Бухарским Согдом, ставшим его археологической родиной. Именно эта благодатная в археологическом плане земля в буквальном смысле слова сделала его одним из выдающихся ученых-археологов, чей научный авторитет уже давно перешагнул границы Узбекистана. В составе Бухарской археологической экспедиции, под руководством академика Я.Г. Гулямова и И. Ахрарова (1969-1974 гг.), а затем академика А.Р. Мухамеджанова (1975-1979 гг.), он внес свою лепту в определение возраста Бухары.

Пройдя все стадии его «карьерной» лестницы от младшего до ведущего научного сотрудника, он не только являлся одним из самых плодовитых ученых Института, но, будучи Ученым секретарем (1990-1995), детально вникнул в новое для него дело, поставив ведение научной документации на очень высокий уровень. Позднее эти знания пригодились, когда он стал Ученым секретарем Специализированного совета по защите докторских диссертаций, действующего при Институте археологии АН РУз в Самарканде (1997-2012 гг.).

В 70-80-е годы, одновременно с основной работой по истории антропогенного освоения и изучению урбанизационных процессов Бухарского оазиса, Д.К. Мирзаахмедов проводил исследования памятников археологии развитого и позднего средневековья (IX-XIX вв.), охватывая эпохи наивысшего взлета экономики, культуры, науки, искусства и образования в IX-XII и XIV-XVI вв. Также он внес большой вклад в исследования нового направления – позднесредневековой археологии Средней Азии (XIII-XIX вв.), уделяя особое внимание социально-экономической истории, истории ремесла, истории архитектуры и культуры и по археологическим материалам.

В 1987 году Д.К. Мирзаахмедов защищает кандидатскую диссертацию по редкой для археологии, на грани с этнографией, теме: "Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII-начала XX вв. как исторический источник". На основе своего научного труда, добавив новые материалы, он издает монографию "К истории художественной культуры Бухары (ремесло керамистов XVII - начала XX вв.)" (1990 г.). Эти исследования в значительной степени явились результатом сопоставлений с материалами из соседних регионов, в раскопках памятников которых он принимал непосредственное участие: городища Ахсикет и Кува (Фергана), Афрасиаб, Шахриябз и Ходжа Ильгар (Соغد), Бинкет (Шаш). По сути дела, Д.К. Мирзаахмедов являлся и является единственным специалистом в Узбекистане по так называемой "этнографической" керамике.

Начиная с 1990 года он возглавляет Бухарскую археологическую экспедицию. Для более широкого и всестороннего исследования уникального по сохранности и историческому значению городища Пайкенд, или, как его иногда образно называют, «среднеазиатских Помпей», он привлекает сотрудников Государственного Эрмитажа и становится содиректором совместной Узбекско-Российской экспедиции. Позднее в качестве руководителя с узбекистанской стороны Д.К. Мирзаахмедов работает в составе Узбекско-Итальянской, Узбекско-Американской и Узбекско-Французской экспедиций, в сфере интересов которых были Пайкенд и ряд памятников Бухарского оазиса. Следует отметить и его вклад в составление и уточнение Свода археологических памятников, что нашло отражение в ряде статей и коллективной монографии.

Со временем, отдавая предпочтение позднесредневековой керамике, Д.К. Мирзаахмедов становится также известным специалистом в области изучения материальной культуры домонгольского периода, особенно глазурованной керамики и стекла. Глазурованной керамике из различных памятников Узбекистана посвящен целый ряд работ, среди которых следует отметить разработки по керамике Бинката и Кубы. Керамике и стеклоделию как художественному ремеслу посвящены разделы в коллективной монографии «Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV веков. Том I. Керамика» и «Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV веков. Том II. Стекло», опубликованной в МИЦАИ. В ней представлены в обобщенном виде описания изделий из важнейших ремесленных центров Мавераннахра. Следует отметить системную деятельность нашего юбиляра по реставрации глазурованных керамических и стеклянных изделий, которые не только обогатили науку, но и украсили витрины исторических музеев Узбекистана.

Работая на таком многослойном памятнике, как городище Пайкенд, Д.К. Мирзаахмедов занимался и другими историческими периодами - античностью и ранним средневековьем. И хотя на этом поприще достижения ученого выглядят скромнее, тем не менее, научный вклад юбиляра в историю становления и развития города и его округа вполне очевиден, что также нашло свое отражение в целом ряде публикаций, включая и монографические.

За более чем полувековой период служения науке Д.К. Мирзаахмедовым опубликовано более 200 работ, включая монографические исследования и брошюры, а также около 50 научно-популярных статей. Понимая серьезность проблемы, что полученные при раскопках археологические материалы теряют свою привлекательность и историческое значение, если они покоятся в фондах и доступны только небольшому числу ученых. Поэтому со своим близким другом и научным коллегой, Заведующим Отделом Востока Государственного Эрмитажа Г.Л. Семеновым, они развернули деятельность по разработке научной концепции создания стационарной археологической базы и музея «История древнего городища Пайкенд». Эти старания были энергично поддержаны Генеральным директором Бухарского историко-художественного музея-заповедника Р.В. Альмеевым и увенчались успехом: и база и археологический музей были возведены рядом с городищем. Сегодня это один из лучших музеев в Бухарской области, в котором на основании убедительных, четко классифицированных археологических материалов отражена древняя и средневековая история и самого Пайкенда, и Пайкендского микрооазиса в целом.

Значителен вклад юбиляра в изучение Бухары и Бухарского оазиса. Д.К. Мирзаахмедов являлся участником раскопок в Бухарском Арке, много лет он посвятил изучению исторической топографии города, особенно в районе мавзолея Саманидов. В результате раскопок выявлены остатки ранее неизвестных архитектурных сооружений и мавзолеев, определены места захоронений членов саманидской династии, конкретизирована дата строительства самого мавзолея. Большая работа проведена по локализации отдельных средневековых пунктов и рустаксов, развитию урбанизационных процессов Бухарского Согда, что также нашло свое отражение в научных и научно-популярных публикациях.

Д.К. Мирзаахмедов являлся одним из организаторов и активным участником международных симпозиумов «Узбекистан - вклад в мировую цивилизацию. Бухара и мировая культура» в связи с подготовкой к 2500-летнему юбилею города. Симпозиумы, где выступили с докладами известные ученые из Российской Федерации, США, Великобритании, Швеции, Дании, Турции, Таджикистана, Египта и Казахстана, проходили в Бухаре с 1993-1995 гг. и снискали широкий отклик мировой общественности. Д.К. Мирзаахмедов продолжает публиковать свои статьи в сборниках научных статей, выступает с докладами на международных конференциях. В частности, он был почетным участником международных конференций проходивших в г. Бухаре: «Бухарский оазис. Древность и средневековье (2003 г.)», «История и культура Бухары в древности и средневековье (2011 г.)», «Бухара-город на Великом Шелковом пути один из центров всемирного туризма (2015)» и «Привлечение в Бухару иностранных инвестиций, современных технологий и инновационных проектов — как главный фактор развития сферы туризма, модернизации системы оказания услуг и сохранения всемирно признанных объектов культурного наследия (2016)». По итогам последней конференции им опубликованы статьи в новом сборнике, посвященном истории культуры Бухары, издание, которого начато научно-исследовательским центром «Наследие Бухары», Институтом Истории АН Республики Узбекистан и Бухарским Государственным Университетом

Вокруг него как Ученого секретаря и обаятельного человека всегда находилось немало молодых ученых, аспирантов и докторантов, которым он оказывал и оказывает всемерную поддержку. Многих из них с полным правом можно назвать учениками Д.К. Мирзаахмедова - они прошли бухарскую и пайкендскую археологические школы.

В настоящее время Джамал Камалович полон сил и энергии, ежегодно принимает участие в полевых исследованиях. Используя свои международные связи, он активно привлекает различные международные организации и вузы для участия в археологических раскопках памятников Западного Согда.

Желаем Джамалиддину Камаловичу крепкого физического и морального здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов.

А. Искандерова

Коллектив Института археологии АН РУз.

ISSN 2181-032X